

К 60-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ МГИМО

НАШ ДОМ

ПОЭТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ОАО «МОСКОВСКИЕ УЧЕБНИКИ»
МОСКВА
2004

ББК 84 (2 Рос = Рус)6-5

Н 37

Составители *В.Н. Казимиров, Н.Д. Кузнецова*

Н 37   Наш дом: Сб. стихотворений / Сост. В.Н. Казимиров, Н.Д. Кузнецова. — М.: МГИМО, ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2004. — 347 с.

ISBN 5-7853-0436-8

Этот сборник стихотворений — поэтическая антология выпускников, преподавателей и студентов МГИМО. На его страницах представлено творчество более семидесяти авторов, представителей разных поколений — от поступивших ещё на международный факультет МГУ в 1943-м до наших дней — 2004 г. Эта книга не могла охватить всех мгимовцев, писавших стихи, о многих из них ничего не известно, а чьи-то стихи так и не удалось найти. Но это поправимо в новых изданиях, лишь бы в этом вузе не иссякла тяга к творчеству.

ББК 84 (2 Рос = Рус)6-5

© Коллектив авторов, 2004

© МГИМО(У) МИД России, 2004

© Оформление ОАО «Московские учебники», 2004

ISBN 5-7853-0436-8

К ЧИТАТЕЛЮ

Отпраздновать юбилей можно по-разному. Собраться с друзьями и коллегами, вспомнить о годах былых, о чудесной студенческой молодости, поговорить о том, чем и как живёт сегодня наш родной МГИМО и как мы будем сохранять и укреплять его для будущих мгимовцев. Конечно же, помянуть друзей и преподавателей, которые, увы, не поднимут с нами чарку за 60 лет альма-матер. Можно и нужно сказать добрые слова о тех, кто многому нас научил, кто и сегодня учит племя младое, да и не забыть рассказать об этом племени — энергичном, напористом, совсем другом и всё же чем-то похожем и на нас — тех, кто прийдя в МГИМО в 1940–1950-е годы, заложил традиции студенческого братства, кто рос и мужал в МГИМО в 1960–1970-е, и тех, кто прошел сквозь штормовые 1980–1990-е и продолжает наши традиции в XXI веке.

И мы всё это сделаем — будет и торжественно-радостный вечер, выйдет и толстый том об истории МГИМО, пройдут семинары и конференции, придут телеграммы и высокие поздравления. Книга же, которую Вы держите в руках, это совершенно особенный подарок к юбилею и самому Университету (а он воспринимается многими как одушевленная субстанция), и каждому из нас. Потому что стихи — это подарок сердца, это дар души, это открытость миру и желание сделать так, чтобы мир (то есть все мы) знал, чем эта душа живёт. Конечно, мгимовцы всегда писали стихи: в стройотрядах

и на вечеринках мы с удовольствием распевали стихотворные сочинения и наших друзей, и тех, чьи песни, передаваясь из поколения в поколение, стали «народными». Были у каждого поколения мгимовцев и признанные поэты, многие из которых навсегда сохранили, казалось бы, присущую лишь молодости страсть к стихосложению. Однако были среди нас и такие, кто из застенчивости, кто из опасения не быть понятыми писали стихи «в стол». Так вот, в представленный Вам, любезный читатель, сборник включены стихи и тех, и других. А также совсем молодых, которые, как верится, никогда не дадут угаснуть высокой традиции мгимовцев (или хотя бы части из них) говорить о жизни, о себе, о нас высоким поэтическим слогом.

Мы назвали наш сборник просто: «Наш дом». Конечно, мне как ректору было бы приятно, если бы это название ассоциировалось у всех с МГИМО. Однако «Наш дом» — это не только «старый дом у Москва-реки» или длиннющий, положенный на бок небоскрёб на юго-западе. Наш дом — это круг друзей и любимых людей, которых подарил нам МГИМО, это ощущение тепла и покоя в наших душах.

Сборник открывают песни-гимны. Первый из них — это гимн нашей Великой победе, написанный бывшим студентом МГИМО В. Харитоновым и ставший подлинно народной песней. А за ним идут песни, которые изначально, может быть, и не замышлялись как гимны, но тем не менее были для разных поколений мгимовцев посвящениями

альма-матер и своей молодости. Может быть, в них не хватает свойственного гимну пафоса, но в них много любви и сердца.

Желаю приятного и радостного чтения!

А если время есть — читайте до рассвета.

Вернуться в юность — кто ж отвергнет риск?

Но вспомните слова любимого поэта:

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

Анатолий Торкунов

Владимир ХАРИТОНОВ

Музыка Д. Тухманова

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк...
Были вёрсты, обожжённые в пыли —
Этот день мы приближали, как могли.

Этот День Победы —
Порохом пропах.
Это праздник —
С сединою на висках.
Это радость —
Со слезами на глазах —
День Победы! День Победы! День Победы!

Дни и ночи у мартеповских печей
Не смыкала наша родина очей...
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали, как могли.

Здравствуй, мама, возвратились мы не все.
Босиком бы пробежаться по росе...
Пол-Европы прошагали, полземли —
Этот день мы приближали, как могли.

Этот День Победы —
Порохом пропах.
Это праздник —
С сединою на висках.
Это радость —
Со слезами на глазах —
День Победы! День Победы! День Победы!

ГИМН ФАКУЛЬТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МГУ

Шум и крики своды потрясают,
Перепуган университет.
То целый день гуляет
И песни распевает
Международный факультет.
Первый в мире
Международный факультет.

Там теперь науки изучают
Двести штук отборных молодцов.
И всех их возглавляет
И всеми управляет
Иван Димитрич Удальцов.
Гуго Гроций,
Иван Димитрич Удальцов.

Нас милиционеры уважают,
Женские сердца полны любви.
О нас во сне мечтают
И в грёзах обнимают
Студентки города Москвы.
Что за прелесть!
Студентки города Москвы.

Слух о нас пройдёт по всей планете.
Лучше нас студентов в мире нет.
Восьмое чудо света,
Как славно имя это —
Международный факультет.
Первый в мире
Международный факультет.

ПЕСНЯ ПЕРВЫХ ВЫПУСКНИКОВ МГИМО,
СТАВШАЯ ГИМНОМ ИНСТИТУТА

На часах возле Крымского моста
Время стрелки железные движет.
И минуты прощального тоста
Надвигаются ближе и ближе.

Припев: Ну, так что же, друзья, в добрый путь,
Коль расстаться настала пора.
Нужно нам друг на друга взглянуть
И ни пуха, сказать, ни пера!

Движет стрелки железные время.
Скоро старый швейцар с галунами,
Прощавшись последним со всеми,
Навсегда дверь закроет за нами.

Припев.

И расстелется дым пароходный,
Замелькает за островом остров,
А в глазах будет Международный
Институт возле Крымского моста.

Припев.

Где б ты ни был, в Москве или в Чили,
На пути нашем жизненном длинном
Вспоминай, как мы вместе учили
Барбароссу с Коротким Пипином.

Припев.

И мы, встав на пороге у жизни,
Повстречавшись с своими мечтами,
Поклянёмся, что нашей Отчизны
Не уроним великое знамя!

Припев.

СТАРЫЙ ДОМ У МОСКВЫ-РЕКИ

Над Москвою рассвет клубится,
Облака над Москвою летят.
И у берега, как страницы,
Волны тихие шелестят.
Скоро утро Москву осветит,
Скоро все мы сюда придём.
По привычке нас шумом встретит
Наш большой и любимый дом.

Припев: Старый дом у Москвы-реки:
Коридоры, площадки, звонки.
Пусть идут года — будем помнить всегда
Старый дом у Москвы-реки.

В жизни было забот немало,
Нам порою мешала весна.
Не всегда нам легко бывало
Каждый час оправдать сполна.
Но какую измерить мерой
Путь, который мы здесь прошли,
Столько поняли и узнали,
Замечательных книг прочли.

Припев.

И когда-нибудь, лет под сорок,
Дипломату взгрустнётся на миг,
Вспомнит тихий страничек шорох,
Вспомнит старых друзей своих.
Переулки, мечты, бульвары,

Полуночные огоньки...
Снова в памяти встанет старый
Институт у Москвы реки.

Пришев.

Над Москвою закат дымится,
Облака над Москвою летят.
И у берега, как страницы,
Волны тихие шелестят.

Юрий КАШЛЕВ

ГИМН СТУДЕНТОВ МГИМО ЗА ГОД ДО ВЫПУСКА

Течёт в века Москва-река.
Над рекой дом от старости кренится,
Пройдут года, но никогда
Наше чувство к тебе не изменится.

Здесь столько лет оставят след,
Здесь в мозгу появилась извилина,
Стоял здесь стон, здесь умер слон,
Ведь нагрузка была непосильная.

Остался год, и курс пойдёт
Жизнь вышагивать брючками узкими
За Крымский мост, за тыщи вёрст,
Где нечасто встречаются русские.

Мне всё равно, что суждено:
На вокзале работать диспетчером
Или бить китов у кромки льдов,
Рыбьим жиром детей обеспечивать.

Течёт в века Москва-река,
Над рекой дом от старости кренится,
Пройдут года, но никогда
Наше чувство к нему не изменится...

1956

ГИМН МГИМО

Мы родились под сенью великого МГИМО,
Прекраснейшей из всех земных династий.
Здесь столько поколений навеки сплетено,
Дай, Бог, ему бессмертия и счастья.

Он нам открыл дорогу к заморским берегам,
И он нас научил любить Отчизну,
И гордость, как и стыд, делить с ней пополам,
Делить с ней всё, что выпадает в жизни.

Припев: Это наш Институт, это наше клеймо,
И другого вовеки не нужно.
Оставайся всегда, несравненный МГИМО,
Бастионом студенческой дружбы.

Впервые здесь у нас пробились голоса,
Впервые здесь задумались о главном.
Менял МГИМО названья, менял и адреса,
Но не менял своих традиций славных:

Учиться — так взахлёб, а пить — так до конца,
Не падать и идти упрямо к цели.
Рассыпаны по миру горячие сердца,
Надежные и в деле, и в веселье.

Припев.

Он нам помог себя на прочность испытать
И славой, и бедою, и богатством.
Он научил нас, как от жизни не устать
И сохранить студенческое братство.

Куда бы нас ни бросило по миру — мы всегда
В любой стране и на любых маршрутах
Уверены — нам светит путеводная звезда
Над сводами родного Института.

Пришев.

1997

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Водопадом льются локоны,
Завиваются в кольцо.
Ты со мною рядом, около.
Вот оно твоё лицо.

Вижу я ресниц томление,
Губ раскрывшийся бутон...
Опалённый искушением,
Я бегу скорее вон.

Спасены ль, судьбу ли дразним?
Я молчу, и ты молчишь...
Бегать можно от соблазна —
От себя не убежишь.

1969

* * *

Всплывает солнце над тайгою,
Уходит утренний туман,
Волна сменяется волною,
Бежит река в далёкий океан.

Не слышно суетливой речи
Вдали от шумных городов...
Осенних лиственниц пылающие свечи...
И рокот вод... И гул ветров...

По берегам таинственные чумы,
Тайги сиреневая даль...
Без горизонта здесь и человечьи думы,
И радость жизни, и её печаль...

Отбросив тягостное бремя
Ненужной спешки, лжепреград,
Своим путем шагает Время,
Не зная ни минут, ни дат.

Мечтою смастерив ракеты,
Куда-то в космос устремив разбег,
Потерянное на планете
С тоской и верой ищет человек.

В грядущее глядим, задумчивы и строги,
Но манит нас таёжная река,
Где лишь языческие боги
Царят, как в прошлые века.

Пускай в столице за Урал-горою
Встаёт к штурвалу новый капитан...
Волна сменяется волною,
Бежит река в далёкий океан.

*Сынь-река,
приток Оби, 1966*

ПОБЕДНАЯ ПЕСНЯ

«Народу русскому пределы не поставлены, пред ним широкий путь» (Н.В. Гоголь) – свободная тема для выпускников средних школ СССР в первом послевоенном 1946 году

В нас русский дух вовеки не растает,
Пусть время чем-то новым удивит,
И колокольчик – дар Валдая,
Где б ни был я, в душе моей звучит.
Валдай, Валдай – озёра да леса,
Родимая, былинная краса...

Там в бору не стихло эхо прошлого,
Слышишь: тройка с бубенцами мчит,
Старина лишь снегом припорошена,
Древний крест над островом блестит.
Валдай, Валдай – озёра да леса,
Родимая, былинная краса...

Русь не в сказке, Родина живая,
Род славянский, вечно молодой,
Вместе с Волгою, рожденною Валдаем,
Ты идёшь за светлую мечтой.
Валдай, Валдай – озёра да леса,
Родимая, былинная краса...

В тяжких испытаниях прославлены,
Мы хотим за горизонты заглянуть –

Народу русскому пределы не поставлены,
И перед ним лежит широкий путь.
Валдай, Валдай — озёра да леса,
Могучая, былинная краса...

*Валдай — Селигер,
1950-е годы*

ПРОБУЖДЕНИЕ
(романс)

*Моему другу от ранних до
поздних лет Александру Тол-
мачёву, очевидцу той удиви-
тельной зорьки у лесного озера*

Не уходи, туман,
Не просыпайтесь, волны,
Ты, лес, пока со мной,
Прошу, не говори...
Смотрю и слушаю,
Мечтой заморожённый,
Неброскую красу
Предутренней зари...

Ещё не рассвело,
Ещё в объятьях Ночи
День дремлет, нежится
В истоме неземной...
И ласковая Ночь
Расстаться с ним не хочет,
Мир трепетный укрыв
Святою тишиной...

Стал розовым туман,
И приоткрылись дали,
Лес прочертил вокруг
Неясный силуэт...
В ресницах паутин
Росинки засверкали —
То тихо плачет Ночь —
Рождается Рассвет...

Свой любопытный взор
За облачной вуалью
Скрывает, торопясь,
Ревнивая луна...
День радостный встаёт,
Уходит Ночь с печалью,
Чтоб встречи снова ждать
До вечера одна...

Пускай туман уйдёт —
Мне не забыть, что было...
Мелодия зари
Созвучна хрустало...
То Королева-Ночь,
Прощаясь, подарила
И радость, и надежду
Ко-ро-лю...

*Спас-на-Сози, озеро
Великое в Калинин-
ской области, 1968*

* * *

Дураки мы с тобой, дураки...
Жизнь проходит... Что вспомнить осталось?
Не тепло твоей нежной руки —
Только глаз бирюзовых усталость.

Мне казалось: мерцал огонёк,
Он надеждой манил нас в ночи...
Но найти к нему путь я не смог,
Я жалею... А ты? Ты молчишь.

Ухожу со своим огоньком.
Пусть останется в памяти лаской.
Был тебе он чужим маяком,
Ну, а мне — недосказанной сказкой.

Непонятная ярость пройдёт,
В сердце грусть проберётся украдкой,
Пролетит то ли месяц, то ль год,
И любовь вновь поманит загадкой.

Дураки мы с тобой, дураки.
Безответной тоскою объята,
Как, мечту проиграв, игроки,
В гордость боль мы готовы запрятать.

ОСЕНЬ – ПАМЯТЬ О ВЕСНЕ

Хризантемы пахнут горечью...
Отчего-то грустно мне...
Станет ли мой полдень полночью,
Не забуду ль о весне?

Говорят, две розы спорили,
Красоту дарить иль нет?
Обещало радость Море им...
Был у каждой свой ответ.

Алым парусом за сказкою
Разлетелись все цветки,
По волне уплыли ласковой
Юной розы лепестки...

А колочая и строгая
Любовалася собой...
И увяла недотрогою
С бесполезной красотой.

И стоят подруги старые
По-над Морем среди трав,
Обе высохли, усталые....
Кто не прав из них? Кто прав?

Хризантемы пахнут горечью
Отчего-то грустно мне...
Пусть не будет полдень полночью,
Осень – память о весне!

АВТОГРАФ НА ПОСЛЕДНЕЙ МОНОГРАФИИ

*Родным моим соавторам
Лизе и Андрею*

На память этот труд дарю —
Его со мною вы писали...
Сердечно вас благодарю
За то, что мне вы не мешали.

Не каждому дано понять,
Какая помощь — не мешать!

1990

БАЛЛАДА

*И людям что-то жалобно пою...
А. Вертинский*

В туманном Лондоне, в портовом кабачке
Мальчишка пел старинную балладу,
Слезу у грузчика увидит на щеке —
И большей похвалы ему не надо...

В Париже праздничном, в роскошном кабаре
Пел юноша печальную балладу,
Заплачут шансонетки на заре —
И для певца то высшая награда...

А годы шли... И, модою пленён,
Забыл певец любимую балладу...
Пустые песенки выплескивает он,
В деньгах и славе ищет он отраду.

Визжат поклонницы, безумие в юнцах,
Орёт кумир свою абракадабру...
Но гаснет мысль и доброта в сердцах,
Как гаснут свечи в канделябрах.

Кончалась жизнь... Безрадостен певец —
В душе людей он не зажжёт лампы,
Опустошён был сам... И, наконец,
Он вспомнил снова про свою балладу.

В Париже праздничном, в весёлом кабаре
Старик гнусавит скучную балладу...
Смеются проститутки на заре:
«Зачем он здесь? Чего ему здесь надо?»

В туманном Лондоне, в портовом кабаке
Хрипит в углу старинная баллада...
Ни-кто-не-слу-ша-ет... А слёзы на щеке
Лишь у певца... И вся награда!

Я ЖИВУ И РАДУЮСЬ

Устал, расстроен, по ночам не спится
Что со мной?
Может, мне пора, как говорится,
В мир иной?

В голове блуждают, бродят
Мысли несуразные...
Как они меня находят —
Такие разные?

Старость надвигается
Неудержимо,
Женщины не улыбаются,
Проходят мимо.

Приятно вспомнить,
Что было раньше,
Успел исполнить...
А что дальше?

Если всё рассказано
И все песни спеты,
Будущее смазано...
Делать что на свете?

Пока ж меня безделье
Не одолело,
Живут и будут жить
Душа и тело!

Оттого и радуюсь
И зимой, и летом
Сказке недосказанной,
Песне недопетой...

2000

* * *

Не могу я остаться,
Ибо с лёгкостью танца
Неожиданно вдаль увлекает судьба.
Помани мне с порога:
Приглашает дорога
Песнь безумного ветра читать по губам.

Не смогу я вернуться,
Ибо сразу коснутся
Моих щёк ледяные ладони тоски.
Приглашает дорога
Слушать пение рога
И в лугах изумрудных срывать васильки.

Не могу улыбнуться,
Не могу обернуться.
Впереди же извечно мне будет светить
Недопонятой ролью,
Незабытою болью
Семизвездье больного, шального пути.

* * *

Лёг на землю листопад золотом червонным,
Над землёю небосвод слишком голубой.
Ты закрыл глаза слепым, а открыл — влюблённым
В эту осень, в листопад, в небо над собой.

Ты закрыл глаза слепым, а открыл — поэтом.
Только что ж безмолвен ты (тихий смех не в счёт)?
Сколько слов ни собери, не сказать об этом,
Так что правильно молчишь, помолчи ещё.

Ты закрыл глаза слепым, а открыл — пророкам,
Только всё же ты болтать много не привык.
Всё равно от слов твоих было б мало проку:
Все пророчества твои — в шорохе листвы.

Лёг на землю листопад золотом и медью,
И прозрачен над землёй воздух, как слеза.
Ты закрыл глаза слепым, а открыв, заметил —
Ты заметил в первый раз, что открыл глаза.

* * *

Она шла дорогой торной,
Она шла тропинкой малой,
Шла и глаз прекрасных чёрных
От земли не подымала.

И в тайге, где тише, глуше,
Отдохнуть она присела.
Что-то долго ей на ушко
Старый лес шептал несмело;

И из мрака поднебесья
Серебристой снежной ночью
Круторогий светлый месяц
Всё заглядывал ей в очи;

И, примчавшись на рассвете,
Не сумевший жить в разлуке
Колдовской душистый ветер
Целовал ей нежно руки;

И морозный синий вечер,
Посчитав её прекрасной,
Приобнял её за плечи
Очень нежно, очень страстно.

А она на них взглянула
То ли грустно, то ли строго,
Их объятия с плеч стряхнула
И пошла своей дорогой.

Александр АНУФРИЕВ

ОБЛАКО

Что ты, облако туманное,
Тихо дремлешь над землёй?
Утро ласково-обманное
Разлучит меня с тобой!
Не заметишь взгляд прикованный,
Не услышишь мой укор...
Лишь посмотришь зачарованно
В зеркала лесных озёр.

Вместе с ветром легкомысленным
Полетишь на знойный юг.
Испытаниям бесчисленным
Ты себя подвергнешь вдруг.
Да не сбудется пророчество —
В чужедальной стороне
Выпить чашу одиночества,
Что пришлось изведать мне!..

ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ

Я много бродил по дорогам страны,
Я видел равнины, моря, океаны...
Но снятся ночами мне добрые сны —
Знакомые с детства лесные поляны...

Когда зарождались все наши мечты,
И были для нас все слова необманны,
Высоким искусством земной доброты
Вы с нами делились, лесные поляны...

Сюда прихожу, от дороги устав.
Надёжно врачуют душевные раны
Густым ароматом лекарственных трав
Знакомые с детства лесные поляны...

НЕ ПРОВОЖАЙТЕ ЖУРАВЛЕЙ

Не провожайте журавлей...
Ведёт к печали расставанье.
Их крик над сном пустых полей —
Залог грядущего свиданья.
Не ждите первую любовь,
Что навсегда простилась с вами.
Она не возвратится вновь
Весною вместе с журавлями.

Пусть горек вкус былых потерь, —
Нам радость каждый миг готовит.
Любовь сама откроет дверь,
Её ничто не остановит.
В краю берёз и тополей
Надеждой новою живите:
Не провожайте журавлей,
Любви ушедшей не зовите...

ЭЛЕГИЯ РАХМАНИНОВА

Владимиру Селивохину

В тот миг, когда в концертном зале
Над нами царствует рояль,
Нас звуки, полные печали,
Уносят вдруг куда-то вдаль,
На ширь равнин, в родные степи,
Где воздух правдой напоён,
Где тёмной лжи ветшают цепи
И возникает связь времён.

Как величава и красива
Мелодия! В ней отражён
Простор весеннего разлива
И дальний колокольный звон;
В ней наша грусть и наша слава,
Песнь соловья в ночной тиши...
Как откровенье, в чистом слове
Слились две русские души!

ПОДОРОЖНИК

Когда уныло и тревожно
Кричит кукушка поутру,
О чём молчишь ты, подорожник,
Волнуясь тихо на ветру?

Людских путей и тайн заложник
И ночью, и погожим днём...
Ты помнишь, помнишь, подорожник,
Как здесь гуляли мы вдвоём?

Забить былое невозможно.
И вот опять, как блудный сын,
К тебе пришел я, подорожник,
На этот раз пришел один...

И вновь кукушки крик тревожный
Порывы ветра донесли.
Спаси от боли, подорожник,
Меня от боли исцели!

* * *

Хочу поклониться Великому Гуру,
Известному всем под названием МГИМО,
За эту науку, за эту культуру,
За то, что на мне этой школы клеймо.

Здесь каждая лекция, каждый экзамен —
И трепет, и опыт, и жизни урок.
На мир мы взглянули другими глазами.
Спасибо, профессор, что щедр был и строг.

Был каждый студент, словно лондонский денди,
Красив, аккуратен и чуточку крут,
И не было выше в Союзе стипендий,
Чем плата за наш титанический труд.

А юность? А юмор? А пылкие речи?
А жажда полёта? А ненависть к лжи?
О, что это были за дивные встречи!
С какими людьми довелось нам дружить!

Нет лавров без терний, а розы — с шипами.
И всё ж мы спешили туда, как домой.
Что было, прошло. Но осталось на память
Нам гордое званье студента МГИМО.

---

* * *

Я по цветочному шагаю лугу,
Бескрайнему, как для мальчишки время.
Откуда может знать он, что разлуку
Готовит с лугом юности старенье?

Я по душистому шагаю полю
И упиваюсь широтой простора,
Где не стреножена пока что воля
И горе встретится ещё не скоро.

Через плечо одна пастушья сумка,
И незабудки к памяти нестроги.
Глазею я на линии рисунка
Потрескавшейся графики дороги.

Всегда любовь гадает мне ромашка
И салютует ярко-желтый лютик.
В пути питаюсь розовой кашкой,
Мне сервированной на лопуховом блюде.

Здесь поутру разбудит колокольчик
И ветерком обдует одуванчик,
Прогонит сон травинки тонкой кончик,
Склонившейся на мой живой диванчик.

Так я шагал, вокруг кипело лето,
Но по бокам меня теснили реки —
Наверно, Рубикон, а может, Лета:
Соединиться надо им навеки.

И понял я, что, бесконечно длинный,
Мой дуг, мой мир мелодий и растений
На деле оказался просто клином,
Зажатым между руслами течений.

Всё кончилось утёсом, и открылась
Мне, как на карте, как на топоснимке,
Житейской географии унылость —
Та, что скрывалась в изумрудной дымке.

Одна из рек, вся в омутах и бродах,
Спешила, спотыкалась, извивалась,
Терзаясь в муках творческих и родах,
И, как известно, Жизнью называлась.

Текла другая гордо, одиноко,
Приемля снисходительно и нежно
В свою стерильность мутный шквал притока,
И называлась Вечностью, конечно.

Я вновь по чудному шагаю краю,
И травяной ковёр щекочет пятки.
Я, как мальчишка, с вечностью играю.
Не знаю только, в жмурки или в прятки...

* * *

Что было раньше — словно сказка,
Сладкий сон, что мне приснился.
Не грим на лицах и не маски —
Нет, никто не изменился!

Юные мои мальчишки,
В вас горит огонь желаний,
Нет конца зачётным книжкам,
Нет боязни испытаний.

Кто-то теперь уже не с нами.
Тот был друг — теперь приятель.
Кто-то заходит временами.
Тот с ума немножко спятил...

Разные мои знакомцы,
Фотокарточек альбомы.
Словно в прошлое оконце,
Словно счастья полудрёма.

Некогда пышные причёски
Ныне несколько скромнее...
Стройные тонкие берёзки
Стали несколько грузнее.

Я на них смотреть стараюсь
Глазом фотообъектива,
Но сам старею, изменяюсь
И сужу несправедливо.

На лицах их печать осталась
Мук, тревог, невзгод, усилий...
И только ты с годами стала
Лишь изящней и красивей.

Вот бы нам опять одеться
В наши старые одежды,
Возвратиться в наше детство,
В наши прежние надежды...

* * *

Время метит жизнь стежками —
Грубой вышивкой по шёлку.
Я же шью по ней стишками —
Вышил целую кошёлку
Тонких тканей, тёплых ниток,
За стежком ещё стежочек
Разукрасили планиду
Мне поэмочка-стишочек.
Только время-белошвейка,
Не жалея красоты,
Прозой портит ветошь века:
Всё кресты, кресты, кресты...

* * *

Я не знаю, как живу: плыву
По течению — стечению
Обстоятельств, и опять волхву
Биографии своей главу
Отдаю на отсечение.

Словно ветра дуновение,
От которого в ознобе я,
Налетело вдохновение
И утихло за мгновение
До спасенья от бессловия.

А за ним опустошение
Оставляет, как на склоне дня
После вражьего вторжения
В поле ратного сражения,
Мертвых строчек многословие.

Я не знаю, как живу: слыву
Живописцем изречений я.
Но, людскую обманув молву,
Я к лесному молчуну-волхву
Убегу на излечение.

* * *

Дружище, если
Ты пишешь песни,
Ты пишешь басни,
Пусть это пламя,
Тебя не плавя,
В тебе не гаснет.

Пусть не сонаты,
Тогда салаты,
Тогда сонеты,

Но знай цену ты
Любой минуты,
Любой монеты.

Пускай не чудо
Пока этюды
Твоей методы,
Зато в сюжеты
Не по клише ты
Сплетаешь ноты.

Рождают фуги
Не только руки,
Но муки, крики.
Творят сюиты
Сует флюиды
И дух интриги!

Ведь увертюра
Есть авантюра!
Но Комбинатор
Создаст и коду,
Аккорд к аккорду,
Раз сердцу надо.

Раз просит сердце
У старца скерцо,
Не верь ты смерти!
Пусть бьёт крещендо
В твоём пещерном
Дивертисменте!

---

* * *

«Меня не надо понимать», —
Сказал подвыпивший художник
И мимо церкви, как безбожник,
Сквозь мелкий морозящий дождик
Пошёл на водку занимать.

В глуши, без запаха «Climat»,
Он жил давно здесь, как заложник,
Как каторжанин, как острожник,
Без школы основоположник
И иноходец без клейма.

И оценить не мог, увы,
Его сосед-односельчанин,
Сколь был автопортрет печален,
Пейзаж — пронзительно-прощален,
Натуры мёртвые — живы.

И прихожанин он, и дяк,
Он славит сам свои шедевры
И воспевает мыслей дебри
И кисти сложные маневры —
Ценитель, критик и судья.

Тебе ж всё кажется, что ты,
Как шесть живущих миллиардов,
Что ты — не козырная карта,
Хотя не факт, что Леонардо
Твои б скопировал холсты.

Поверь, что ты неповторим.
Не бойся, если ты не понял,
Что не оценят и не вспомнят.
Представь: нет Индии и Японий!
Забудь про Грецию и Рим!

Поверь, как верит пони мать,
Для детворы у полустанка
Весь день гарцующая танго,
Что чадо вырастет мустангом...
Тебя не надо понимать.

* * *

Из всех возможных вариантов
Я выбираю наблюдать
За тем, как плещется вода
У скал напыщенных, куда
Волна стремится, как всегда,
Но вновь дробит её удар
На россыпь брызгов-бриллиантов.

Любовь крошится об утёсы
Бездушия и пустоты.
Но бирюза морской воды
Рождает капель лёгкий дым!
Ведь нет без радости беды:
Любовь мертва, и всё же ты
Оставил бриллиантов россыпь.

---

* * *

В тот день, когда ты соберёшь
Свои нехитрые пожитки,
Ладонью щеку подопрёшь
И станешь изучать снежинки,
И вспоминать свои ошибки,
И удивляться, что поджилки
Твои не пробирает дрожь;

В тот день, когда тебя вагон
Эвакуирует из зоны,
Где жизнь твою сожрал огонь,
Где все рассыпались резоны
И сожаленья голос сонный
Гудком осипшего клаксона
Не заскучает ни о ком;

В тот самый день ты должен стать
Другим каким-то человеком,
И заново себя познать,
Зелёным вылезти побегом,
Подснежником восстать под снегом
И завязавшим с прошлым зэкком
Поверить, что придёт весна.

РЕКА

Кому-то надо быть Рекой,
Вбирать беспомощные струи,
Тащить баржи, плоты и струги,
Дарить прохладу и покой,
Без счёта жаждущих питать,
Крепить проторенное русло,
Крушить во гневе, меркнуть грустно,
Красой серебряной блистать,
Всеутешающей рукой
Целить и рану, и тревогу...

Кому-то надо быть Рекой,
Упорно знающей дорогу.

РОДИНА

Здесь Родина моя! Захватывает дух!
Люблю! Молось! И плачу, и теряю...
Иная жизнь таранит глаз и слух,
Иные силы мускулом играют.

И одиноко, жадно, навсегда
В себя вбираю этот лес и поле,
И чувствую до ярости, до боли,
Что НАШИ не вернутся никогда.

Никто! В пилотке выцветшей, в пыли
В тяжёлый сон с боями не прорвётся,
Горячим сердцем к сердцу не прижмётся,
Не поцелует горсть родной земли.

И значит — мне стоять на рубеже,
Когда златой телец, угрюмый и холодный,
Попрёт по этой солнечной меже —
И покорятся золоту народы.

Но только здесь ему готовят бой!
Здесь Родина моя, всегда святая!

Здесь я стою в косынке голубой,
И малым людом сила прирастает...

СЫН

Море цикория! Кружево донника!
Пик иван-чая, где старый бурьян,
Запах полыни, растёртой в ладонях,
В красных фонариках гроздья репья!

Шмель на осоте медовом пасётся,
Шёлковый мятлик ласкает щеку,
Солнышки пижмы смотрят на солнце,
Грозный татарник стоит начеку!

На пустыре своё лето мы празднуем,
Рядом с травинкой учимся жить...

В море цикория голубоглазого
Голубоглазый мальчик бежит.

РОМАНС

Пел соловей над вечерними водами,
Тихий туман поднимался с полей,
За уходящими вдаль пароходами
Зыбко тянулись огни фонарей.

Белые храмы, холмом вознесённые,
Луч поднебесный венцами обвил...
Там, где безгрешные души спасённые, —
Ныне душа отошедшей любви.

Вот и покой подступает неведомый,
Кончились годы сердечной страды...
В час расставанья с последними бедами
Пел соловей у вечерней воды.

МОЙ ДОМ В КОЛОМЕНСКОМ

Под окнами — поле,
За полем — река,
С травой наравне
Не видны берега.
И будто по полю
Траву раздвигая,
Плывёт пароход,
Поворот огибая.
По медленным водам —
Полями, лесами
Плывёт и плывёт он
До самой Рязани.

Его провожая
В вечернюю пору,
Выходит народ
Помахать с косогора.
И я провожаю,
Когда одиноко,
Когда мимо окон
Плывёт он далёко
От Южного порта —
Нарядный, весенний!
И надпись по борту —
«СЕРГЕЙ ЕСЕНИН».

ПЕСНИ

Наших песен глаза голубые —
Как во мраке живые огни,
Как зовущие души родные —
И тревожат, и будят они.

Не погасли огни, не погасли!
Окликаая друг друга, горят,
Словно проблески солнца в ненастье,
О надежде они говорят.

В них полынная горечь простора,
И хрустальных хоралов струна,
И лихой перепляс у забора,
И походного марша волна.

Не забыли мы, нет, не забыли,
Как напевы сливаются в лад!
Наших песен глаза голубые
Незабудками в душу глядят.

ИЗДАЛЕКА

Издалека... Уже издалека,
С вершин, где одиночество и небо,
Я прихожу сюда, где только хлебом,
Да зрелищем, да вздором жизнь крепка.

Я прихожу, чтоб тихо пожалеть
Тех, у кого душа искала счастья,
Хочу усталых одарить участием
И тишиной своею обогреть.

Однако здесь язык кипит ключом!
Всё тот же вздор, и спор, и самомненье,
Всё тот же бодрый гомон ни о чём —
И только я достойна сожаленья!

Но всё равно опять сюда приду —
Здесь мой народ, здесь кровное, земное...
Я никого отнюдь не беспокою,
Но за собой кого-то уведу.

ЮНОСТЬ

Рублю дрова размашисто!
Рука легка
Сама взлетает, кажется,
Под облака!
Отточенно, уверенно
Звенит топор,
Ведёт с металлом дерево
Задорный спор!
Вот так бы – и до старости,
Чтоб в день свой каждый
Врубаться без усталости
С весёлой жаждой,
С победами, с потерями,
Чтобы жить
Влюбленно, зло, уверенно
И – не ныть!

* * *

Ах, как хочется летать,
Захлебнуться в синем счастье,
На мгновенье осознать
Непричастность к серой массе,

На мгновенье ощутить
Бесконечности влечение,
Всё понять и всё простить,
Не найдя себе прощенья.

Всё, что важно на земле,
Сверху видится иначе.
Стисни зубы посильней
И рвани по восходящей.

По шоссе пойдя на взлёт,
Руки врозь, как крылья птица.
Высоты боится тот,
Кто познать себя боится.

Скоростей таких не знал
Ни лукавый, ни спаситель.
Захлебнулся и отстал
Реактивный истребитель.

Головой нырну в рассвет,
Облака взрывая грудью.
Будет радость или нет...
Главное, что что-то будет.

Чтобы в вечность улететь,
От планеты оторваться,
Надо очень захотеть
И немножко постараться.

Торопись глаза поднять,
Посмотри, как манят звёзды.
Если хочется летать,
Улетай, пока не поздно.

* * *

Спасибо вам, мои враги,
За твёрдость духа и руки,
Что приобрёл в сраженьях.
Уроки не пропали даром —
Я научился ждать удара
И принимать решенья.

Спасибо всем моим друзьям
За то, что научился сам
Себя спасать от бед,
За то, что в самый трудный час
Не позову на помощь вас,
Чтоб не услышать: «Нет».

Спасибо тем, кого люблю,
За душу смятую мою,
За горький вкус печали,
За ровное течение мыслей.
Спасибо вам за ваши письма,
Что вы мне не писали.

Спасибо, жизнь, за груз обид,
За память, что на мне лежит,
Как груз, сутуля плечи.
Спасибо, жизнь, за боль твою.
От всей души благодарю
За то, что ты не вечна...

* * *

Сегодня нас всех, безоружных и гордых,
Опять превращают в животных покорных,
Чтоб снова мы стали тихи и послушны.
И пусть мы горды, но, увы, безоружны.

А эти ребята умело, спокойно
Нас гонят обратно в постылое стойло,
В сырые подвалы, в вонючие зоны
Под стражей погонщиков в комбинезонах.

И вновь загоняют бычков за ограду,
Посмевших уйти из колхозного стада,
Опять собирают по вольным болотам
Заблудших коровок пастушечьи роты.

На каждую шею — ярмо, колокольчик...
И будет порядок. Как в Чили. Как в Польше.
Удел всей скотины всегда, во всём мире —
Кормить пастуха в генеральском мундире.

Так было всегда, но теперь так не будет!
Мы больше не стадо, мы гордые люди.
Кто верит в себя и в ком совесть проснулась,
Тот смело пойдёт за свободу под дула.

Да, мы безоружны, но вместе мы — сила.
Нас общая вера в победу сплотила,
Мы общим стремлением к счастью едины.
Мы вместе, а значит, мы непобедимы.

* * *

Я умею летать, но пока не умею не падать.
Я умею любить, но ни разу я не был любим.
Я всегда одинок, когда нужен хоть кто-нибудь рядом,
И всегда на виду, когда должен остаться один.

Всё закончилось вдруг, как-то сразу и бесповоротно.
Словно в тёмных сенях второпях на косяк налетел.
Так у нас повелось, безнадёжно и очень удобно,
Что всегда и всему беспрерывно положен предел.

Я до смерти загнал своего вороного пегаса.
Пал мой конь подо мной, тихо плачет и крыльями бьёт.
Вот и время ушло в ожидании звёздного часа.
Звёзды падают вниз, и последний мой час настанёт.

Хорошо бы уйти самому, навсегда, безвозвратно,
Претвориться в ничто, стать песчинкой на Млечном пути.
Все уходят туда, и никто не приходит обратно,
Значит, что-то там есть, от чего невозможно уйти.

Я умею летать и судьбе благодарен за это.
Это выше любви, ярче солнца и слаще, чем страсть.
Я уже не вернусь, возвращаться — дурная примета.
Улечу в никуда, в первый раз не рискуя упасть.

* * *

Куда ты спешишь? Ты уже опоздал.
Не трать свои силы, их мало осталось.
Твой поезд ушёл и в тумане пропал,
А ты всё бежишь, спотыкаясь по шпалам.

Конечно, обидно, что всё было зря,
Но нужно смириться, чтоб не было хуже.
Твой поезд ушёл. Он ушёл без тебя.
Он нужен тебе, но ему ты не нужен.

Надежды разбиты, как хрупкий хрусталь.
Воздушные замки — непрочные зданья.
Твой поезд ушёл в предрассветную даль,
А ты не вписался в его расписание.

Обычное горе, простая беда —
Уехало счастье в последнем вагоне.
Твой поезд ушёл. Он ушёл навсегда.
Его не вернёшь... Даже если догонишь.

ПОИСК

Смысл я в тебе ищу...

А. Пушкин

В людском потоке пыль,
В людском потоке явь.
Но застилает быль
Мятежность бытия.
Здесь кто оставил след —
Палач или святой?
Нам отвечают: нет,
То был пастух простой.
А где нам смысл найти,
Христос и Моисей?
В пещерах, чтоб спасти,
Его зарыл ессей...

А к истине тропа —
Скребки на бересте.
К познанию врата —
Морщины на песке.

ДОЖДЬ

Дождь, как ткач, на звонких нитях
Ткет ковёр с рисунком луж.
Гром — подкупный обвинитель
Нагоняет страхи стуж.
Подражая балаболкам,
Листья сплетничают власть.

Ветер шепчет без умолку
Клятву лживую, как власть.
И в сполохах озаренья
Мысли бьются, будто дрожь:
В этом может быть спасенье,
Коль усталые сомненья
С наших душ смывает дождь.

ДВОРНИК

Он, чтоб страну очистили,
Народ, отмыв, насытили,
Ковром дороги выстелил
И ждал — придут спасители.
Он ждал придут писатели —
Пришли рукоплекатели,
Кумиров обожатели,
Хозяев лобызатели.
Он ждал интеллигенцию —
Больших умов потенцию.
Пришли пенкосниматели,
Кремлевских блюд лизатели.
Он ждал придут святители,
Духовные растители.
Но — в храмах благодетели
Нас, грешных, не заметили.

И тут он мыслью храброю
Альтернативу вычислил:
Возьмём ведро со шваброю,
Россию сами вычистим.

ТАЙНИК

Я знаю, надо вырваться из бездны,
Из сжатости закованного «я»,
Отбросить мысль, что это бесполезно
В холодном равнодушьи бытия.
Сорвать замки с дубовых плит застенка,
Где в пригвождённой ржавости душа
Хранит сокрытой истины оттенки,
Сомнений ворох тихо вороша.
Пора расторгнуть цепь оцепененья,
Заваренную пытками в гранит,
И распахнуть в момент освобожденья
Тайник, что сокровенное таит.
Но истины проснувшееся утро
Чуть вспрянет, как прошёптанный упрёк,
Раскроет строчку шелкопрядной сутры
И тут же спрячет, превратив в намёк.
И вновь в тених иносказаний, логий
Мысль растечётся зыбкая, как ртуть.
История захлопнет крышку строго:
«Чрезмерность правды искажает путь».

РУБИКОН

Он войско вёл. Вдруг за собой
Он слышит хриплое ворчанье:
«Эй, полководец, что с тобой?
Где наша цель, где обещанья?

Ты говорил: на этот раз
Нас ждут победные сраженья
И горы чужеземных явств,
Для тел уставших наслажденья.
Случайно, ты не заплутал?»
Он оглянулся, крикнул звонко:
«Всё будет так, как я сказал.
Вон там заветная сторонка!»

Блеснула вскорости река,
А вдоль — крестьянская ограда.
И он спросил у старика,
Что, мол, за водная преграда.
Отвесив низенький поклон,
Старик сказал, войдя в загончик:
«Река зовется Рубикон,
А я считаю, Рубикончик».

Течение остро, как кинжал.
О скалы пеной бьются волны.
И он три дня там простоял,
Сомнения и страха полный:
«Свернуть иль всё же перейти?
А вдруг невыгодно? Опасно?
Ведь есть окольные пути,
Где не рискуешь ежечасно!

Зачем же нужно поперёк?
Ведь вдоль реки идти логичней?
А вдруг история упрёк
Потом в лицо мне бросит лично?...»

Когортный люд не утерпел
И безо всякого почтения
Пустил его, как он хотел,
Вниз по бурливому течению.

ЗВУК

Есть на свете странный звук.
Неизвестен, неизучен,
Он приходит только вдруг
Иероглифом беззвучным.
Он — гармонии изгой,
Ранит он, как яд осиний.
Не глаголит, как гобой,
Не трепещет клавишином.
Звук понять тот не дано
Акустическим законам:
Будто на морское дно
Луч упал с хрустальным звоном.
Из стихий лишь есть одна,
Где известно это лучше, —
Это лопнула струна,
Сопрягающая души.
Та стихия — сердце. Кровь
На мгновение остынет,
Звук услышав: то любовь
Вдруг исчезла без причины.

КОНИ

С детства сон: несутся кони,
Словно в диком иступленье.
Я не знаю — мы в погоне
Или в дерзком наступленье.
Стук копыт, как ритмы боя.
Хрип коней, что рык шамана,
Ветер глушит, сипло воя
Низким голосом органа.
Я, умытый конским потом,
В вихре странного участия
Вопреки земным заботам
Преисполнен жгучим счастьем...

Знаю, горный дух Алтая
Жив в крови его народа.
И, как мышцы Сартакпая,
Крепка памяти природа.
В грозный день Солнцеворота,
Внемля кличу Ургень-бога,
Орды пращуров-ойротов
С гор спустились в путь-дорогу.
Кони в битвах их спасали,
По степям, как смерч, носились.
И что предки испытали,
В снах потомка воскресилось.

Но куда же рвутся кони,
Толщу времени пронзая?
Я о том совсем не помню.
И пока ещё не знаю.

СЧАСТЬЕ

Счастье трепетно, очень зыбко.
Это — миг в пересчёте дней,
Это грусть от твоей улыбки,
Это горечь любви моей.

Это тень упорхнувшей птицы,
И комок непролитых слёз,
Пожелтевшая боль страницы,
Пожеланье из мира грёз.

Ненадолго и так нечасто,
Словно крадучись, как во сне,
К нам приходит немое счастье
И опять исчезает вне.

В полушёпот ночного сада,
И любви уходящей вслед
Счастье спрячется, и не надо
Окликать его много лет.

Безмятежным сияньем ночи
И застывшей красою дня,
Ненавязчиво, между прочим,
Вдруг коснётся оно меня.

НОКТЮРН

Мало знакомы мне эти места.
Здесь непогоду сменяет забвенье.
Ветер играет, но песня не та:
В ней одиночество и отчужденье.

Ветер приносит прозрачную пыль,
Лёгкий песок и осколки гранита.
Изо дня в день — монотонная быль,
Завтра неясно, вчера позабыто.

Здесь замедляется времени ход,
И по широким волнам мироздания
Так одиноко, на ощупь плывёт
Хрупкий кораблик моих ожиданий.

НАДЕЖДА

На самой кромке бытия,
На самой удаленной почве,
Где обрывается земля,
Где веру разрывает в клочья,
Где нет ни впадин, ни вершин,
Ни убеждений, ни сомнений,
Где заправляет он один —
Нелепый случай, Фатум, гений.
Где преклоняется толпа,
Застыв в смиренном реверансе,
И разбивается судьба
На прожитые одночасья —

В отчаянье нельзя молчать!
Мы сможем обрести полжизни,
И обернуться, чтоб начать,
И вновь ступить на почву истин.

* * *

Мой дом ещё хранит твои следы:
Остывший чай, открытое окно...
А как-то раз — весенние цветы,
Но это было, кажется, давно.

Та самая на радио волна.
Мой дом ещё хранит твои следы.
Опять я смутной нежности полна,
Но день уходит, исчезаешь ты.

И долго, до объятий темноты,
Мои движенья, тёплый запах рук
По-прежнему хранят твои следы,
И тает вечер, приглушая звук.

Всё нереально — было или нет?
Ах, чёт и нечет, правда и мечты...
Горит за окнами в ночи далёкий свет,
Мой дом ещё хранит твои следы.

* * *

Приказ получен в штабе полка.
К пилотке привычно взметнулась рука.
Пять человек уходят в ночь.
Махорка оставлена, личное — прочь.
Идут по траншее легки, ловки —
Пять пальцев одной руки.

* * *

Час приказа ближе, ближе, ближе.
Мне уже пора поднять бойцов.
Только вместо циферблата вижу
Милое далёкое лицо.

Напиши... а за письмом зайду ли,
Сяду ли прочесть спиной к костру?
Над нейтралкой вражеские пули
Мечутся, как искры на ветру.

* * *

Всё шутила, что, мол, бездомна ты,
И ушла, как всегда, легка.
В холостой сумбур моей комнаты
Осторожно вошла тоска.

Чем её занимать — не ведаю,
Может, в блюдечке дать молока?
Я и дома-то не обедаю,
И зачем она мне — тоска?

Ей сюда путь заказан, как правило,
Но не гнать же её теперь.
Это ты всё спешишь — вот оставила
Незакрытой входную дверь.

Ты такая, как все, небрежная,
Мне приходится быть начеку.
Дорогая моя и нежная,
Приходи, унеси тоску.

Я её до тебя не трогаю.
Пусть сидит себе, раз пришла,
Ты глаза завяжи ей дорогою,
Чтоб обратно пути не нашла.

* * *

На месяц в отпуск после лет войны домой я ехал...
И не в госпитальном эшелоне, а в скором поезде,
Но мне казалось, что скорый слишком медленно плетётся,
Что машинист лентяй, что вёрсты длинные,
Что семафоры, тайно сговорившись,
Стараются меня не пропустить...

Но я доехал.

И о встрече с домом могу сказать
одним огромным словом

МАМА.

Случайно я услышал разговор ваш — и ни черта не понял,
Вы болтали о театре, об артистах, об искусстве,
Мне стало ясно, что я низшей касты.
Тогда я испугался одного — что вы заговорите,
Нет, не со мной, а обо мне, со спутниками...

Но, слава Богу, мимо вы прошли,
Меня своим вниманьем одарив
Не более чем надпись на заборе.
Как я завидовал их длинным пиджакам,
Прическам модным, умным разговорам...
Чтоб получить какой-нибудь реванш,
Я на мгновение представил их в нейтралке.
И рассмеялся я — но с ними вы ушли.
Мой отпуск кончился.

И очень кстати.

* * *

Там на Севере, в стране Суоми,
Где ночами печи топят душно,
Ты живёшь в смешном картонном доме,
Ко всему, что было, равнодушна.
Запретив, чтоб письма приходили,
Ветрам дуть — попробуй запрети.
Знаю, нас с тобой разгородили
Снежные, тяжёлые пути.
Но когда повеет ветром южным,
Заскрипят легонечко стропила,
Вспомни вдруг того, кого ненужно,
Горячо и тягостно любила.

1944—1953

* * *

Я за луной угадаю твой образ,
Сдёрну с него облаков покрывало.
Мне поцелуев твоих и объятий
Мало сейчас и тогда было мало.

Острым кинжалом раскроются вены,
Алою нитью струясь по запястью.
Тихо, дрожаще-неверной рукою
Хрупкое сердце разбито на счастье.

В танце неистовом сбито дыханье,
Тень твоя тает в лобзаннях рассвета.
Томная ночь в ореоле сиянья
Вновь ускользнёт отголосками лета.

* * *

В сиянье лунных бликов
Ты был потерян мною,
И новою звездой
Горишь теперь в ночи.
Смеюсь я не от счастья
И плачу не от горя.
Я чувствую потерю
Безумную в пути.
Пускай померкнет солнце
И ветер ураганом
Уносит тучи криков
Убитых мною птиц.

Закривотчат раны,
И в этом миге странном
Стрелою пронесётся
Толпа забытых лиц.
И хороводом страшным
Кружима поневоле,
Я утону в безверье
И собственных страстях.
Но знай, на тёмном ложе,
В последнем тихом вздохе
Печатью смерти имя
Застынет на губах.

* * *

Не грусти, что закончилось лето,
Что назойливо льются дожди.
Словно радость потеряна где-то
И сплошная тоска впереди.
Не смотри, как листва растается
С шумным домом родимых ветвей,
Как туман мокрым облаком вьётся
И скрывает идущих людей...
Всё по кругу устроено в мире.
И однажды, насытившись сном,
Мы проснёмся от света в квартире
И окно в зимний сад распахнём.
Будут ветки снегами накрыты,
Будут весело петь снегири,
Все сомнения будут забыты
В океане январской зари.
Снова к жизни душа обернётся
И на свет мотыльком полетит.
...И в который уж раз улыбнётся
Тот, кто с неба за нами следит.

* * *

Я знал прекрасного певца;
Он был тогда еще парнишкой.
Глядела жизнь с его лица,
А от меня тянуло книжкой.
Судьба свела нас мимоходом
Своей талантливой рукой.
Он был ужасным сумасбродом,
А я — весь правильный такой...

Шумели жёлтые леса
В объятьях осени дождливой.
Вдали терялись голоса,
Я брёл тропинкой молчаливой.
И там, за толщею стволов,
Где шла широкая дорога,
Среди весёлых голосов
Искрился тот, что был от Бога.

И думал я: не зря дана
Мне в жизни маленькая тропка.
Пусть подо мною почва топка,
Пусть эта местность холодна,
Пусть поворотам нет конца,
И надоело с ветром биться, —
Но голос юного певца
Не даст душе остановиться.

ПЕСНЯ

Не смотри в лицо, девчонка,
А смотри в глаза.
Если там тумана плёнка
И гремит гроза,
Содрогая небо звонко,
Землю теребя, —
Не люби его, девчонка,
Он не для тебя.
Хоть ты смейся, хоть не верь,
Затыкай хоть уши:

Очи — маленькая дверь
В спрятанные души.
Кто ключи к дверям найдёт
И секрет добудет,
Никогда не пропадёт
И счастливым будет.
В век из века, в год из года
Внешний облик — дым.
Настоящая природа
Спрятана под ним.
Растворись, тумана плёнка!
Расступись, гроза!
Не смотри в лицо, девчонка,
А смотри в глаза!..

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ
«НАС БЫЛО ДВЕСТИ НА ЧЕЛНЕ»

О, ветераны дорогие!
Смешная штука — ностальгия
По юности. Проходят годы
И чёрт-те чем душа полна,
И выплывают вдруг со дна
Без всякой связи имени,
Без всякой сути эпизоды.
А можно иначе взглянуть:
Здесь отстоявшаяся суть.
Я, как на первое свиданье,
Летел на первое собрание.
Прозрачный воздух предрекал
Мне счастье этим утром ранним,
А колоритный старикан
Гудел: «Помолимся, помянем!»
Спешил, но глазом засекал
В толпе стремившихся туда же,
Легко по лестнице взбежал
И вот уже на бельэтаже.
Большой холодноватый зал
Пока без стульев, голы стены,
Нет ни портретов, ни зеркал,
Рояль в углу. Подобье сцены.
И двести славных молодцов —
Те в одиночку, эти в стайке
Ещё доинститутской спайки,
Теснясь у стен, сбиваясь в кучки,

Свою устроили толкучку,
Сойдясь впервые в этом месте,
Уже не врозь, ещё не вместе.
Гул приглушённых голосов,
Негромкий смех, пожатья рук.
В душе мажорный гордый звук
(Как бы торжественное пенье)
И сердца торопливый стук
От самомнения и смущенья.
Оглядка тайная вокруг:
Кто будет закадычный друг,
Кто ближний круг, кто просто так,
А кто, быть может, и чужак.
Нормальной юности дела:
Она грустна и весела,
Она нахальна и робка,
Она смешна и высока.
Война войной, бедой беда,
А юность юностью всегда!
Я помню эту смесь одежд
Невежд, исполненных надежд.
Тут кителя и гимнастерки,
Тут ватники и пиджаки,
Тут галифе и сапоги,
Унты, обмотки, башмаки,
Полуботинки и опорки.
И благодать костюмов новых,
И блеск воротников бобровых,
И шик ратиновых пальто,
И полущубки, и шинели...

Что ж, все надели, что имели,
И было видно, кто есть кто
(Или за кем какая сила).
Потом жизнь всё перекрутила
И справедливей разместила,
Но по одежке нас встречала,
По крайней мере поначалу.
И мы, конечно, по одежке
Свои протягивали ножки
И не топтались у углов
Накрытых не для нас столов,
Но и не делали проблем
Из этих социальных тем,
Поскольку даже нищета
Пред светлым будущим — тщета.
К тому же нас в единый круг
Соединял лицейский дух
И всей когортою несло
Фортуны лёгкое крыло.
Наивность в юные года,
Ей-богу, вовсе не беда.
И память предзакатных лет
По праву ищет светлый след.

* * *

Диплом мгимовский — не пустяк.
Блестяще полуобразован
Мгимовец в разных областях
Мог ярко быть реализован.

Нас всех учили, слава богу,
Текло и в рот, и по усам,
И был любой способен сам
Определять свою дорогу.
Хотя на каждой из дорог
Подстерегал ещё и рок.
Кто жил свободно, кто в узде,
Кто шёл прямым, кто выгнув выю,
Кто побывал почти везде,
А кто попал в невыездные.
Полковник этот, тот посол,
А третий, внешне неприметный, —
Весьма зубастый волк газетный,
Иной прорвался в генералы.
Иной — простой и скромный малый —
Рабочий и домашний вол.
Кто в министерстве, кто в ЦК,
Кто столп науки, кто зэка.
Кто прёт по жизни, балагурия,
Кто тянет ляжку, лоб нахмурия,
Кто любит тьму, а кто лазурь,
Кто дерзновенно ищет бури,
Кто робко прячется от бурь.
Кто был сражён судьбы коварством,
Кто счастлив был своей судьбой,
Кто жил в согласье с государством,
Кто жил в согласье сам с собой,
А кто хитро сводил края:
Мол, «государство — это я».
Кто похоронен был с набором

Положенных речей и труб,
Кто в пьяной драке под забором
В недвижимый превратился труп.
Нас было много на челне,
Но мало нас на этой встрече;
Иных уж нет, а те далече —
В чужой или своей стране.
Кто в Амстердаме, кто в Оттаве...
Подумаешь, какая честь!
У нас есть люди на Алтае
И в Нижнем Новгороде есть.
Оно — ни хорошо ни плохо,
Здесь проявляется эпоха,
Но и характер тоже здесь.
Жизнь равенства не признаёт
И «по делам их» воздаёт;
Кого сюда, кого туда, —
Кому звезда, кому беда,
Кому стремительный полёт,
Кому стоячая вода.
Кто может забежать в кабак
И глушит водку и коньяк,
Кто пьёт нарзан и кока-колу;
А кто и вовсе перешёл
На валидол и корвалол;
Кому любовь важней укола,
Кому уже важней укол;
Кто милых дам желанный гость,
А кто повесил член на гвоздь.
Наш курс был очень элитарный:

Путь открывал неординарный.
А всё ж, сказать не побоюсь,
В разрезе он — как весь Союз
(Как говорят сегодня, бывший,
Себя, однако, не избывший).

* * *

Когда пустяк или нелепость,
Житейский необычный шаг,
Иль ход пиров, забав и драк,
Иль попросту занятный факт
Возводят в символический акт,
Рождается высокий эпос.
Типичный для культуры древней,
Для жителей лесной деревни,
Степных, приморских или горных
Аулов, полисов, селений,
Застывших на краю вселенной
У бесконечной бездны чёрной,
Он в наше время перешёл
Как стиль казарм и совпартшкол.
Он процветает и в лицах,
Незаменим при юбилеях.
По светлой плыли мы волне,
Попутный ветер дул нам в спину...
Воспоминанье о челне,
Как песенка про бригантину,
Где белоснежны паруса,
Где бесшабашны голоса,

Где нету страха, лжи, рутины,
Где подвиги и чудеса
И былъ нам явлена былиной.
Без романтической картины
И без эпических легенд,
Как греки, римляне и финны,
Арабы, персы и грузины,
Монголы, галлы и германцы,
Индейцы, персы и лапландцы,
Полинезийцы и бушмены,
Не может жить наш современный,
Российский наш интеллигент.
И сам же автор этих строк,
О том поведавший с отвагой,
С неодолимой к мифу тягой
Управиться, увы, не смог.
То — не неведомая сила,
Всё можно проще объяснить:
Читатель хочет быть красивым,
Писатель добрым хочет быть.

* * *

С тех пор прошло полсотни лет.
Почти вся жизнь! Невероятно!
Ужасно хочется обратно,
Ну, а обратно хода нет.
С утра всё тянется игра,
Сгустилась мгла, оплыли свечи,
А кажется — ещё не вечер.

Но всё же человек не вечен,
Итоги подводить пора,
Не ждать, когда взорвётся бомба.
Жизнь вписана в границы ромба:
Сначала всё вперед и вширь,
И ты, как истый богатырь,
Исполнен мощи и апломба,
Казалось, стены сдвинул лбом бы.
Но неизбежен перелом,
Отрезок за тупым углом
Становится всё уже, уже,
И рамки сдавливают туже.
Несёт нас к острому углу,
Всё ближе, тоньше и — в иглу.
И точка, финиш, гекатомба!

* * *

Когда прокрутятся колёса
В последний раз, в последний миг,
В остатке будут два вопроса:
Чего достиг и что постиг?
Не брошу камнем я в карьеру.
Карьера — труд, карьера — вера,
Что не талант, так сила есть.
Не пострадала б только честь.
Карьера — сложная судьба:
В ней — неминуемое рабство,
Но больше воли и пространства,
Чем то имеет гольфильба

С душой ленивого раба,
С угрюмым комплексом плебейства,
С самодовольством фарисейства.
И не поднимется рука
Писать про пагубное время.
Что время? Время — это бремя
Для всех людей, во все века.
А дальше счёт ведётся штучный,
И кто бы как бы ни кружил,
Здесь два момента неразлучны:
Когда ты жил и чем ты жил.
И будем честны до конца,
Коль пред собою виноваты,
За всё положена расплата,
Ведь было сказано когда-то
(И не для красного словца):
«Не отступайся от лица!»
А слава — яркая заплатка
На ветхом рубище певца.
А должность — мягкое сиденье
С готовым впитаться в зад гвоздём.
А деньги? Деньги — это деньги!
Они дают освобожденье
От тьмы забот и унижений
И страха перед чёрным днём,
А мы — не на луне живём.
Всё так. Но об одном беседа:
О главном в жизни и судьбе,
О том, что высшая победа
Есть верность самому себе.

С годами видится яснее,
И тем ясней, чем тоньше нить,
Что в жизни дела нет важнее,
Чем просто душу сохранить.
А обретенное богатство —
Не пост, не счёт, не дом-музей:
Тепло семьи, надёжность братства
И уважение друзей.

* * *

Любуюсь, как накаты волн
Меняют краски и оттенки.
А где-то у музейной стенки
Подрёмывает старый чёлн.
А там, где мы когда-то шли
На вёслах и под парусами,
Гребными грохоча винтами,
Плывут стальные корабли
С огромным водоизмещением
И современным оснащением.
На этих кораблях давно
Иные служат экипажи
С такою выучкой, что даже
Нам и представить мудрено.
И, раздувая гордо грудь,
Новейшие морепроходцы
Без пиетета к первородству
Кричат нам с чувством превосходства:
«Обломки! Очищайте путь!»

Их наглый пыл мне даже мил,
Я не забыл, как юным был.
Дай бог удачи им в их деле!
Дай бог, чтоб им достало сил,
Чтобы научные модели
Их выводили точно к цели!
Но на обычной каравелле
Колумб Америку открыл.

1993

* * *

Григорию Морозову

И вот придёт конец борьбе,
Остынет гнев, утихнет ропот,
Забудутся пути и тропы
И перерезанные стропы
И что останется тебе?
Лишь трещины по всей судьбе
Да обретённый горький опыт,
Который в книгах не добыть
И в болтовне на вечеринке
И в дар его не получить,
Подобно праздничной новинке.
Ни на каком толкучем рынке
Не выменять и не купить.
За опыт следует платить
Валютой самой дорогою:
Своей душой, своей судьбою,
Самим собою, стало быть.
И этот опыт, взятый с бою
При всём желанье не избыть.

ПЕРЕВАЛ

*Посвящается светлой памяти
Эдуарда Араб-Оглы*

И этот срок заветный миновал.
Изрядно поредевшюю когортой
Взошли мы на последний перевал,
Где третий возраст перешёл в четвёртый,
Откуда путь вперёд ведёт лишь вниз
По спуску с неотмеренной длиною.
Но перед первым шагом оглянись
На то, что остаётся за спиною!
Гляжу. Грущу. Но до конца не верю...
Ужель все там? И мне семьдесят пять?
Так незаметно годы просвистели...
И, говоря словами Даниэля,
Пришла пора остатки допивать.
Но не могу и не хочу смириться:
На перевале, а не на краю!
Не видно в дымке роковой границы,
Уже не пью, но всё ещё пою!
А между тем, скукожились желанья,
Азартно жить почти я перестал,
Приходит час писать воспоминанья,
Из них сооружая пьедестал.
И я, вельню времени покорен,
Приемлю возрастной императив
И в поисках того достойных зёрен
Просеиваю грустно свой архив.
Перебираю сотни строф и строк,
Когда-то запасённых мною впрок.
И выплывают медленно из мрака,

Из долгого забвенья темноты,
Как баржи каравана и плоты
В поэзии Бориса Пастернака,
Событья, люди, мысли и мечты.
Пишу. Круг света от настольной лампы.
Тепло и тихо. За окном мороз.
И, положивши голову на лапы,
Во сне вздыхает мой печальный пёс.

ПАМЯТИ МАРКА ВИЛЕНСКОГО

И плачу над бренностью мира...

Давид Самойлов

За тёмными окнами в парке
Деревьев тревожный прибой.
Мне думается о Марке
С нескладной его судьбой
С его симпатичным талантом,
С пером плодовитым в руке,
В любом пиджаке элегантно,
В любом тушике остряке.
Воспитанный в холе и ласке,
Гордясь знаменитым отцом,
Он рос персонажем для сказки,
Для сказки с хорошим концом.
Он верил, что всё состоится
И в створе футбольных ворот
Взмывал, как беспечная птица,
Которой дарован полёт.
И старт его был превосходен —

Почётная служба — МИД.
Был годен, да стал негоден:
Безроден, космополит.
И вновь начинал он сначала,
И снова ловил свой успех,
Пропитывался печалью
Его жизнерадостный смех.
Не то чтоб маячила плаха
Иль пуля ждала у угла,
Но тень неизбывного страха
На сердце гнетуще легла.
Но что б с ним ни делало время,
Какой бы кретин ни топтал,
Считал себя русским евреем,
Советским евреем считал.
Не только за страх, а за совесть
Идейных врагов обличал:
Простая советская повесть —
Смешенье концов и начал.
И в прозе старался без фронды,
За линию не заступал.
И сделался членом Литфонда,
А членом Союза не стал.
И хоть написал он немало
Статей, фельетонов и книг,
Всё время его волновало,
Что вот не достиг, не достиг...
Чудак, он не знал себе цену,
Что слава, престиж и посты
В сравнении с даром священным
Душевности и доброты!
Он брал не идеей, не верой —

Не в том его сила была.
Он всех обнимал атмосферой
Сочувствия и тепла.
И даже моральный калека —
Хамло, прощельга, фискал —
При нём представлял человеком.
В себе человека искал,
Ко всем, кто несчастлив, участлив,
Не мог он помочь лишь себе.
И не было мира и счастья,
И не было тыла в семье.
Страшился скольженья к обрыву
И сам же тянулся к нему:
Хотел в одночасье, без мук,
И в том оказался счастливым.
А ветер, врываясь под арку,
Раскачивает провода
И реквиемом по Марку
Гудит: «Никогда...», «Никогда...»
Уже никогда, улыбаясь,
Ему не войти ко мне в дом,
Уже он не будет, смущаясь,
Заискивать перед псом,
По принятому порядку,
Спиной привалясь к стене,
Дарить жене шоколадку,
Протягивать книгу мне.
Не будет он вспыхивать спичкой,
Безвестный талант возлюбя,
Не будет по вечной привычке
Вышучивать сам себя.
Не станет звонков ежедневных,

Расспросов, рассказов, острот,
Филиппик, наивных и гневных,
И перечня всяких невзгод.
Лишь будет являться ночами,
Лишь будет вторгаться в мой день
С печальной улыбкой прощальной
Его уходящая тень.
Разносится звон похоронный
И к небу возносится дым.
Вороны, вороны, вороны
Расселись по сучьям сухим.
Луна над больничным парком
Застыла подзорной трубой.
Мне хочется плакать над Марком,
Над Марком и над собой.

* * *

Гудит башка, гнетет сонливость.
Едва хожу, с трудом дышу.
А чувствую себя счастливым:
Ещё могу, ещё пишу.
Ещё в душе не стало пусто,
Ещё не сдался и не свыкся.
Ещё строку диктует чувство,
Врасплох захваченное мыслью.
Ещё соприкасаюсь с чудом,
И, как снежинки в рукава,
Ко мне слетают ниоткуда
И в строчки просятся слова.

* * *

Мои часы тревожно бьют,
Сквозь пальцы жизнь течёт.
И эта книга — не дебют,
Скорей — уже отчёт.
Её никак не довершу.
Всё хочется прибавить малость.
Ещё чуть-чуть. Но оказалось:
Чем больше я стихов пишу,
Тем больше дописать осталось.

* * *

Ненаписанная фраза,
Как текучая вода:
Не записанная сразу —
Исчезает навсегда.

* * *

И то сказать, пора бросать,
И так я слишком припозднился.
Другие бросили писать,
А я как будто вновь родился.
Мои друзья кричат мне вслед:
«Куда ты дед?», «Зачем ты дед?»
«Тебе уже не по плечу!»
А я молчу. Я так хочу!
Не наигрался я ещё.
«А ну-ка, раззудись плечо!»

* * *

Всё начинается с дороги,
и всё кончается в пути.
Усталость нам ломает ноги,
и не хватает сил идти.
И наши души очерствели —
мы реже любим,
                                меньше ждём,
мы чаще лжём,
                                труднее верим,
всё меньше на себя берём.
Дела-заботы сыплют градом,
мешаясь с солнцем и дождём.
Но —
                                снова
                                надо, надо, надо!
И мы — встаём,
и мы — идём.
Как говорится, «руки-в-ноги».
Идти —
                                так уж вперёд идти.
Всё
                                начинается с дороги.
И всё
                                кончается в пути.

* * *

...И будут
        разные инстанции
посмертными «стихами-стансами»
Его перевозносить,
запомняв, что
        их приказами
уже не будет
        «Стеньки Разина».
ЕГО — не воскресить.
...бывало раньше откровеннее:
дуэль,
        убийство за мгновение
да похороны в ночь.
Бюрократические лавочки
годами выют свои удавочки —
как можно тут помочь?
...а словоблудие полощется —
опять надрыв? — давай попроще же!
народ иного ждёт!
В порядке словоизобилия,
или с чего бы так — забыли вдруг —
взять да спросить народ? а?
Народ — мудрец — поймет.
...а что теперь народу скажете?
Вновь полуправдою обвяжете
последний спич в пять строк?
Иль с евтушенковской слезинкою,
в стих выжатою четвертинкою,
втолкнут полунамёк?
.....

...как больно.

Как безбожно горестно.

Легло

на С о в р е м е н ь я совести,

что

ОН

— не есть,

а б ы л...

ДУШЕ ШУКШИНСКОЙ,

СВЕТЛОЙ, РАЗИНСКОЙ,

служившей годы нам о а з и с о м,

был просто тесен мир.

Был

тесен

э т о т м и р.

1976

* * *

Когда б не зеркала,

ещё бы можно жить —

стареют наши души много позже.

Но зеркала нас не хотят щадить —

со сказки пушкинской они

не дружат с ложью:

«а ей зеркальце в ответ —

ты прекрасна, спору нет,

но...»

И в этом злополучном «но»

всё бабье зло

заключено.

* * *

Не бойся прошлому
        в глаза взглянуть:
да, там есть взлёты,
да, там есть паденья.
Но это твой, тобою свершённый
путь —
        не надо прошлому
        ни льгот, ни снисхождений.
Ведь с каждым часом прошлое
длинней,
а будущее вновь
на час короче.
И с каждым днём становится
трудней
нам
        нашей жизни
        голову морочить.

* * *

Пройдись по жизни
собственной варягами,
и не найдя на карте светлых мест,
идём ко дну.
        Но с поднятыми флагами
под Алым парусом
        несбыточных Надежд.
Пробоин
        больше, чем покрытья
целого.

Враги-приятели с души содрали
  скальп.

Но амбразуры
  закрываем телом мы,

на голой заднице
спускаясь с Синих Альп,
держась за облаков непрочных
  поручни,

то вверх — то вниз.

  Падение,
  но — взлёт!

Давно уже у смеха привкус горечи,
давно уже в везеньях не везёт.

Но мы идём
                                мостами радуг, брошенных
по облакам

                                упрямо и легко.

И в Землю упадём,
  стрелой подкошены,
запущенной каким-то
  чудаком.

...И по Земле, с приспущенными
флагами,
под Алым

                                рваным парусом
  Надежд—

пройдёт по мне
  усталыми

варягами
                                весело-грустный
  Жизненный

кортеж.

* * *

Уже не говорит. Вещает.
Но сам того — не замечает.
(А как всё тонко подмечал,
пока ещё с а м
                        не вещал!)

* * *

Я не люблю
                        увядшие цветы,
любовь
                        в прошедшем времени,
                        бесстрастье,
бессилие,
                        ворованное счастье,
и над судьбою
                        собственной безвластье.
Я не люблю.
                        Нет, не люблю!
                        А ты?..

Я не люблю
                        обвалы пустоты,
потухшие вулканы,
                        снег осевший
и рядом чтоб
                        чужой и надоевший.
Я не люблю.
                        Нет, не люблю!
                        А ты?..

Я не люблю
                                предавшие мечты,
предательства
                        в любом —
                                большом и малом,
и горечь объяснений
                                запоздалых
Я не люблю.
                                Нет, не люблю.
  А ты?..

Александр ГЛАГОЛЕВ

* * *

Оборвана последняя листва.
Погасло осени дотлевшей пламя,
В нагом лесу, как в разорённом храме,
Зима готова справить торжества.

Но рощ умолкших золото и медь,
Как вызов увяданию и смерти,
Не перестанет никогда гореть
В картине, укреплённой на мольберте.

И тот, кто на холсте запечатлел
Дня невозвратного очарованье,
Своё земное выполнил призванье, —
Огонь души не даром в нём горел.

Тот, кто отдал все силы Красоте,
В надгробной не нуждается плите.

* * *

Нам ни к чему гранит могильных стел
Иль белизна досок мемориальных.
Звучать в названьях площадей центральных
Не нашим именам дано в удел.

Мы сами памятник себе творим —
Воистину он долговечней меди,
Коль часть себя оставим мы в наследье,
Как чашу Колизея — падший Рим.

Мы сеяли не смуту, не раздор,
А семена Любви, Добра и Мира.
Пусть на суде свидетельствует лира —
Нам черни обвиненья не в укор.

Мы знаем, жизни завершая труд,
Что в душах эти семена взойдут.

* * *

Почётен труд того, кто жнёт и сеет,
И давит грозди спелые пятой,
Того, кто созидает и лелеет
Наш общий дом — просторный мир земной.

Но всё ж ветшают гордые постройки,
И съеден хлеб, и выпито вино.
И лишь поэта огненные строки
Забвению похитить не дано.

И в них навеки суждено храниться
Песками погребенным городам,
Могильной глиною укрытым лицам
И всем земным созданиям и трудам.

Пусть косу смерть водрит — всегда остро
Её врага бесстрашного перо.

* * *

Когда Земля, как тело, остывая,
Перед чертой последнею замрёт,
И смерти мрак завесит небосвод,
Скрыв звёздный свет, как туча грозовая,

Взовьются в небо тысячи ракет,
Чтобы спасти хотя бы семя жизни.
И может быть, оно найдёт отчизну
На самой отдалённой из планет.

И верю я: придёт желанный час —
В дремучих дебрях непролазной чащи
Сын тех краёв найдёт посланье наше
С последней строчкой: «Помните о нас!»

И мир погибший, Словом воскрешён,
Останется в сплетении времён.

* * *

Молодость уходит, ускользает,
Как трамвай в промозглый, пьяный час.
Как любовь, весёлая, босая,
Убегает молодость от нас.

Я-то думал, я ещё успею
Надышаться, начудить, допеть.
Я-то верил, что ещё сумею
От избытка счастья охмелеть.

Поздно. Наступает отрезвление.
Юности потрескалось стекло.
Понедельник вслед за воскресеньем.
Кончено. Погасло. Отцвело.

РОЗА

Дочери

Безумно краток час цветенья розы.
Ей только миг отпущен — а потом
Слетают лепестки, как высыхают слёзы,
Как забывают дети отчий дом.
Так наша жизнь — прекрасное начало
Нам предвещает таинство финала.

Нет в мире ничего прочнее розы.
Ржавеет сталь, и рушится стена,
Но, презирая бури и морозы,
Веками к солнцу тянется она.

Так наша жизнь — предчувствие конца
Не омрачает юные сердца.

Москва, 1992

* * *

Жёлтый ирис расцвёл в светотени;
Словно память о дальней весне.
В обрамленье роскошной сирени
Он грустит в голубой тишине.

Он грустит о безоблачно-сладкой,
О безумной и нервной любви.
И сирень осыпает укладкой
Лепестки и надежды свои.

Подмосковье, 1999

* * *

Мы тихо этот мир покинем вскоре,
И в неизвестность души отлетят.
Но чей-то смех отринет чьё-то горе,
И свежий снег покроет старый сад.
Нам не ясны задачи Садовода.
Нас беспокоит собственный уход.
Но безупречна линия восхода
Над глубиною безмятежных вод.

Смысл перемен нам не понять до срока
И почему так сердце одиноко.

Мюнхен, 2002

В АЛЬБОМ АМЕРИКАНКИ
МАРИИ СОКОЛОФФ
(Княгине Трубецкой)

Есть девы в городах российских,
Их обучали по-марксистски.
Их обучали так и этак,
Но в них живёт далекий предок,

Гроза провинциальных мам,
Ленивый льстец, любимец дам,
Гусар, и сноб, и демократ,
Учёный муж, аристократ.

Мудра лукавая природа.
Хоть жги огнём — видна порода.
И слава богу, ибо нам
Не можно жить без этих дам.

Достоинств их не перечесть,
Но недостатки тоже есть.
На них вы можете смотреть.
И их вы можете воспеть.

Но нечто больше? Ни-ни-ни.
Влюбиться? Боже сохрани!

ВОСПОМИНАНИЕ О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Марина. Лира, мирт...
Не та канва.
Марина. Море, ритм
И кругом голова.
Крик чаек, сфинкса миф.
Как глупая плотва,
В ладони мокрых рифм
Вновь тычутся слова.
Марина. Буря, риф,
Тугая синева.
Растерзанный фрегат летит,
И чёрта с два
Хула иль похвала полёт тот прекратит.
В полёте смысл и жизнь.
Лети, пока жива!

* * *

В лёгком шелесте платья
Имя слышится Катя.
Раскрываю объятия.
Катя!

Ненадёжной мечтою
Ты летишь надо мною,
Словно ветер весною
С поля.

В сумасбродстве планет,
Как мерцающий свет.
Возле «да», рядом с «нет»
Кэт!

В ожидании чуда
Терпеливый, как Будда,
Перестану, не буду.
Чуда!

И мила, и изменчива,
С полуправдой повенчана,
Это горе извечное —
Женщина!

* * *

Словно хрупкие кисти клёна,
Словно зов тишины на рассвете,
Это нежное имя — Алёна,
Это лучшее имя на свете.

Попадаю в объятия плена.
Не стремлюсь из него обратно.
Кровь гудит, как мембрана — Лена!
Оглушает эхо стократно.

Это имя, как свежесть сада,
Как морская на гребне пена.
Это имя, как тайны ада.
Изумрудное имя — Елена.

* * *

Юлия... а слышится Джульетта.
Это имя много раз воспето.
Но пока не сгнули поэты
В прозе быта иль в пучине Леты,

Будут серенады и сонеты.
Италийским солнышком согреты
Утро жизни, юности рассветы.
Юлия... а слышится Джульетта!

* * *

Имя Алла,
Словно звук хорала,
Как излом кристалла,
Как удар кинжала,
Словно шторм в семь баллов,
Это имя — Алла...

Имя Алла, —
Это шепот зала,
Это гул вокзала,
Белизна портала
И тоска причала
Это имя — Алла...

С УЛЫБКОЙ

И я была порывистой когда-то,
Как этот ветер, как эти дети...
Но так же неизбежен час заката,
Как всё на свете, как всё на свете...

1990

* * *

Мои стихи — мои цветы.
Я их выращивала долго.
В них воплощённые мечты
И свет исполненного долга.

Их аромат благоуханный
да будет стойким — на века!
И пусть немногим, но желанной,
родною станет хоть строка!

1995

ДАЙ БОГ!

Наступающий день — он как новая песня.
Свой особый мотив у неё, свой припев.
Чисто, звонко, хрустально — о если бы, если б
Спеть смогла я вот эту, все скорби презрев!

1994

ВСЕГДА БЫ ТАК!

День Крещения. Закат.
Месяц молодой.
Мир вокруг. На сердце — лад.
На душе — покой.

1994

Я ХОЧУ ТАК ЖИТЬ!

Ничего не загадывая,
лишь о вечном моля,
словно песенку складывая —
до-ре-ми... фа-соль-ля...

Всё неглавное, лишнее,
отсекая — и — Ввысь!
...И желанна Всевышнему
моя песнь, моя жизнь.

* * *

В. Харлову

Исходила слезами сосна
во вчерашней распаренной бане.
Но не горе, а радость одна —
настоящее благоухание,
радость соки свои отдавать,
саму суть свою — вот что там было.
Как щедра ты, Природа-мать!
Каб могла, я бы так же любила.

1994

---

* * *

Презрев все радости и муки,
как пела — так и буду петь
во славу доблестной науки —
науки жить, любить, терпеть.

1994

МЕДИТАЦИЯ

Я наслаждаюсь настоящим —
Мгновеньем истинным, летящим...
Всё прочее — не в счёт, не в счёт.
К чему ненужный, лишний гнёт

Того, что будет и что было,
Произошло, не наступило...
Что важно — это то, что есть.
Вот в этот миг. Сейчас и здесь.

1994

НОЧНОЙ АМСТЕРДАМ

Здесь всё пропитано пороком.
Закрой глаза и не дыши.
А то случайно, ненароком
Придёт погибель для души.

1990

РОЗА САХАРЫ

Б. Ахмадулиной

Роза Сахары... Причуда пустыни...
Каменный, дивный цветок.
Кажется, в нём никогда не остынет
Зной твоей тайны, Восток!

1984

* * *

В моей светлой горнице
я живу затворницей...
Но в любое время —
стоит захотеть —
легкокрылой горлицей
выпорхну из горницы!
Нипочём мне бремя.
Жить для меня — петь.

1996

* * *

Я глубоко убеждена:
грядут иные времена.

* * *

Острый край острее бритвы
И петля.
Вот босая танцовщица,
Да не я.

Справа горы, слева пропасть
Без конца.
И с венцом, да было б легче
Без венца.

Без покоя, без границы
И тиши
Что искать, кому молиться
От души?

Где найти себя, чтоб крикнуть —
Это я!
Танцевала танцовщица,
Да не я.

* * *

Наши взгляды теперь, как тени,
Воедино не лепятся.
Мы с тобой пустота на сцене
Грандиозной нелепицы.

Мы могли бы дышать веками
Нашей общей обители,
Всколыхнуть и разбить руками
Равнодушие зрителя.

И забыть, не сказав ни слова,
Путь чужой параллельности,
Но сегодня выходим снова
Мы с тобой по отдельности.

* * *

Осень шла, пророчила паденья,
И уже прозрачные виденья,
Не спеша, бродили по цветам,
Всё казалось сумрачней и тише,
Ночью звёзды падали на крыши,
На мгновенье оседая там,
Становясь привычными гостями,
Даже пропасть между плоскостями
Сдвинулась в мерцающий проём,
Суету печаль остановила,
И меня почти не удивила
Мысль о сумасшествии моём.
«Разгадали», — хохотнуло эхо.
Сизый ветер задрожал от смеха.
Удивился тополь: «Почему?»
Я вздохнула: поздно, время вышло.
Не простясь, уйти пора неслышно,
Растворившись в бежевом дыму...

* * *

Подо мной лежит во мгле
Иудейская пустыня.
Звёзды. Ночь. В Святой Земле
И она — почти святыня.
Впереди, во мраке, там,
Где таятся молчаливо
Горы, речка Иордан,
Кипарисы и оливы,
Где в прохладной тишине
Кареглазый ангел снится,
Где пророк на скакуне
Ввысь вознесся над гробницей,
Где седой Веспариан
Вёл железные когорты,
Где египетский султан
С королём сразился гордым,
Где стоял прекрасный храм
И его любил Предвечный,
Там, где купол Аль-Харам
Золотые стрелы мечет, —
Там мой дух, смутясь, затих
Перед тьмой тысячелетий,
Там рождался этот стих —
До сих пор он чист и светел.

* * *

Приятен мне вкус влаги огневой,
Ласкает взор звезда над головой,
Тревожит звон серебряных дирхемов,
Но красит жизнь один лишь образ твой!

Из сердца своего извлек я шип — занозу:
Шиповника цветок я принимал за розу.
Тогда слепцом я был, а ныне зрячим стал,
Тогда слагал стихи, теперь читаю прозу.

Есть яблоневый сад, весной он зацветёт.
Есть лавка у меня, она доход даёт.
Есть терпкое вино для дружеской попойки.
Вот молодости нет, прошёл её черёд!

* * *

Я знаю, Рима не выносишь ты:
Тебе по нраву жизнь провинциала,
Жизнь без доносов, смут и суеты,
Без Цезаря зловещего оскала.
В провинции не встретишь ты врагов,
Обманутым не будешь при расчёте,
Там чтят ещё отеческих богов,
И Гений Императора в почёте.
Там мыслят основательно и здраво,
Исполнив долг, не требуют наград,
Там — царство справедливости и права,
И воздух свеж, и сладок виноград!

Простолюдин там труженик, не бражник,
До зрелищ непотребных неохоч,
Там есть любовь, но нет любви продажной,
И каждый каждому всегда готов помочь.
Там спин не гнут перед рабом презренным —
Свободные там правят, не рабы!
Не льстят сенаторам, ничтожным, но надменным,
Не рошцут под ударами судьбы.
Там на пирах речей не терпят пьяных,
Но выслушать готовы мудреца,
Там ветеранов уважают раны,
Там души велики, чисты сердца!..
Не прочь и я покинуть Рим порочный,
Но, посылая сим письмом привет,
Скажу о том, что мне известно точно:
В Империи таких провинций нет.

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

Распутье трёх дорог,
Блуждает в поле взгляд...
И боязно вперёд,
И незачем назад.

Мой конь умерил прыть,
Копытом бьёт песок...
«Ты что же, волчья сыть,
Да й травяной мешок!»

Аль в неге позабыл
О славе прошлых лет
И богатырский пыл
Уже сошёл на нет?

Не ради красных жён
Отправились мы в мир —
Кто юбкой ослеплён,
Тот разве богатырь?

Негоже нам с тобой
Всю молодецку стать
С красавицей чужой
В утехах растерять.

Коварен злата блеск,
Что лиходей и тать.
Беда — живот и честь
На злато променять!

Поскачем мы туда,
Где мне убиту быть,
Где дикая орда —
Грехи в крови замыть.

В далёкой стороне
Нас ждёт суровый бой
За меч за кладенец
И ключ с живой водой.

Коль сам я не вернусь,
То флягу с той водой
Домчи назад, на Русь,
Мой верный друг гнедой.

Несись через поля
За совесть, не за страх,
Чтоб русская земля
Была жива в веках,

Чтоб славен и могуч
Стал отчий дом, как встарь,
И чтобы солнца луч
Пробил ночную гарь!

За это не беда
И голову сложить...
Скорее же — туда,
Где мне убиту быть!

Распутье трёх дорог,
Блуждает в поле взгляд...
И боязно вперёд,
И нет пути назад.

МАРИХУАНА

Когда это слово доводится слышать,
Его красотой заморожен, как пьяный...
И грезятся мне две смешные малышки,
Что матери кличут: Мари и Хуана.
Две добрые матери-говоруньи,
Что могут без усталости говорить:
«Ах, миссис, Хуана такая шалунья...»
«А сколько, сеньора, хлопот мне с Мари!»
Звучит, точно музыка — сказочно, ласково,
Чаруя сердца заколдованным бархатом.
Сирена-подлиза к ушам моим ластится,
Как звучная песня бродячего барда.
А слово-то — подлое, жуткое, злое...
А слово-то — кашляет ключьями дыма,
Что мозг баламутит кошмарною мглою,
Цепляясь за душу ухваткой незримой...
И стоит лишь вдуматься, что это значит,
То слово на сердце ложится, как камень.
Я слышу: навзрыд где-то матери плачут,
Весь мир заливая своими слезами.
Мне видится: в едком пахучем тумане
С глазёнками, как две потухших звезды,
Шестнадцатилетняя девка Хуана
Глотает зловонную склизкую дымь.

А где-то поблизости в пьяном угаре
Наводит на жизнь убивающий грим
Простоволосая, полунагая
Шестнадцатилетняя шлюха Мари.
И тысяч десятки таких же, как эти,
Усталых, отчаявшихся и потерянных
Кромсает без жалости приторной плетью
Марихуановая истерика.
Хотят обрести и покой, и свободу,
Уродливый мир навсегда переделав,
А в душах обманутых колобродит
Марихуановая дребедень...
А кто-то, смеясь над юнцами-донорами,
Что жизнь продают за сироп миражей,
С ухмылочкой грязной мусолит доллары
Марихуановых барышей.
И слово — звучит, как проклятие века,
Как рык одичавших и хищных зверей!..
Оно — это юные души-калеки
И горе заплаканных матерей.
Так, может быть, будет покой нам дарован,
Надежда и свет уголённой печали,
Другим — позабытым, но истинным словом,
Тем Словом, которое было в Начале...

ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА
В СВЕТ СБОРНИКА СТИХОВ
«ОТДУШИНА»

От вас, коллеги, я не скрою —
Скажу, была иль не была:
Читал «Отдушину» запоем,
Забыв служебные дела.

Прочёл... и тут же помечталось:
Издать бы нам такой закон,
Чтоб только в рифму составлялись
Все резолюции ООН,

Чтоб был в делах международных
Введён поэзии примат.
Тогда — через огни и воды —
Вперёд, российский дипломат!

Пусть правят музы, смолкнут пушки,
И не прервётся эта нить.
Я пью за авторов «Отдушин» —
Мы будем вас читать и чтить!

2001

ОСЕНЬ

Вот и осень ко мне постучалась,
Словно путник ненастной порой;
Значит, с юностью лето рассталось,
Значит, сердце ушло на покой.

Жжёт костры уходящее лето,
Постепенно пустеют поля,
Незаметно когда-то и где-то
Жизнь привычкою стала моя.

Мой костёр покрывается пеплом,
Угасают надежды, мечты;
Лишь однажды прощальным приветом
Моей памяти явишься ты...

Осень, осень! Тревожная старость,
Беспощадная трезвость ума.
Жить осталось какую-то малость,
Жизнь прожитая сводит с ума...

Здравствуй, осень!
Мне что-то взгрустнулось,
От тебя никуда не уйти...
Счастья ищет беспечная юность,
Смысл старается старость найти.

1981

* * *

Когда в конце пути
Ты подойдёшь к порогу,
Который обрывается во мгле,
Ты истину поймёшь:
Душа тем ближе к Богу,
Чем тело ближе к матери-земле.

1982

СТОЯЛА ОСЕНЬ

Клён руки протянул навстречу мне,
Холодные и красные от стужи.
Клён рос в ограде, с мамой, в тишине,
А я — живой — стоял бочком снаружи.

Поблекли буквы на плите седой.
«Поправить бы...» Да всё дела мешали...
«А клён подрос...» и рыжею листвою
К могиле припадал в немой печали.

Я маму мало знал, ушёл из дома рано
И редко переписывался с ней...
И вот — могила, ножевая рана,
Шрам на земле и на душе моей.

Стояла осень. Посреди крестов,
Как нищенка, горбатилась могила...
В моей России испокон веков
Живым и мёртвым неуютно было.

1988

ПРОЗРЕНИЕ

Я прозрел, о Господи Всесильный,
Душу жжёт мне бурый партбилет
Цвета крови, пролитой обильно
Миллионов тех, кого уж нет.

Я прозрел, о Господи Всевышний,
Может, поздно — это мой удел.
Господи, помилуй! Так уж вышло,
Виноват я в том, что уцелел...

Я прозрел, о Боже Милосердный,
И несу свою вину, как крест,
За мученья сгинувших бесследно
Из родных и незнакомых мест.

Я прозрел, о Господи Всевышний,
Ты — моё спасенье и любовь...
Смой потопом скверну нашей жизни,
Чтоб не повторилось это вновь!

Я прозрел, о Боже Всемогущий!
Но Россия у меня одна.
Что бы ни сулил нам день грядущий,
Вместе с ней мне чашу пить до дна.

1989

* * *

В тумане слов, за дымкой лет,
Полузабытых обещаний
Теряется по жизни след
И впереди дороги нет,
Как нет в груди моей желаний.

Но иногда хочу понять
Души неясное томленье,
В бокале истину познать,
Случайный женский взгляд поймать
И испытать на миг волненье.

Какие страсти и покой
Скрывают древние гробницы,
И почему ночной порой
Мне снится мир совсем иной
Из сказочной страны жар-птицы?

С вершины лет в конце пути
Я вижу многое иначе.
Но дважды в реку не войти,
Как не вернуть, с кем был в пути,
Чтоб пожелать им всем удачи.

Мы не вольны, когда нам жить,
И срок определён не нами...
Мы для страданий рождены
И крестный путь пройти должны,
Проложенный для нас богами.

1992

ОФИЦЕРСКИЕ ЗВЁЗДЫ

На погонах твоих офицерские звёзды,
Отблеск славы отцов, символ бога войны;
За спиной груз годов и боёв, что пронёс ты
По дорогам своей и чужой стороны.

Отгремели бои, но не кончились войны,
И оставшихся жить учат вновь убивать:
Безымянных чужих — до последней обоймы,
А поступит приказ — и родимую мать...

Одинокий корабль, голубая планета,
Держит путь свой нелёгкий к неизвестным мирам.
Неужели и там — далеко до рассвета
И в сполохах войны — обезумевший Хам?

1996

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Сестре Руте

Судьба учителя — судьба России...
И в этот день цветов и общих фраз
Хочу, чтоб дети хлеба не просили,
Как просят их наставники сейчас.

Россия издавна жила несладко,
В лаптях ходила и терпела ложь,
Но детям на учение украдкой
Мать берегла, как хлеб, последний грош.

Так что ж случилось с нами, россияне?
Какое вдруг затмение нашло?
Разрушенные храмы засияли,
Живые души — убивает зло...

А наш учитель — снова на коленях
На паперти... Куда ж ему идти?
В руках — букварь и наше поколение...
Учитель, если можешь, нас прости!

1997

* * *

Как много слов, как мало дел
В судьбе моей, такой расхожей,
С судьбой моей России схожей...
Прости, что я сравнить посмел
Твою судьбу и свой удел.

В России я как капля в море —
Других, а не себя браню
И верю всякому вранью,
И водку пью, с женой повздоря,
Года и седину позоря.

Мы — пасынки чужих богов,
В душе — язычники Ярила;
Когда-то кровью чернь скрепила
С владыкой тьмы союз отцов
В стране провидцев и слепцов.

И разгулялась злая сила
Не на года, а на века...
Творила крест одна рука,
Другая сатане служила,
И семя злое восходило...

Стоим с Россией у дверей,
У входа в двухтысячелетье.
Вина мне горького налейте,
Подайте милостыню ей,
Греховной матери моей!..

Устали мы от слов хороших,
Пустых посулов, грязных дел.
И зреет новый передел,
И кровь прольётся по пороше...
Случится так — прости нас, Боже!

1999

* * *

Когда на сердце ляжет грусть
И осень постучит в ненастье,
Прочти стихи, я отзовусь,
Как эхо призрачного счастья.

В моих стихах — моя печаль.
Она с твоей печалью схожа.
Нас не прельщает больше даль:
Везде всегда одно и то же.

И беспокойная душа
Себя в других напрасно ищет...
А годы, годы так спешат,
И вот уж на земле ты лишний...

Зову, кого? Не знаю сам.
Пишу стихи, кому? Не знаю.
И вторит эхо где-то там.
И я один ему внимаю...

2002

* * *

Вначале было Слово.
Это — ложь.
Как нет конца,
Так не было начала.
А мир земной на хаос был похож,
Когда Вселенная его на свет рожала.

Слова придут потом.
Их выдумают люди,
Чтоб обозначить след свой на Земле,
Который шёл из мрака серых буден
И может, затеряется во мгле...

В словах-осколках
Раздробился мир.
Он был когда-то цельным и лучистым,
Как мрамор,
Что в прохладе гор таил
Для рук ваятеля богини
Облик чистый.

В словах не только исказился мир.
Они преградой стали между нами:
Мы братьями пришли на званый пир,
А разошлись — чужими племенами.

Слова и мир. И люди между ними:
Посланцы Космоса, создания богов
Иль слуги дьявола под масками земными
В стране потомков крепостных рабов?..

Живём и умираем в мире слов.
А то, что создано
Природой или Богом,
Всё далее уходит в область снов,
Как детство за родительским порогом.

2003

* * *

Не надо много слов. И суеты не надо.
Как возглашает мудрый Питирим,
Чтоб ровным пламенем светила нам лампада,
Чтоб не было безумного разлада
Меж тем, что чувствуем, и тем, что говорим.

Отплыть от берега уже готов корвет,
И горькая в стаканы разлита,
А под лампадный ровный, тихий свет
Ведут свой нескончаемый дуэт
Немая вечность и мирская суета.

И так уж повелось с начала века —
В одном клубке реальность и мечты.
Всё мило для живого человека,
Коль он не идиот и не калека, —
И скука вечности, и щедрость суеты.

1990

НЬЮ-ЙОРК

Мы пришли на день рожденья,
Разместились за столом,
Произносим поздравления,
Пьём коньяк и водку пьём.

У стола подарков груды,
На столе бутылки в ряд,
Заливное и салат,
Ананас и виноград...

Холодец шатает блюдо,
Стынет жареное чудо,
Источая аромат,
И хрустальная посуда
Чистотой ласкает взгляд.
И беседа чинно-гладко
Протекает за столом.
Может, вспомним для порядка
(Не волнуйтесь, очень кратко),
Где живём и как живём?

Службы ради, дела ради
Мы живём здесь, как в осаде.

В этом сущем Вавилоне
На Ист-ривер и Гудзоне
Знай оглядывайся в оба —
Могут плонуть с небоскрёба,
Могут тиснуть кошелёк
Иль в укромный уголок
Затащить и — ножик в бок.

Ветер свищет, как в трубе,
Гонит старые газеты,
Целофанные пакеты...
Городишко так себе.

Под окном в припадке бредит
Наркоман-героинист.
Зазевался — переедет,
Не моргнув, лихой таксист.

Совершеннейший бедлам,
Смех и слёзы пополам.

Вянет наша детвора:
Где побегать? Нет двора.
Но Нью-Йорк, восьмое чудо,
Без добра в тебе нет худа,
Как без худа нет добра:
Кроме ярых шовинистов,
Наглецов и карьеристов,
Многочисленных расистов
Всех оттенков и мастей,
Кроме нищих и набобов,
И самовлюблённых снобов
Мы здесь встретили друзей.

1971

ШАРАПОВА ОХОТА*
(отчёт о дачном сезоне)

Шарапова Охота —
Не царская охота,
Какой-то тут охотился Шарап.
А я вот не охотник,
Я на земле работник
И статусу такому очень рад.

Шарапова Охота,
На дачу мне охота,

---

* Шарапова Охота — железнодорожная платформа на 87-м км от Москвы по Курскому направлению.

Где перчики-огурчики — свои!
Где чайки в плавном танце
Над озером кружатся,
И с трёх сторон — шальные соловьи.

Шарапова Охота —
В углах висят тенёта.
За время, что мы были не на даче,
Здесь мыши расплодились,
Медведки объявились
И пауки — предвестники удачи.

Шарапова Охота —
Непыльная работа,
Газончик поливаем, травку косим мы.
У дома две теплицы,
Три бочки для водицы.
В теплицах для надёжности укусины.

Шарапова Охота —
Жара и капли пота,
Холодненького выпить захотелось.
Грызу под пиво в банке
Солёные баранки.
А у бандитов баня загорелась.

Шарапова Охота,
С утра одна забота —
Болит спина и ноет поясница.
Да фиг с ней, со спиною,
Она всю жизнь со мною.
Поэт был прав: покой нам только снится.

Шарапова Охота,
Разносит сплетни кто-то
(Чего на белом свете не бывает!) —
Соседи ночь пируют,
Энергию воруют...
А Мариванна сплетни собирает.

Шарапова Охота,
Не спится отчего-то,
И в ночь звезда с звездой говорит.
Марс в красном на закате,
Венера в синем платье.
А у бандитов баня вновь горит.

Шарапова Охота,
Двухдверная «Тойота»
«Пятёрочку» соседскую сменила:
Сосед вдруг разорился,
А друг подсуетился...
О, бизнес — сокрушительная сила.

Шарапова Охота,
Крыжовник для компота,
Смородина-малина для варенья,
Для вязкой глины боты,
Лопаты для работы,
Шашлык и «Саперави» — к дню рождения.

Шарапова Охота,
Стрельбой из пулемёта
Стук дятла слышен издали чуть внятно,

Дроздов густая стая
Вдруг шумно налетает
И – прочь с тревожным щебетом обратно.

Шарапова Охота,
Устал я от учёта –
Все наши закрома забиты с верхом.
Пришёл конец сезона
И жить здесь нет резона.
А у бандитов свадьба с фейерверком.

Шарапова Охота,
Снег-иней на воротах.
Согреться бы, горячего бы чаю...
Окрестности в тумане,
Как будто всё в сметане.
А у бандитов свет не выключают.

Шарапова Охота –
Осенняя дремота.
А что хотите? – Дождь, туманы, слякоть...
Разъехались соседи,
На днях и мы уедем.
Прощай, Шарашка. Хочется заплакать.

* * *

Господи! Птице Ты дал невесомость,
Песню, что льётся, как звонкий родник, -
Людам – сомненья и жгучую совесть
И неподатливый, косный язык.

Дух наш тоской и безмолвьем окован,
Мы лишь безгласные комья земли.
Грей их в ладонях, чтоб вылепить снова
Лёгкое слово из тяжести глин.

* * *

Свой путь свершая одиноко,
Я не прошу у злого рока
Иного брата, кроме ветра,
Что флюгера на крышах вертит,
Полощет флаги, свищет в уши
И с груши лист багровый рушит.

Я не прошу иного хлеба,
Чем хляби северного неба,
Такого низкого, что жутко,
Дождём набухшего, как губка,
Неотличимого на ощупь
От этой рощи скудно-тощей.

Я не прошу иной печали,
Чем та, что дышит за плечами,
Свернувшись маленьким котёнком
В моей залатанной котомке.

Старик зовёт её судьбою,
Дитя — надеждой, я — душою.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Языка податливое тесто,
Пресный вкус и запах дрожжевой —
Вжаться бы в него тепло и тесно,
Коркой слов укрыться с головой.

Как печальна даль и бренно тело —
Тлеющая капелька свечи;
Я тебя, любимый, обогрела —
Ты ж меня помилуй и смолчи:

Говорить позволено лишь ветру,
И траве, и гребням волн морских,
И звезде, чей Богом путь начертан,
И зерну, хранящему ростки.

Мы сменили имя, веру, шкуру,
Только ради пыльных этих троп,
Где ты рос то медленно, то бурно,
Страсти жар и совести озноб.

Но, пока никто не знает слова,
Тишину способного постичь,
Будут губы замкнуты засовом
Будет немота во рту горчить.

И, когда душа испепелится,
Кровь превьётся, как живая нить,
Чёрствый этот шёпот пригодится
Птиц небесных крошками кормить.

НАЧАВ С ИТОГА

В рабочем поту иль страстном,
От пули иль от лекарства,
Не всё ли равно — в итоге
Увидим свечу и дроги.

Так, вечером или утром,
В отрепьях иль в перламутре,
В постели или в посольстве,
На воле или в довольстве,

Закусывая подушку,
Припрятывая полушку,
Подписывая цидулю,
Разглядывая — звезду ли?

И падая без оглядки
В сон скомканный или гладкий,
В сон розовый иль грязный,
Прекрасный иль безобразный —

Медную примешь плату
В рот свой, землёй зажатый.

Но, хлипкий сосуд скудельный —
Земной, земляной, земельный... —
Обмазанный липкой глиной,
Разбитый наполовину,

На углу плоту из плоти
Доверься своей природе,
Которая, чтоб ты выжил,
Воскликнула: «Говори же!»

Мучься, трудись и буйствуй,
Плачь, веселись, безумствуй,
Бейся, молись, обжорствуй,
Смейся, но не безмолвствуй!
Ибо — как солнце твердю,
Слово владеет смертью.

Ибо — как луч сквозь призму,
Слово нам шлётся жизнью.

Ибо — начав с итога —
Слово зовётся Богом.

Стихи из цикла «СРЕДНИЕ ВЕКА»

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПРИХОДИТ

Последний римлянин замолк,
Уйдя в Империю Молчанья.
И варвар грязь счищает с ног
О мраморное изваянье.

Аваров, гуннов имена,
Как свист хлыста и гарь пожаров.
Европа в дикость сметена —
Прошли тысячелетья даром.

Запачкан лик той, что из пены.
Забывт Ясон, забывт Улисс.
Идет античности на смену
Угрюмый строй — феодализм.

Но вспыхнут в сумрачной ночи
Призывы Мора и Джордано,
И эпоеи манасчи,
И песни Разина Степана.

Клязьма, март 1941

ВИЦИ*

Рыцарь опустил глаза,
И с волнением рыцарь
Тихо девушке сказал:
Я пришел проститься,

---

* Клич, служивший в средневековой Польше сигналом для созыва ополчения.

Ясно я вчера слышал:
«Вици! Вици! Вици!»

Немцам жизни не даёт
Польская пшеница,
И возвращённый нами плод
В их глазах троится.
Собирается народ
По призыву «Вици!»

Ночь сейчас. Но лишь заря
В небе пробудится,
Нетерпением горя,
Конь вперёд помчится,
Я слышал вчера не зря:
«Вици! Вици! Вици!»

Может, мне не суждено
С битвы возвратиться.
В мире каждому дано
Только раз родиться,
Но пока я лишь одно
Слышу: «Вици! Вици!»

Ну, прощай! Уже восток
Солнцем золотится.
Ночь уходит, в тёмный лог
Прячется волчица.
Просыпается цветок,
Запевают птицы,

Пчёлы пьют душистый сок —
Всюду жизнь рождается.
Но неумолимый рок
Мне промолвил: «Вици!»

Клязьма, апрель 1941

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, ПРОЩАЙ...

Я не встречал Тебя с любовью,
Я отрицал Тебя, пока
И сердцем, и душой, и кровью
Не влился в Средние века.

В Тебе не только ночь и зло,
В Тебе и свет, и песни сила.
Мне хочется, чтоб Ты ушло
И чтобы Ты не уходило.

Мне грустно, что уйдут с Тобою
И князь Ольгерд, и княжич Мал,
И Робин с вольницей лесною,
Сверканье шпаг, и блеск забрал.

Презренье к голому стяжанью,
Пожалованья городам,
И рыцарство, и обожанье
Турниров и прекрасных дам,

И прорицания — виденья,
И вера в мощь разрыв-травы,
И честные предупрежденья
Противнику: «Иду на вы!»

Без нибелунгов, без Вийона,
Без Сида, без норвежских Эдд
Мне не ясны судеб законы
И непонятен белый свет...

Я на кровати... Ночь слепая
Ещё маячит у окна.
И не пойму: я засыпаю?
Иль пробуждаюсь ото сна?
Но пусть, как прежде, к изголовью
Ложатся рифма и строка,
Как робкий гимн Средневековью,
Как вера в Новые Века.

Клязьма, июнь 1941

ЖИЗНЬ СОЛДАТА

Жизнь солдата
Незамысловата:
Получить письмишко от родных,
Поразить злодея-супостата
И остаться самому в живых.

Раз я видел: шевеля губами,
Пожилой боец письмо читал.
В этот миг он был уже не с нами,
В этот миг он дома обитал.

Пуля, бомба и осколок — мимо
Путь держите, не задев бойца!
Кто посмеет оборвать незримый
Разговор ребёнка и отца?

Может быть, впервые за три года
Весть из дома до него дошла
И, забывши обо всех невзгодах,
Вспоминал он прежние дела.

Вспомнил мать, жену, сестру и брата...
Но не слышал хищный свист свинца...
Жизнь солдата
Незамысловата.
Но намного проще смерть бойца.

Польша, 1944

САМБА-БАЙОН

Мелким озером стал океан,
Пляшут самбу русалки на дне.
Встал Чайковский и бьёт в барабан.
Чёрт и ангел схлестнулись во мне.

Эй, прохожий! Иди стороной!
Проходи поскорее, чужак.
А не то овладеют тобой
Злоба чёртова, ярость и мрак.

Белый свет станет сразу не мил.
А ещё — береги тебя Бог! —
Чтоб от беленьких ангельских крыл
Добродетелью не занемог.

Окровавилась водная синь,
Закричала луна в вышине,

Юной розой запахла полынь,
Чёрт и ангел сцепились во мне.

Вот рогатый взъярился вконец —
Пух посыпался с ангельских крыл.
Лязгнул челюстью Божий гонец —
Полхвоста у врага откусил.

Перестаньте же, чёрт побери!
Прекратите же, Богом молю!
Иль пьяны вы от цвета зари?
Иль от девичьих глаз во хмелю?

Нежно плачут громадины скал.
Антарктида пылает в огне.
Солнце сплющилось в чёрный овал —
Чёрт и ангел сбесились во мне!

Рио-де-Жанейро, 1962

БУРЕВЕСТНИК ЛЕТИТ

На экранах ТВ наважденье.
Там солиет (года три уж подряд)
Льёт на зрителя в самозабвенье
Отупенья и пошлости яд.

И поёт этот дьявольский крестник,
Позабыв о напевах любви:
«Перестань ты летать, буревестник,
К революциям нас не зови!»

Всё изгажено автором песни —
Не Пегас, а ишак проскакал,
И спокойных тонов буревестник
Чуть ли вороном чёрным не стал.

У такого певца вся забота,
Как урвать и скопить капитал.
Не просторы морей, а болото
И трясина его идеал.

Только вновь песни света польются,
Песни сильной и вольной волны.
Песни братства, борьбы, революций,
Но без гимнов гражданской войны.

Нет, не будут спокойными царства
Злобной сытости и нищеты.
Будут вспыхивать искры бунтарства
Маяками среди темноты!

В смрад и слякоть гнилого болотца
Человеческий род не загнать!
Люди будут мечтать и бороться!
Буревестники

будут
летать!

Москва, 1998

ПАЙТИТИ*

Мне чудится голос Пайтити
(Сей город я с детства искал):
« Меня отыщите! Найдите!
В плену я у сельвы и скал ».

Пайтити! Святая столица!
Дорога к тебе тяжела.
Тебя окружает граница
Опасностей, страха и зла.

Меня не страшат ни лавины,
Ни хаос из каменных глыб,
Ни горных потоков стремнины,
Ни зев кровожаднейших рыб.

Дорогу укажет мне кондор,
От молний развеется тьма,
Меж глыб проведёт анаконда,
Охрана же — пума сама.

Земные богатства утроив
И вольно вздохнув наконец,
Пойдёт амазонская Троя
С Родосцем ** самим под венец.

---

* Древний город инков с несметными богатствами, затерянный в сельве Восточного Перу.

** Родосский колосс.

* * *

Лета сбитые коленки.
Пух, солома в волосах.
На обед — с варенья пенки
И соседский яблоч сад.

Там, в овраге, жили тролли,
А в жасмине — соловей.
Мы сидели на заборе
И играли в королей.

Солнце, счастье, сарафаны.
Только утро глянет в дом,
Гвозди, сливы — всё в карманы...
Сквозь окно — в траву. Бегом!

Пело море из пшеницы
Цвета мёда и жары,
А над ним летали птицы,
Змеи, вопли и шары.

Запах вишен и акаций,
Весь в пыли велосипед...
Мне тогда казалось, двадцать —
Это очень много лет.

О НАШЕМ ЗАЧЁТЕ

Говорят, раз мы МГИМО закончили,
То с пелёнок дипломатов корчили.
Мы же в МИД пришли, как в первый класс,
Жизнь потом доучивала нас.
Ах, МГИМО! Ласкает душу звук.
Храм наук! Абстрактнейших наук!
Профессура только время тратила,
Не поднатаскав нас к бюрократии.
Погонять бы всех то вверх, то вниз —
Ведь бумаге ходу нет без виз!
Подучить бы нас держанью вилки,
Да и осушению бутылки.
Отсылая всех к родимой матери,
Военрук учил нас дипломатии.
За ничтожнейший проступок вздрючены,
Ремеслу проделок не обучены,
Мы одни — без блата, без родни —
Оказались всё-таки годны!
Институт? Да мы и век окончили —
МИД и мир познали без прикрас.
Нам такое прочили-пророчили,
Но остались мы чернорабочими.
(Жизнь ещё доучивает нас.)
Времена не чересчур прекрасные
Судьбы наши — общую и разные —
Бросят, будто в дебри непролазные.
Сколько виноватых без вины
У разодранной в клочки страны!
Столько войн, так щедро льётся кровь,
Что кощунство — в рифму брать «любовь»!

У одних — несметно: тыщи тыщ!
А народ от тыщ свободен — нищ!
Не за то ль потомки (да и предки)
Влепят нам нелестные отметки?
Выдोजить бы тут хотя б зачёт!
Жаль, что время нас уже сечёт.
Но не ждите, не уймёмся сами мы!
И не скиснем, мерзости терпя.
В эти годы нет страшней экзамена,
Чем проверка самого себя.
И хотя мы вовсе не геологи,
Как песчинки, мы друг другу дороги.
Жить, дружить, и вкалывать, и рыпаться —
Порознь нам никак нельзя рассыпаться!
Не герои мы, а те, которые
Тянут воз. А, может, повезёт:
Злая привередница — история
Выдаст нам спасительный «зачёт»?!

2001

НА ВЕТРУ

Встань на встречном ветру, словно юнга под шквалом,
И в широкую даль, не мигая, взглядишь.
Видишь брезжущий свет за волной перевала,
Разделившего юность и зрелую жизнь?!

Ветер бьёт нам в лицо, ветер волосы треплет...
Так давай же споём о судьбе ветровой,
Чтоб сердца возмужали, чтоб руки окрепли,
Чтобы лучшие чувства мы взяли с собой.

Мы железных подков не храним на пороге.
Мы мятежное счастье находим в пути.
Нам задорные песни певать по дороге
И, от ветра хмелея, идти и идти.

Нам жемчужную воду плескать у колодцев,
Припадать к ней губами, пригоршней черпать.
Нам бродить в лозняках, об осоку колотьяся,
Под пахучею хвоей в лесу засыпать...

Освежай наши души, бушующий ветер,
Пой бодрящие песни, чтоб всяк подпевал,
Чтобы звали в огонь, чтоб никто не заметил,
Как взойдём мы с тобой на крутой перевал!

Снова тянет откуда-то запахом дымным.
Слышишь — ветром доносит порыв грозовой.
Может, завтра же хлынут свинцовые ливни
И начнётся последний, решительный бой.

Может, завтра всех нас канонадой разбудит
Захлебнувшийся кровью рассвет —
Значит, наша пора, нам идти, чтобы людям
Снова строить и петь через несколько лет.

Наше счастье не здесь, на домашнем пороге, —
Там, за днями тревог и невзгод — впереди.
Нам идти и идти, проклиная дороги,
Прославляя дороги, идти.

И, конечно, как знать... А случись, и не будет
Ни надгробных речей, ни поникших знамён,

Ни прощального залпа охрипших орудий...
И оконный попутчик не вспомнит имён.

Только друг, услышав, молча снимет пилотку.
И тревожная юность мелькнёт наяву,
Да свирепая ярость сведёт ему глотку,
Да кипящая капля падёт на траву.

Верю в то, что, натруженных век не смежая,
Сквозь железную мглу к будням строек и книг
Он упрямо пройдёт, за двоих сокрушая,
Чтобы вновь созидать за двоих.

Так что если не петь мне раздольные песни,
Не узреть надо мглой торжествующий свет,
Всё восполнит тогда мой упорный ровесник,
Тоже страстный романтик, чудаки и поэт.

Встань на встречном ветру перед заревом алым.
И в широкую даль, не мигая, взглядишь.
Видишь, брезжащий свет — ясный день перевала,
Разделившего юность и зрелую жизнь?!

Освежай наши души, бушующий ветер,
Пой задорные песни, чтоб всяк подпевал,
Чтобы звали в огонь, чтоб никто не заметил,
Как взойдём мы с тобой на крутой перевал!

1949

ИСПАНСКОМУ ДРУГУ

Едва ли мне больше десятка известно
из слов твоего языка.

Ты понял меня по знакомому жесту —
упрямый кулак у виска.

И общий язык мы искали недолго.
Наверно, подобные речи держали
Рубен Ибаррури, убитый у Волги,
и дравшийся на Гвадарраме волжанин.

Ещё не забыты бывлые обиды,
и требуют жертвы сурового мщенья.
Руины Толедо и камни Мадрида
давно уже ждут твоего возвращенья.

Я мог бы забыть о Гренаде, влюблённый
в разливы пшеницы да в рокот станков.
Но нет — не линияют на наших знамёнах
наплывы от крови твоих земляков.

Я мог быть доволен: Россия — большая!
И солнцем, и ветром, и песней богата.
И может, единственно, что мне мешает,
так это невзгоды испанского брата!

Покуда в застенках твои камарадас,
пока каудильо над ними глумится,
сдаётся тебе, что и радость не в радость,
и тяжко на сердце, и ночью не спится.

И просится сердце в кастильские горы,
где гасят костры на коротких привалах,
где вновь автоматы ведут разговоры,
к надёжным ребятам, к ребятам бывалым.

Так пусть же знамёна взметнутся, как пламя.
Мы тоже испанские песни поём.
Мы стяги Мадрида храним под чехлами.
Мы ваших друзей на поверку зовём.

А их — миллионы, простых и безвестных.
Несхожи, как лица, у них языки.
Но ты их узнаешь по твёрдому жесту
приподнятой в братском салюте руки.

1950

* * *

Стою под вспышками, смиряя дрожь.
А мне: «Не слишком ли ты много ждёшь?!»
И вдруг, как в оттепель, капель со щёк:
«Ну что? Чего тебе? Чего ещё?»
Чего? Ей-богу, мне пока везёт!
Мне мало многого — мне надо всё!
Ты вся мне явлена — умри, ханжа!
Но мне, как дьяволу, нужна душа.
Мне мало ласк твоих, и рук, и плеч,
и фраз истасканных, и этих встреч.
И боли, сдавленной до мятежа...
Мне, словно дьяволу, нужна душа!
Без меры. Полностью. Чтоб знать я мог
все тайны помыслов, забот, тревог.

Открыться б, высказать... Но ты пока,
такая близкая, так далека!
Ты где-то в скорби вся, как наобум,
бредёшь и горбишься под грузом дум.
В тоске непрошеной ты горше всех.
Делиться ношею совсем не грех!
Всё надо вынести в пути крутом.
А радость близости ещё не в том!
Не в тех объятиях, что вспыхнут вдруг —
в простом пожатии надёжных рук.
Не в той — беспамятной — игре лица.
В сплетённых намертво тугих сердцах!
У всех превратностей исход один:
в любви есть крайности, но нет средин!
Она не ветрена и не слепа:
щедра со щедрыми, к скупым — скупа.
Ханжи и циники — ничто пред ней.
Она — всеильная. Себя сильней!
Она нетленна. Ей на смерть — плевать!
Ей всей Вселенною повелевать.
И если плохо нам, она спасёт —
но вместо многого отдай ей всё!

* * *

Совершенство не знает предела.
Я б вернулся назад с полпути.
Я согласен всю жизнь переделать,
Лишь бы вместе нам юность пройти.

Стань моим непоседливым гидом.
Протяни мне с улыбкой ладонь.
Проведи по тропинкам забытым.
Простотой и сердечностью тронь.

Вновь открой мне любую подробность
Полыхающей в сердце зари.
Возврати мне и дерзость, и робость,
И восторженность вновь подари.

Новым смыслом наполни слова все.
Намекни, где от счастья ключи.
Обучи меня вновь целоваться.
Волноваться опять научи.

Ты — как ветер, который из тленья,
Из золы воздымает огни.
Помоги мне найти обновление.
Вдохновенье мне в душу вдохни.

* * *

Пусть чиновная свора бесстрастность возводит в обычай,
Пусть умеренный нрав у моих сослуживцев в чести,
Я — плохой дипломат и притворных придворных
приличий

Столько лет не могу научиться блюсти.

Все порывы души пожирает тупое довольство.
Постны лики матёрых кликуш и ханжей.

Как смешон, кто сберёг это милое детское свойство —
Говорить напрямик, а влюбляться — так враз до ушей!

Ты боишься, что я упиваюсь тобой всё сильнее,
Что лавину не удержишь гнилыми подпорками лжи.
Разве это порок, если я до сих пор не умею
В полнакала гореть и любить в полдуши?

А в любви, как в стихах, изъясняюсь на редкость коряво,
И сравненья мои не ласкают изысканный слух:
Как ни терпок рассол, только та же хмельная отрава
Исцеляет наутро свирепый мужицкий недуг.

Ты напрасно меня осторожно к сюрпризам готовишь,
Чтоб спасти от беды, от опутавших сердце тенёт.
Тут бессильна разлука. И только твоя же любовь лишь,
Помрачившая разум, мне ясность сознания вернёт.

* * *

Против ожидания
Подшли не в срок
Заморозки ранние —
Тоненький ледок.

Стала песня грустной
Тоже неспроста.
Словно льдинка, хрустнула
Хрупкая мечта.

Росами простужено,
Лето отошло.
Кто ещё был нужен нам?
Раз вдвоём тепло!

А теперь — никто тебе.
Сам ты — никому.
Будет даже в оттепель
Зябко одному.

Пусть мороз уж лучше бы
Драл, как сто чертей!
Холодок бездушия
Лютых стуж лотей.

* * *

И в зной, и в стужу ледяную
Перелетая в край иной,
Мучительно тебя ревную
Ко всем оставшимся с тобой.

За всё и вся, за вечер звёздный,
За день прозрачно-голубой,
За воздух душный иль морозный,
Вдыхаемый сейчас тобой.

За свет твоих широких окон,
За серебристый голос твой,
За право от тебя о многом
Услышать первым и впервой,

За всё, к чему ты хоть причастна,
За каждое мгновенье дня,
За то, чем ты живёшь всечасно,
Вдали оставшись без меня...

А мне придётся, — как ни сетуй! —
Курьеров с почтой торопя,
Копить по письмам да газетам
Скупые вести про тебя.

Да тормозить едва прибывших,
Да провожая, слать привет,
Как будто я тебя не вижу
Не двадцать дней, а двадцать лет.

Да ликовать, когда до слуха
Дойдёт твоя живая речь...
Но чем свинцовее разлука,
Тем светозарней радость встреч!

Я счастлив, что в разъездах дальних
Могу, волненья не тая,
Робеть при мысли о свиданьях,
И всё же знать, что ты — моя!

Явись мне вновь и вновь исторгни
Все восклицанья торжества!
Тебе — мой сон, мой лепет вздорный,
Тебе — раздумья и восторги,
Моя любовь, моя Москва.

Сан-Хосе, 1972

* * *

Мне этот косный мир взорвать бы разом,
Испепелить всё пакостное в нём,
А не ржаветь вот так, немым фугасом,
Пока я сплошь страстями начинён.

Во мне тротил гремучей силы собран.
Так почему же стынет слов металл?
Кем обезврежен я? Нет — «обездобрен»!
Кто выкрал мою юность, мой запал?

Зелёный пламень трав поднялся круто,
А мой огонь всё преет, не почат.
Но вдруг и мне почудится, как будто
Стучат часы взрывателя. Стучат!

И слышатся разрывы. Близко-близко!
И будоражат песней огневой...
Дай мне займы всего крупицу искры.
Тепло и свет — я всё верну с лихвой.

* * *

В калейдоскопе, в суете событий
Трудом ты жил и даже в чём-то рос.
Крупицы пользы людям... Чтоб добыть их,
Ты всё отдашь, ты весь пойдёшь вразнос.

А сам себя пытаешь обречённо —
Змеится червь сомнений в складках лба:

Небесполезной или вдрызг никчёмной
Вдруг обернётся вся твоя судьба?

В наш век со справедливостью — не очень...
Но верь в одно, стена и скрипя:
Зачтётся всё, что для живых и прочих,
Но в минус — то, что только под себя.

И если день сегодня праздно прожит,
Ты зря считаешь это пустяком.
Ведь завтра так внезапно подытожит
Всё, что ты сделал в жизни. Целиком.

ДРУЗЬЯ НЕ УХОДЯТ

Друзья не уходят. Они остаются без спроса.
Они неразлучны с тобой — даже смерти назло!
У всех катафалков скрипуче стенают колёса.
И жизнь начинает казаться дурным ремеслом.

Друзей не вербуют, но всё воздаётся сторицей.
А дружба мужская не требует клятв и порук.
Не знаю, как часто там истина в спорах рождается,
Но именно в спорах рождается надёжнейший друг.

Друзей не скликают. Они появляются тотчас.
Как будто всё знали. Себя и других торопя.
Без всяких звонков и запросов. Без рангов и отчеств.
Не ведая даже, что тем поднимают тебя.

Друзей не хоронят. Они остаются как совесть.
Не им ли она и обязана тем, что жива?
Под взглядом друзей коченеешь, нагой и босой весь.
Они не услышат твоих оправданий слова.

Ты, может быть, что-то другое потом не припомнишь.
Но взоры умолкших друзей как наказания от них...
Друзья не уходят — бросаются молча на помощь!
Чтоб выручить тех, кто в беде, — кто остался в живых.

ДОБРИНКА

Прожить бы жизнью сто! А что особого?
Но будь сыта и крохой, голытьба!
Единовременная, как пособие,
Дана — и то не каждому — судьба.

Да к ней в придачу, как тоска извечная,
Дарована обманщица-мечта:
Мол, жизнь твоя, как сполох, скоротечная
Ещё не та, ещё совсем не та!

Мол, каждая из грёз твоих могла бы
Стать былью и ещё одной судьбой.
Но поздно! Липы тянут в окна лапы
Уж не тебе, а тем, кто за тобой.

Что от тебя останется? Лишь дети.
Пяток деревьев. Да нескладный дом.

Да два упоминания в газете.
Да груда дел, что вечно — «на потом»...

Но искорка добра должна остаться!
Щедра, как сон, и трепетна, как дрожь,
Пойдёт добринка по сердцам метаться,
И ты в улыбке друга оживёшь.

* * *

Рассветной дымкою подёрнут город сонный,
Лениво катится трамвай по мостовой,
И лучик солнечный настойчивый, нескромный
Тихонько наблюдает за тобой.
С плеча небрежно скинув одеяло,
К подушке мягкой ты прильнул щекой.
Ресниц твоих пушистых опახала
Чуть вздрогнули, нарушив сна покой.
Чуть слышное и мерное дыханье
Вдруг подхватил игривый ветерок.
Он шепчет нежно сладкие признанья
И треплет занавески уголок.
Любуясь своей маленькой «ошибкой»,
Природа то всерьёз, а то шутя,
Как мать, со снисходительной улыбкой,
Ждёт пробужденья своего дитя.

ЗВЕЗДЫ ЯРКИЙ МИГ

А годы проходят так быстро, легко и неслышно.
Холодные ветры уносят те годы с собой.
И снова зима, сединой убелённые крыши,
И ветер всё так же с чугунной воюет трубой.
Так хочется верить, что жизнь вновь весной пробудится
И мигу познания вовсе не будет конца.
Что ж, пусть к совершенству душа человека стремится,
Хоть не совершенны, не вечны людские сердца.

Припев:

И сквозь снежную мглу виден свет нескончаемых звёзд.
Снова славлю судьбу, что мне жить в этом мире пришлось.
Пусть не виден наш пик, жжёт дыхание безмолвных ночей,
Но звезды яркий миг лучше долгого воска свечей.

Отбросим тоску и печаль по судьбе быстротечной
И сверим с надеждой шаги и свершенья свои.
Ведь дружба и честь в этом мире останутся вечно,
И нет, не задуют ветра факел вечной любви.
Пусть выюги шельмуют, а мы снова духом воспрянем.
Мы можем творить, значит, светел наш горький удел.
И книгу всей жизни вновь с полки веков мы достанем.
Заполним страницы теплом наших дум, наших дел...

1984

ПРИВЕТ ИЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

Маме

Из далекой восточной страны,
Где среди пальм расплавляются сны,
На заре — пред Аллахом один —
Заунывно кричит муэдзин.

Где сухая гортанная речь,
Где в песках синим речкам не течь
И в палатке своей бедуин
Делит вечность с безмолвьем равнин.

Припев:

Из страны, где тебя рядом нет,
Шлю тебе свой горячий привет.
Хоть за тысячи миль где-то я,
Пусть дойдёт к тебе песня моя.

Здесь живёт одногорбый верблюд,
А лиса и медведь не живут.
Здесь с пустыни хамсин, но вовек
Здесь не шёл наш искрящийся снег.

Здесь дурман апельсиновых грёз,
Не затмит образ наших берёз.
А живой блеск солёной волны
Не заменит улыбок родных.

Триполи, 1989

---

* * *

Ю.Л.

Твоя улыбка так мила,
Твоя улыбка так прекрасна.
О, сколько света и тепла
Ты излучаешь ежечасно.
Твой взгляд, как яркий солнца луч,
Игривый, ласковый и милый.
Он так прелестен, так могуч
Своей пленительною силой.

Припев:

Я ждал тебя, и ты пришла,
Мой грустный мир преобразила.
Мне подарив глоток тепла,
Меня ты к жизни возродила.
Мне подарив глоток любви,
Дала ей имя своё Юля.
И я теперь храню в груди
Средь февраля тепло июля.

Твой звонкий, нежный голосок,
Как звуки трели соловьиной.
В нем откровенье и восторг
Души, что хочет быть любимой,
Души, что нежности полна,
Души, что жаждет ласки, страсти.
Ей счастье хочется познать
И принести кому-то счастье.

2001

ИЗ «ВЕНКА СОНЕТОВ»

А.П.

*Что сделалось со мной? Я весь пою.
Свиваю мысли в тонкий строй
сонета.*

К. Бальмонт

Любви я посвящаю свой сонет!
И пусть мой стих, простой и безызвестный,
Напоен будет силою чудесной
И ярким, страстным пламенем согрет.

Чтоб идеал священный был воспет,
Кристалл бесценный, что, признаюсь честно,
Готов добыть во мгле и мраке бездны
И, чтоб сверкал он, вновь поднять на свет.

И красоты неведомой творенье
Мне подарило сказку наяву,
Путь мне открыло к солнцу, к вдохновеню.
Теперь я знаю, для чего живу:

Хочу я вечно воспевать черты
Лишь той единственной, которой стала ты!

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Музыка П. Аедоницкого

Этот ветер,
Этот свежий ветер,
Как сродни он самым светлым снам.
Кто ему, как другу, верит,
Тот в себя поверит сам.

Потому что свежий ветер
Так могуч, и добр, и светел.
Свежий ветер, свежий ветер,
«Быть добру», — сказал он нам.

Окна настезь — пусть дома проветрит.
Сердце настезь ветру распахну.
Пусть войдёт и пусть проверит,
Что я в сердце берегу.

И наверно, свежий ветер
Мой порыв ответный встретит.
И наверно, мне ответит —
Где любовь, там быть добру.

Если глубже дышится и легче,
Если зорче в завтра я иду,
То не зря расправил плечи
День обычный поутру.

Потому что все на свете
За дела свои в ответе.
Если дует свежий ветер,
Это значит — быть добру.

1985

* * *

Мы лет застойных выходы,
Хотя не в нас тех лет начало,
И если кто не выдохся,
То, видимо, нечаянно.
Застывшая история,
Без личностей, без фактов,
Запойные застолья,
Фантазии нехватка.
И было так заметно
Нам и тогда, пожалуй,
Забытое заветное,
Замены залежалые.
Заглавия повторные,
Излишества зазорные.
В знамениях затмения,
Предвзятые забвения,
Заманчиво несмелые
Прозренья перезрелые.
Межа, межа меж делом
И явью лишь призывной,
Закат замшелый,
Казалось, неизбывный.
Задачек ракурс средненький,
Разгадки, что просты.
Тех лет наследники —
Мы их полутворцы...
Теперь уже не спутаем
Посредственное с пагубным,
Сметённое и смутное —
В послеапрельском паводке.

1986

ЗАПОЗДАЛОСТЬ

Ожиданья иссушают ум,
Тиранят волю,
Избиратели у непослушных урн,
Как выходцы из подполья.
От показушного устали,
Не нравились почины и примеры,
Высокочтимыми устами
Провозглашенные химеры.
Да, в откровеньях запоздалость
Лет на десяток иль на век
И затянувшаяся старость —
Лишь вспять ведущих вех.
Так ждать, не ждать ли?
Спешить, не поспешая, легче,
А перезреет время жатвы, —
И больше колосков полеглих.

1990

СНОВА НА ПЕРВОПУТКЕ

Прощай, былая легкость
В походке и в поступках,
Обманчива пологость
И на последнем первопутке.
Я путник перевалочной поры,
С расширенностью глаз,
Опять ухабы и бугры —
В который раз, в который раз.

1991

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАЕТА

Размеренно и равноправно:
Насколько влево – столько вправо,
Всё только начинается...
А маятник качается.
За тяжбами времён следящий
Не допускает встряски зряшной,
В размахи крайности вмещаются.
А маятник качается.
Туда-сюда, раскованно иль косо,
Людей заносит в перекосы,
Клянут охотно, меньше каются,
А маятник качается.
Земная ось, как мера отклонений,
В них мета смены поколений,
А маятник всё мается.
И власть качается.

1991

* * *

Знакомое до грусти
И выделено курсивом:
«Две линии, два курса»,
Как голый зад в крапиве.
Опять мы в черно-белом мире,
Разграничения там чётки,
Коль дважды два – всегда четыре,
Цвета чужих топчи чечёткой.
А где полутона,
Размыты акварельно блики,

Ведь ими жизнь полна,
В неё взгляните, аналитики.
И биполярности сверхнервны,
В том убеждались многократно.
Консерваторов на консервы,
Демократов под домкраты!
Да, можно только подивиться
Сюрпризам лихолетья.
...Цивилизация ветвится,
На каждой ветви — многоцветье.

1991

НЕ СОСКУЧИШЬСЯ

Уменье создавать проблемы,
На ровном месте, сваливая в кучи,
Без повода и на любые темы,
Быль фантастична — не соскучишься.
Шептальщики, доброжелатели,
Застрельщики сверх меры
Квалифицированно, старательно
Делают карьеры.
Втянуть и всех, и вся в конфликты
Озлилась зависть, метит месть —
В персону выйти из безликих
И поудобней в кресло сесть.
А попадёшь впросак — не плен,
И совесть вялая отмучится.
Умельцы создания проблем —
Страна с такими не соскучится.

1991

ЗЫК

Ополоумевших полемик
Теперь навалом.
Оратор — пленник
Захлопываний залом.
Да что там, яблоко раздора —
Увядший символ.
Вот вдруг раздастся зык — и скоро
«А ну-ка, встань по стойке «смирно»!
Смиришься ты, другой не сможет,
Полемика затерялся гуд,
Захлопыванья с пальбою схожи,
А усики сами отрастут.

1991

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ

Темы обычной не обновлю,
Женщину славлю ту, что люблю.
Ту, что, быть может, придёт ко мне,
Ту, что видел только во сне,
Ту, которую жду и жду,
Ту самую, ту...
Мне сказала высокое небо,
Чтоб за нею напрасно не бегал,
Вычислительный центр подсказал,
Чтоб её на Земле не искал.
И чтоб выкинул блажь из ума...
Мне сказала она сама.

1961

---

* * *

Мимолётны бывали размолвки,
Никогда не общались натужно.
А сегодня бывлые друзья приумолкли,
Списали меня в человека ненужного...

Телефон молчаливо тоскует,
Пусто в почтовом ящике.
Заслужил ли я участь такую,
Где вы, друзья настоящие?

Знаю, живёте сложно,
Упрёку не удивитесь,
Но всё же, но всё же,
Друзья, отзовитесь!

1995

* * *

Пора иль не пора?
Я с подведением итогов медлю:
Мои пустеют вечера,
Мои друзья уходят в землю.

Я медлю. Медлю. Не решаюсь,
Да и за кем решенье?
Внучат нечаянная шалость —
Итог. И продолжение...

1997

Анатолий КОЗЛОВ

ХОРОШО

С. Кондрашову

Хорошо, когда сердце омыто
Рыжим солнцем и дурыю весны,
Когда спишь по ночам как убитый
И не жалуешься на сны.

Когда время летит, как поезд —
Лишь на стрелках задорный стук,
Когда жизнь — и поэма, и повесть,
Когда рядом с тобою — друг!

1949

* * *

Там, где цветут рододендроны
И, оплетённые плющом,
С небесных крыш слетают звоны
И тихо плачут ни о чём;

Там, где хрустальный воздух блещет
В тени цветов, дерев и трав
И юной бабочкой трепещет,
Растаяв в сумраке дубрав;

Там, где глядят единороги
На древних образах гербов
И расстилаются дороги
На сотни тысяч берегов;

Где ярких красок манит город
Ещё не удивлённых дам
И нарисованным узором
Клубится в дымке Амстердам;

Страна Ганджа, оплот свободы,
Ты, словно новый Вавилон,
Стоишь на страже возле входа
Всех перепутанных времён.

* * *

Бывали дни потерь и дни разлук,
Бывали ночи с привкусом печали,
Бывали дни дождей и теплых рук,
И ночи звёздных россыпей бывали.

Блистали реки в пенной чешуе,
Манила леса сизая сонливость,
Застенчивой росинкой на заре
Молоденькая радуга катилась...

Плескали солнца тонкие лучи,
Сквозь пальцы на лицо — каскад веснушек,
Плясали трав густые стебельки
На золотых проталинах опушек.

Бывала жизнь чудна и весела,
Бывала смерть чудна и многолика,
Бывало сотни ипостасей зла,
Добро бывало, как всегда, близко.

* * *

Вечер струны арф тревожит,
Вечер душу бередит,
Как колоду карт, разложит
Фотографии твои.

Кем ты стала? Дамой бубен?
Туз червовый твой герой?

Время лечит, время губит,
Забавляется игрой.

Горько вспомнить, больно слышать
Роковые имена,
Пьяный ливень жадно лижет
Потемневший холст окна...

Ты скажи мне, ангел света,
На каком ты берегу,
На какой теперь планете
Отыскать тебя смогу?

Отзовись, мой ангел милый,
Серебристым голоском,
Чёрной птицей легкокрылой
Полечу искать твой дом...

Ни ответа, ни привета,
Ждать вестей — напрасен труд,
Затерялся ангел света,
Замутился Млечный путь...

Наталья КУЗНЕЦОВА

БОГОЛЮБОВО

Сентябрьский закат, горящий
над монастырём,
Окрашен, кажется, багрянцем княжеской крови.
А за рекой, под Богородичным покровом,
Весь в белом — храм. Там инок молится
перед алтарём.

И вкрадчивая осень тихо навевает грусть
Под благовестный звон колоколов к вечерне,
Но слышу шёпот огненной рябины с чернью:
«Жива наперекор всему Владимирская Русь!»

ПОРТРЕТ

Хрустальная ваза с белой сиренью —
Пленённое буйство цветов.
И лик отрешённый, словно виденье
Никем не разгаданных снов.

Где прежних годов твоя безмятежность
И вздорность искрящихся глаз?
Кто так обломал цветущую нежность
И жизнь показал без прикрас?

Букет из сирени в вазе хрустальной —
Давно позабытый сюжет.
Он подарил мне портрет уникальный
С автографом трепетных лет.

---

* * *

Вы слышали когда-нибудь,
Как плачет тишина в апреле,
Проделав долгий, тяжкий путь
Сквозь зимний холод и метели?

Ей участь выпала молчать,
Сносить удары все достойно
И, стиснув зубы, не кричать,
А делать вид, что всем довольна,

И ждать, когда весна придёт,
Заступиться за тех, кто верит.
Она её без слов поймёт,
Лучистым солнцем обогреет.

Растопит лёд с её души,
И слёзы потекут ручьями.
Тогда и вы в лесной глуши
Оцените обет молчанья.

ПЕСНЬ ЦЫГАНКИ

Кони мчатся что есть мочи,
Разрывая ветер, вскачь.
Напролёт гуляем ночи
Мы с тобой, гусар-усач.

Пусть недолги наши встречи —
Скоро снимется твой полк,

Табор мой уйдёт далече.
Ну, чего ты приумолк?

Не забыть тебе цыганку
Разудалую, родной?
Аль приснилось спозаранку,
Что погибнешь молодой?

Не проси гадать, хороший.
Знаю — короток твой век.
Ах, какой же ты дотошный!
Глуп ты, смертный человек.

Лучше жить, как ты, в потёмках
И не ведать о конце,
Думать о своих потомках
И мечтать лишь о венце.

Про себя я знаю точно —
Умереть мне суждено
Одинокой, старой, склочной —
Мне другого не дано.

А пока, мой добрый рыцарь,
Пой, пляши и пей вино.
Будем вместе веселиться,
Суждено, так суждено!

ГРОЗА

Целый ворох облаков,
Кучерявых и патлатых,
Сбросив иго всех богов,
Заклубился воровато.

Осерчав на белый свет,
Почернел и в раздраженье
От своих небесных бед
Нам устроил представленье.

Гром и молнии метал,
А потом дождём пролился.
Сам себя и наказал —
Вместе с гневом испарился.

Вот и ты чернее тучи,
Не гневись, не станет лучше.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Ах, русские и их слова!
Ненастье и распутица,
Таинственная трын-трава,
Коль стерпится, так слобится.

Какие-то баклуши бьют,
Лелеют неурядицы,
А горькую запоем пьют —
Душа болит и мается.

Напасти в доме. Впрямь беда —
Горшок разбит, не клеится!
И всё тям-ляп и ерунда —
Всё в жизни перемелется!

В годину испытаний вмиг
С бедой всем миром справятся.
Какой загадочный язык,
Достойный доброй здравицы!

U 238 (ЯДЕРНОЕ НЕБО)

Время восхода электрических солнц,
Шум соткан из сотни тишин.
Брось, если сможешь, спасательный круг
Тонущим в ревущем потоке машин.

Яркий фломастер пурпурных небес
На чёрном фоне видений стальных —
Нарисуй им себе третий глаз
И зачеркни им два остальных.

Чтоб не видеть город, сытый вином и хлебом,
Медленно тающий под ядерным небом,

Где в чьей-то душе звучит глухо:
Во имя Отца, Сына и Святого Духа,

Где исписаны стены серые
Молитвой разуму, материи и энергии,

А имя твоё — в таблице номер порядковый;
Наш бог — Теория вероятности...

ЗАМЕТЁННОЕ

Солнце заходит за мой горизонт,
Вечер сменяет день.
Я живу в мутном потоке нот,
В русле прямых белых стен.

Снег, зимний призрак, стучится в окно
Странный на вкус белый яд.
Разлилось на весь мир седое пятно
Сквозь космы железных оград.

Сердце затихло, не слышно шагов:
Мне сказали, снег тоже идёт.
Жизнь спешит, уходят стрелки часов
Сквозь открытые окна на взлёт.

Я остался на миг из коротких секунд,
Но я их растяну на часы.
Если я заблужусь, меня тут же вернут
И уйдут, гордо вздернув носы.

Чтобы слушать небо, растаяв в плену
Паутины, окутавшей гладь,
Но у меня есть стремленье взрывать тишину,
А у неба — привычка молчать.

НА ЛЕДНИКЕ ЭЛЬБРУСА

Казалось бы, что можно без труда
Взойти на эту ледяную грудь,
Что невысока снежная гряда,
Полог и безопасен ровный путь.
Нет! Каждый шаг там — трещины оскал,
Навес лавин и круть клыкастых скал,
И волчьи ямы, пропасти без дна,
И ни одна тропинка не видна.
Вот так и ты стоишь передо мной:
Как будто въявь, обманчиво близка.
Но до тебя — коварных вёрст с лихвой,
И бездна дней, и долгая тоска...

1955

ГЕЙНЕ

На Монмартре в Париже
Похоронен поэт,
Но в строках его книжек
Сохранился завет:
«На плиту водрузите
Не лавровый венок,
А пригодный для битвы
Воронённый клинок.
А ещё пусть на камне
Заалеют цветы,
Чтобы прежнее пламя
Полыхало в груди.
Ярко-красные розы
И тюльпаны в цвету —

То ожившие грёзы
Рвут свою немоту:
Полистайте страницы
Моих песенных книг;
Суждено будет слиться
Нашим душам на миг!
С нами Бог? Понапрасну
К небу тянется жрец.
Только разум всевластен,
Только чуткость сердец!»

1994

ОТКЛИК

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт.*

М.Ю. Лермонтов

Настанет век, России чёрный век,
Когда на нивы совершит набег
Несметная людская саранча,
Сжирая всё подряд и честь топча.
Металл и нефть, и знания, и ум —
Всё загребёт безродный толстосум.
Долготерпеньем сломленный народ —
Вновь жертва новоявленных господ.
Баранов стричь не перестанет власть,
По-крупному, изящней станет красть.
Вслед за японцами обставят нас
Индус, китаец, негр и папуас.
Но псов вцепившихся стяхнёт медведь,
И сможет Русь всю нечисть одолеть!

Как крысы с тонущего корабля,
Рванут грабители и вся их тля,
Чтоб где-то в щелях переждать потоп,
Как вздувшийся от крови мерзкий клоп.

2000

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ

Был Посольский приказ, и послы выполняли приказы,
Чтоб удельных князей потеснее с Москвою сплотить.
Дело шло нелегко, создавалась Россия не сразу,
Дипломаты старались ей верой и правдой служить.
И служили стране, ее нерв сквозь себя пропуская,
И учились искусству, как ладить и как торговать,
И учились, как жить, по заслугам других уважая,
И учили других, как Россию всегда уважать.
Пробивали пути, шла за ними Россия по следу,
Расширяя влиянье и множа владенья свои.
И на этой стезе жизнь отдал не один Грибоедов,
Выполняя приказ вдалеке от Российской земли.
В поле воин один — так бывает, и это не ново.
Дипломат должен сам дать единственно верный совет.
Должен он, как поэт, находить только верное слово,
Крепко помня притом, что пророков в Отечестве нет.
И не ведал никто, путь какой для кого уготован —
Где слетит голова, где настигнет дурная молва,
Но искал дипломат то единственно верное слово
И не мог отступать — за спиною стояла Москва.
Но пути у страны становились всё круче и круче.
У иных вместо слов получалось нытьё и враньё.
Выручали страну Грибоедов, и Пушкин, и Тютчев.
В их словах обретала Россия сознание своё.
А они от ума много мыкали всякого горя.
Ум от горя не спас, но и горе не стёрло ума.
Горе нам от ума — он всё требует истины в споре,
Но зато для ума не страшны ни сума, ни тюрьма.
Был Посольский приказ, и приказы послы выполняли,
И умеют с тех пор дипломаты страну защищать.

Своим словом они, своим делом стране помогали
И других научили Россию всегда уважать.

2004

МОЛИТВА

Я в очищение души
Стал верить со времен недалних,
И темнота исповедальных
Меня отныне не страшит.

И, неприступные в ночи,
Молчат затворенные ставни.
Они хранят чужую тайну
И беззащитный свет свечи.

Огонь свечи и тень вины,
Сливаясь, гаснут на ладони.
И пальцы — загнанные кони —
Безумством ласк обожжены.

А ночь нежна, грешна, тиха,
Ночь набожна — молись без страха,
И всепрощающею плахой
Ласкает голову рука.

Недолго ждать, уста в уста,
Пока рассвет сомнёт постели.
И отпечатался на теле
Распятыя знак — постель Христа.

Я в очищение души
Стал верить со времен недавних.
На плотно притворенных ставнях
Полоска золота дрожит.

1980

СОРОКОВКА

И не сор из избы, и не рок на пути.
И не сор, и не рок — просто сорок.
Уберите гробы, дайте в драку пройти
И слезами не портите порох.

Застоялся я что-то без честных боёв,
Только водка с работой не знают краёв,
А вот край перейти для дуэли —
Не сумели, а может, не смели?

Только буква одна:
не сумел иль не смел,
Но скрывает она
И удел и предел
Всех дерзаний, сомнений, свершений
Белой гранью на чёрных мишенях.

Но пока все мишени из тех сорока
Точно в центре пробиты — не дрогнет рука.
Лет осталось на сорок больших сороков,
Есть ещё теплый кров и горячая кровь
И любовь, и любовь, и любовь.

В равноденствие — ночь уравниется с днём,
Власть у света и тьмы — равнозначна.
Кто рождён в равноденствие — приговорён
Разрываться меж светлым и мрачным.

Вровень чаши застыли: так что тяжелей —
Горсть полуденной пыли? Полночных углей?
В равновесии чёрное с белым,
Дело тёмное, светлое дело.

Как тут взвесить, прикинуть,
Где сила, где власть?
То ли в белое сгнуть,
То ль в чёрном пропасть?
На мишени гляжу обречённо:
И по белой хочу, и по чёрной.

Но пока — всё в десятку, что выпало мне,
Равноденствие гладко несёт по волне.
Может, так и пройдут сорок тех сороков?
Если есть тёплый кров — будет тёплой кровь
И любовь, и любовь, и любовь.

Только если всё — равно, то вдруг — всё равно:
Страх и страсть, день и ночь, свет и тени?
Равноденствие в главном нащупает дно,
Взлёт — паденье сведёт к усреднению.

Я в гримёрной одежды на ощупь хватал.
Выход мой, но не знаю, в чём выйду я в зал:

То ли в белом смирительном шёлке,
То ли в чёрном холсте кривотолков.

И в острог — не ко сроку,
И воля — не впрок.
Благодетель с пороком
Сплелись в монолог.
Чёрен шрифт, белоснежны страницы,
Роль на чёрное с белым двоится.

Но мишени мои равноденствия луч
В середину златую пронзит — я везуч.
Да ещё впереди сорок тех сороков,
Не остыл еще кров, не остыла бы кровь
И любовь, и любовь, и любовь.

Сорок тех сороков — у сорок на хвостах.
Чёрно-белые птицы-воровки,
За спиной у меня роль мою прочитав,
Норовят разменять сороковку.

Я согласен, но крупный размен — не с руки,
Разменяйте её в серебро, в медяки,
Чтобы всем хоть по горети хватило
Светлой боли той, тёмной той силы.

И друзьям, и врагам,
И святым, и ворам,
Дворовым и князьям —
Всё опять пополам.

В вечном споре меж тьмою и светом
Не хочу и не вижу ответа.

И мишени, в которые мне попадать,
Не позволят солгать, не дадут выбирать.
И неведомы сорок лежат сороков.
Ни к чему тёплый кров, коль горячая кровь
И любовь, и любовь, и любовь.

1990

ВЕРШИНА

Что ж, похоже — вершина.
Перекурим давай.
Сквозь лесную малину
Виден пропасти край.

Вверх прошли без запинки —
Ювелирный расчёт.
Правда, трудной тропинкой
Нам спускаться ещё.

Покорён сороковник,
Где ж венок наградной?
Лавра нет, но терновник
Обступает стеной.

Что внизу там, в распадке,
Там, откуда мы шли?
Сверху глянешь — в порядке
Всё в той дальней дали:

Вон мы юны, как боги,
И ещё без долгов,
Ну а вот и пороги
Наших рек и домов.

Видишь, вот мы все вместе
Начинаем маршрут.
Слышишь, вот наши песни
Наши дети поют.

Вот кончается праздник
И запутана масть.
Вот заманчиво дразнит
С высоты своей власть.

Ну, а вот у амбара
Власть в похмелье густом
Отдаётся задаром,
Только мы не берём.

И идём дальше в гору.
Не меняя маршрут,
К той вершине, с которой
Наши реки текут,

Где безлунною ночью
Наш огонь не погас —
К той вершине, короче,
Где мы курим сейчас.

Годы сыятся стружкой,
Как с косы трын-трава.

Три уже после Пушкина,
До Высоцкого — два.

Вот вблизи сороковки
Чей-то чёрный билет,
Там обрывки страховки
И увядший букет.

Покурили, как будто
Собираться пора.
Родников перламутром
Провожает гора.

Горевать нет причины,
Только, как ни суди,
Чуть обидно вершину
Оставлять позади.

Но поблажки не просим.
Пыль в висках, в рёбрах — бес.
Опускается осень
Вместе с нами с небес.

Вдруг тропа, извиваясь,
Снова вверх поведёт,
И вершина другая
Из-за туч позовёт.

Не упустим везенья,
Нам его вынь-положь.
Вот в уставших коленях
Унимается дрожь.

Знать, вовеки отныне
Тот же путь напрямик:
Каждый год по вершине,
Каждый день, каждый миг.

1990

РЕЗИНОВЫЙ ФРЕГАТ

Как десять лет назад, как десять лет спустя,
Торжественный парад, глаза у дам блестят.
Резиновый Фрегат, подняв победный стяг,
Уходит в пережат на страшных скоростях.
Назло лавинам с гор, взбесившимся штормам,
Назло со всех опор сорвавшимся властям,
Назло мольбе притвор, назло чужим слезам,
А с некоторых пор — назло своим смертям.
Недолг тот поход, но уж такой расклад:
Едва рассвет встаёт — и вот уже закат.
Но помнит целый год Резиновый Фрегат —
Заветный час пробьёт и чёрт ему не брат.
И в предвкушенье драк, ветрам свободным рад,
Поднимет гордый флаг Резиновый Фрегат.
И, рассекая мрак, величествен и свят,
Пойдёт в огонь атак под выкрики «Виват!»
В погоню каждый год, судьбе наперехват,
Нацеленный вперёд — успеть на новый старт,
Где молодости взлёт и нет пути назад.
С дороги не свернёт Резиновый Фрегат.
Ненастьями крещён, повсюду нарасхват,
За всех, кто в море, он выходит на парад.
Заранее прощён, заранее распят,

Заранее влюблён Резиновый Фрегат.
Как десять лет назад, как через десять лет,
Десятками заплат заботливо одет,
Восторг своих побед, вину своих утрат
Уносит на рассвет Резиновый Фрегат.

1993

САДОВО-ЧЕРНОГРЯЗСКАЯ

К.К. Провалову

Садово-Черногрязская,
Грязь чёрная, столичная,
Но к нам была ты ласкова
И было что-то личное
Для каждого в той улице
И в этом доме сталинском.
Сейчас туда вернуться бы,
Найти, что там оставлено.
Там песни пелись страстные,
Стихи слагались искренне,
Душа и плоть контрастами
Распяты и расхристаны.
И опьянённо-смелые
Твердили мы пословицу:
Всё то, что в жизни делаем,
То жизнью и становится.
Загулы беспробудные
Вдруг высекали искрою
Тот светлый час предутренний,
Где зарождалась истина —
Сквозь хмель, сквозь вожделение

Побед, любви, признания,
Сквозь отрицанье гениев
И поклоненья знамени.
Садово-Черногрязская...
Садов не помню вроде бы,
Но жили без опаски мы
И постигали Родину.
Беду её, величие,
Её провалы памяти...
Грязь чёрная, столичная
На троне и на паперти.
Садово-Черногрязская!
Под вывеской наружною
Ты началась соблазнами,
Но стала нашей дружбою.
Хозяин этой пристани
Нас вёл во ржи над пропастью,
Он открывал нам истину
И был он нашей совестью.
И ангелом-хранителем,
Душа и двери – настезь,
Хозяин по наитию
Берёт нас от ненастья.
Волшебной, бескорыстною
Он окружал нас сказкою.
Нет, без него немислима
Садово-Черногрязская.
Пусть нынче куклы с масками
Колдуют над столицей,
Хранит он Черногрязские
Законы и традиции.

Сквозь бури и скитания
Проходим без подсказки мы —
У нас образование
Садово-Черногрязское.

1999

* * *

А.А. Малинину

Сколько было подножий, вершин, рубежей,
Сколько было истоков и устьев,
Сколько было дорог — не припомнить уже,
Сколько радости было и грусти!
Ах, как сладко двадчатки промчались срока,
Ах, как жаль, что тридчатка не вечна,
Ах, как здорово было вокруг сорока,
Как несли нас к полтиннику речки!
Вот мы здесь. А что далее нам суждено —
Тот, Кто Там, Наверху, знает точно:
Знает Он, где отравлено будет вино
И где вломятся в дверь среди ночи,
Где над пропастью страшной судьба проведёт
И подарит второе рождение,
Где от встречи случайной всю жизнь напролёт
Будешь жаждать её повторенья,
Где — теченьем прибьёт к неродным берегам
И где друга отнимут жестоко,
Знает Он, где дозволена милость к врагам,
Где — положено око за око,
Где увлёкся и где безнадежно влюблён,
И что ждёт за крутым поворотом,

Сколько стоит покой, сколько ставить на кон
И где в рай распахнутся ворота...
Мы всё это узнаем потом, а пока —
В неизвестность маршрут предначертан.
Незнакомым ущельем уносит река,
А в лицо — незнакомые ветры.
И как хочется взять и спросить у Того,
Кто всем Там, Наверху, верховодит,
Что записано в книгах для нас у Него
И остался ли козырь в колоде?
Если завтра уже умирать — будем пить,
Будем петь и гулять до рассвета,
Если долгие годы отмерено жить —
То тем более выбора нету:
Будем пить и гулять, веселиться и петь
Наши самые главные песни
Про мечты, про детей, про любви круговерть,
Про друзей, что уже в поднебесье.
И сегодня за них мы поднимем стакан,
И да будет светла их обитель.
Нынче праздник вершит плотовой капитан,
Собиратель друзей и хранитель.
Он не Там, Наверху, он на Грешной Земле,
Нашей дружбы он — центр притяженья.
И друзья за столом, и вино на столе,
Продолжается жизни движенье.
Нам ведь много не надо — ещё пятьдесят
Бурных весен и столько же речек,
Да чтоб мысли летели вперёд, не назад,
Да с друзьями почаще бы встречи.
Ну а там поглядим — сколько нужно ещё,

Чтоб не в долг, чтобы счёт был оплачен.
Если рядом останется друга плечо,
Значит, нас не оставит удача.
Снова наши машины летят в гололёд,
Не устали скакать наши кони,
И ещё не порвался резиновый плот,
Поезда ещё ждут на перроне.
Если завтра уже умирать – будем пить,
Будем петь и гулять до рассвета.
Если ж долгие годы отмерено жить –
То тем более выбора нету.

2000

ПОЛУВЕЧНАЯ

А.Д. Терехову

Полуночная наша Плотва
Полувечный штурмует барьер,
На плоту помещаясь едва,
Но другим подавая пример,

Как порог проходить надлежит
На рискованной отметке «полста»
И как каждой верстой дорожить,
Что прошёл в мокром чреве плота.

Вот ещё один плотский титан
Грудью ленту полтинную рвёт:
Трубадур наш и наш Магеллан
Укрощает резиновый плот.

На шальных трехметровых валах
Два могучих весла распашных
Вверх взлетают в умелых руках
И вонзаются волнам под дых.

Вот полночный привал у костра,
Уже новый берётся барьер.
Красноречьем Плотву до утра
Насладит златоустый Гомер.

Ураганом проснётся игрун,
Испарится нахлынувший сон,
Всю бы ночь слышать звон этих струн:
Целый век слушать тот баритон...

И Плотву тянет вновь на плоты,
Где пол-литра всего на полдня,
И кипит полукровка у Плотвы,
И за царство берём полконя.

Полумесяц висит над рекой,
Полупьяный течёт разговор.
Полувечный не манит покой,
Полувечные истины – вздор.

Потому-то, как прежде, Плотва,
Полувечный штурмуя порог,
Только вечные ищет слова
И даёт только вечный зарок:

Чтобы летом, все годы подряд,
Убегать на резиновый плот,

Чтоб побег этот в юность назад
Сил придал для движенья вперёд.

Чтоб, губами припав к родникам,
Обострить ощущение судьбы,
Смысл вернуть сокровенным словам,
Вкус мальчишеской вспомнить борьбы.

Позади — пятьдесят, а теперь —
Новый старт для души и для тел.
Отстрелил, как ракета, ступень,
И до новых высот полетел.

2002

ОСОБЫЕ ДАТЫ

Есть особые даты, о них календарь умолчал,
И о них ничего не напишут наутро в газетах.
Эти даты влекут, как надёжный и верный причал,
Как маяк долгожданный в скитаньях по белому свету.

Эти даты — в сердцах, не в казённых парадных словах,
И два сердца божественной связаны нитью незримой.
Эти даты горят ожиданием в прекрасных глазах,
Этим датам свершенья свои посвящают мужчины.

С этих дат начинается времени новый отсчёт.
Эти даты — как судьи и прошлых, и будущих судеб.
Только как ни суди — но никто от судьбы не уйдёт.
Только как ни суди — но никто за судьбу не осудит.

Эти даты никто никогда не посмеет отнять.
Эти даты святые подвластны лишь высшим законам.
В этих датах — вся жизнь и судьба, обращенная вспять.
Эти даты — причал, эти даты — маяк и икона.

И подскажет маяк путь единственно верный впотьмах,
И согреет причал, и воздаст за скитанья сторицей.
Пьем за даты, которые будут навеки в сердцах,
Пьем за те маяки, что сердцам не дают заблудиться.

* * *

Искра — из ока в око,
Стиснута стоном речь —
В хитросплетенных рока
Нить неслучайных встреч;

В бездну — безумно бегство
От устремленных стрел,
Страсти — и зов, и зверство
Есть в тяготеньях тел! —

Вспышка! Одной сверхновой
Плазма — на месте двух, —
Огненным Иговой
Слит в единенье дух!

Что есть земная Майя —
Бремя бескрылых плеч...
Истина слов Синая —
Счастье небесных встреч!

* * *

Замысел, мука ли, милость,
Только завещано: длись!
Десять колен растворились,
Десять колен разошлись;

Кружит нелёгкое время
По миру манну-метель,
Всюду развеяно семя
Страсти твоей, Израэль!

Сколько нас бродит по свету,
Пасынков с искрой в сердцах?
Все мы внебрачные дети
В поисках Бога-отца;

В примесях крови мнутся
Мудрость, и память, и плен...
Заново где-то сойдутся
Вечных двенадцать колен!

* * *

Два берега, два дерева,
Два облака, два острова! —
Разлук разломы древние
По миру — сталью острою,

То мартовскими льдинами,
Адамом до падения,
Желание единое
Над всем — соединение;

И руки чьи-то тянутся
Над островом, над облаком,
Как будто души к таинству
Слияния высокому;

И берега сливаются,
Деревья кроной сходятся,
И руки заплетаются
В бессонности, в бездонности.

* * *

Офелия уже сплела венки,
Для Гильдестерна выточена шпага,
Туман вечерний город обволок,
Как липкая дурманящая влага;

Вот отголоски песенки слышны,
Что девушка чудная напевала;
Им мягко вторит дальний плеск волны
И охлаждающий шелест покрывала;

А за стеной готовят древний яд,
И он кипит, как кровь, струясь из раны,
И помутнён слезой случайный взгляд
Какого-то шута — иль шарлатана.

* * *

Богиня декаданса, одалиска,
Капризница, соломинка, Психея,
Упал из ручки чёрно-белый веер,
Закончен бал. На берегах стигийских
Теперь кого ты очаруешь, фея,

Когда, увы, коснулось тела тленье,
Нет гибкости, стремительности линий,

Что отличали ту полубогиню
Богемную... Лишь тихое забвенье
Удел сгоревшей бабочки отныне;

И только имя на могильном камне
Ещё хранит судьбы летящей росчерк,
И в множестве иных рисунков, строчек
Он не сотрётся, но далёким станет, —
Уж расцвели вокруг иные очи;

Тебе в твой день я принесла фиалки,
Был мелкий дождь, парижский колкий ветер;
Поклонников, друзей — всех нет на свете,
И выцвели прощальные подарки...
Скажи теперь сама: к чему всё это?

* * *

Какой последний по счету вечер?
Спиралью странной мой путь заверчен,
Кому обещан, кому обвенчан
Дух иступленных, безумных женщин,

Живущих в мире, как вздох, как ветер,
Разящих вепрем, крутящих вертел,
Твердящих без вспоминанья Веды,
Которым нет ни венка, ни века,

Но только вихрь запредельных странствий,
Игра с сознанием, полёт в пространство,

Мне в мире всё: ни прощай, ни здравствуй,
Ни перемена, ни постоянство;

К иным взывая, других волнуя,
Иду, как песня, сквозь жизнь земную,
То грешную, то почти святую, —
Я незаметно себя минуя,

Не сознавая, что быть живою,
Что быть женою, что стать вдовою...
Пусть дольний луг порастёт травой
И будет небо над головою.

* * *

Нет, в этой жизни, огненной и бурной,
Себя нет смысла холить и хранить —
Любить! Любить безумно и бездумно,
Как умирать и воскресать — любить!

Любить жестоко, жалобно и жадно,
Любить, как будто нож пронзает грудь
И заливают душу кровью жаркой,
Любить — как будто через край шагнуть;

Любить порой отчаянно и горько,
Любить — и гибнуть, на глазах сгорать,
Любить, любить, любить тебя настолько,
Чтоб о себе уже не вспоминать.

Владимир ЛОМЕЙКО

* * *

При жизни памятники ставят
Друг другу и самим себе.
Но уважать нас не заставят
Слезливые к своей судьбе.

Им кажется, что вся Россия
Умильно смотрит на портрет.
Но не понравишься насильно,
Хоть каждый день взирай с газет.

Народ давно истосковался
По правде, хлебу и добру.
Вот только б поводырь сыскался
Счастливой доли ко двору.

1976

* * *

Ты вслушайся в себя, и мир откроешь,
Распахнутый для правды и добра.
Ты эту целину один освоишь,
Но для души, не ради серебра.

Коль помыслы твои и руки чисты,
В себе вспахать любую сможешь твердь.
Не отступай с пути и будь неистов,
В какую бы ни ввергло круговерть.

И если сам в себе создашь опору,
Тебя ничто не сможет одолеть.
Внутри себя упорно двигай в гору,
Чтоб мир души с вершины обозреть.

И в этот мир, внутри себя открытый,
Впускай придирчиво своих друзей,
Тех, кто не раз судьбою были биты
И верность ценят выше всех страстей.

1976

* * *

Не прощаясь уходят из жизни
Те, кто был частью жизни моей.
И, встречаясь друг с другом на тризне,
Мы там видим всё меньше друзей.

И не страх, а тоска сердце гложет.
Истончается нить бытия.
И никто объяснить мне не сможет,
Как же буду я там без тебя...

И никто объяснить мне не сможет,
Как же будешь ты здесь без меня.

1998

В СОГЛАСЬЕ БЫТЬ С САМИМ СОБОЙ

Моим друзьям и самому себе

В согласие быть с самим собой —
Вот идеал для человека.
Казалось бы, секрет простой,
Ан нет, таких встречаешь редко.

Тех, кто, презрев хвалу и лесть,
Когда уже в зените славы,
Умеет скромно в угол сесть,
Хотя кругом другие нравы.

Случись, судьба их скрутит в рог,
Не станет жизнь сплошной кручиной,
Не будут клясть во всём злой рок —
В себе начнут искать причину.

И, докопавшись до корней
Обид, несчастий и печалей,
Они найдут в душе своей
Тот ключ-ответ, что там искали.

На внешний мир не уповать
Ни в дни невзгод, ни в дни везений,
В самих себе всегда искать
Суть всех побед и поражений.

1999

* * *

По полям несутся кони,
Кони, жившие в загонах,
Под седлом, в узде, в подковах,
Как в бряцающих оковах,
В беззаконии законов,
Но презревшие препоны.
По полям несутся кони,
По бескрайним русским весям,
Что уходят к небосводу.
Получив свою свободу
Не от Бога, не от беса,
Через муки, через стоны.
По полям несутся кони,
Рассекая воздух грудью,
У воды ища прохлады.
Их не трогайте, не надо:
Мы для них теперь не судьи —
Им плевать на наши козни...

МЕТРО

Равнодушной толпой пришвартованный к стенке,
Так что где там сказать, и вздохнуть не сумею,
Я качусь в гроыхающей фуре подземки
По слепому тоннелю.
Кто-то спрятал глаза за страницей газетной,
Кто-то дремлет, считая во сне остановки,
Кто-то тшится протиснуться к двери заветной,
Но не блещет сноровкой.

За окном — бесконечные чёрные черви,
Чуть колеблясь, ползут вдоль бетонного склепа.
Если их наблюдать, укрепляются нервы,
Как оно ни нелепо.
Голос в стенке учитывает скрупулёзно
Отправления, станции и переходы;
Два очкарика рядышком спорят серьёзно,
Что такое свобода...
Глаз тайком привыкает смотреть и не видеть:
Печья не о чем, вот и кочуешь беспечно;
Никого не обрадовав и не обидев,
Выхожу на конечной.
Поднимаюсь по лестнице, прочих не хуже,
И не лучше, поскольку не знаю ответа,
С чем мы встретимся все, оказавшись снаружи, —
С темнотой или светом?..

МЕТЕЛЬ

Метель
Была моим воспоминаньем,
Моей тоской, моею болью,
Моею песнею застольной,
Моим стенаньем.
Шрапнель
Из свежевьлитых снежинок
Открыто, без уверток, в морду,
Её я звал когда-то гордо
На поединок.
Борьба
Велась тогда без поддавалок.

Меня валили, жгли, мотали,
Я отступал, но что б ни ввали,
Я не был жалок.
Судьба
Равна достойных —
Не до смеха
Ни выигравшим, ни проигравшим.
Метель и я, мы стали старше...
И я уехал.
В местах,
Где стужи нету и в помине,
Где вся зима — пустая фраза,
Метель была моим соблазном,
Моей святыней.
Устав
От вечной слякоти и хляби,
Чахоточной напившись жижи,
Я ртуль молил упасть пониже
Ноля, хотя бы.
И вот,
Скитанья завершив, я к дому
Стремлюсь в распахнутой одежде.
Встречай, встречай меня,
Как прежде,
Не по-другому.
Метёт...
Метёт, да так, что либо — либо!
Мой враг, мы оба уцелели!
И я кричу в лицо метели
Своё спасибо!

* * *

Вернись ко мне, мой старый сон,
В далёком детстве позабытый,
Где за окном полуоткрытым
Нетерпеливо бьёт копытом
По мне соскучившийся конь.
Где ветер холодит висок
Обрадованно и игриво
И где, застыв перед обрывом,
Я прячу в спутавшейся гриве
Свое счастливое лицо.
Вернись ко мне, мой старый сон,
Уже потрепанный местами:
Идут ладьи под парусами,
И им вдогонку над лесами
Несётся колокольный звон.
И я опять тревожно рад
Неутолённому исканию.
Река — витиеватой сканью,
А за родной Тьмутараканью
Нас ждёт великий Цареград.
Вернись ко мне, мой старый сон,
Пока понять ещё не сложно,
Как можно гладить осторожно
У стрелки железнодорожной
Самим запаленный огонь.
Как языки, взмывая ввысь,
Мешают дым с ночным туманом,
Мешают запах звёзд с бурьяном,
Мешают музыку и мысль...
Мой старый сон, ко мне вернись.

ГРОЗА

И дрогнул лес! И выгнул спину!
Как бык, упрям! Как конь, горяч!
И с гор в зелёную долину
Уже готов умчаться вскачь!

Как демон, он рычит и воет!
Трепещет, как стоглавый змей!
И с диким страхом всё живое
Спешит укрыться меж корней!

Свисти стихия! Жги уголья!
Вселенским смехом хохочи!
Взметни кинжал — и режь поводья!
Пускай несётся конь в ночи!

Он молний блеск глазами ловит!
Он слышит гром издалека!
И уж его не остановит
Ничья безумная рука!

БОЙ ЧЕСТИ

*С.А. Малинину, воину-добровольцу
и выдающемуся юристу*

По-другому нельзя. Нет дороги иной!
Выбор сделан: идём на засаду.
С нами честь! И Россия у нас за спиной!
Прощаемся, братья! Так надо.

Посылаем друзьям свой последний привет.
И врагов неразумных прощаем.
Шанса выжить сегодня практически нет.
Мы не жизнь, честь свою защищаем.

Это тело и так, одряхлевши, умрёт.
Бог с ним, с телом. Россия дороже.
Вот и начался бой. Застрочил пулемёт.
Побежали мурашки по коже.

Страх, естественно, жив. Он в потёмках души,
Как дурная привычка, с рожденья.
Но для тех, кто поднялся, решился, решил, —
Как последнее развлечение.

В этом гордом броске оправдание есть:
Вслед за нами пойдут и другие.
Пусть мы в поле одни — спасена наша честь!
И твоя, дорогая Россия!

ТАБОР

Тебе ль не знать, цыганский табор,
Коварство своего огня?

Что ты творишь со мною, слабым?
За что так мучаешь меня?

Доколь вы будете, цыгане,
(И как я сам не устаю?)

В какой-то сладостной нирване
Плясать у бездны на краю?

Иду, пою в обнимку с вами
Такой же буйный и хмельной.

Цыганка, легкая, как пламя,
Мелькает в танце предо мной.

То изовьётся в зове страстном.
То вскрикнет, бубеном звеня...

И каждый день тот табор властный
В груди кочует у меня.

* * *

Как точен очерк головы!
Какие царственные очи!

Каким резцом таких, как Вы
Капризная природа точит?

В Вас кровь кипит или вино,
Перебродившее на славу?

Каким безумцам суждено
Испить до дна его отраву?

БУКЕТ

И что ещё придумаешь глупей,
Чем я и мой букет в хмельной толпе?

Кто улыбается. Кто плачет. Кто острит.
Кто соболезнует (бокал уже налит).

А кто зевает и глядит в окно,
Тот, для кого всё это — всё равно.

И что ещё придумаешь смешней
Того, что я (уже прощаясь с ней)

Беру бокал, швыряя на паркет
Тюльпанов алых скомканный букет.

ПАМЯТИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Друзья, любовь и честный бой —
Вот три пристрастия Расула.
Для них он призван был судьбой
Стать поэтической струной
У чаганы и у пандура.

Для них он до седых волос,
Совсем как юноша зелёный,
Терзался, пел, томился, рос,
Исполненный вина и слёз.
Неутолимый. Непреклонный.

Двойник Гамзата Цадасы,
Отца, народного поэта,
Чегема Благородный Сын,
Он стал заложником красоты,
Заложником добра и света.

Но что за мука этот плен ! —
Об этом только Муза знает,
Которая, известно всем,
Капризная и в свой гарем
Не всех поэтов приглашает.

А тут буквально на бегу
Он оказался полонённым.
И в результате, я не лгу,
Как завещал Самед Вургун,
Остался до конца влюблённым.

Он с этой Музой изменял
Всем женщинам, простым и горным.
И, говорят, не обращал
Внимания на пьедестал,
Который рос под ним упорно.

Он был таков. Он есть таков.
Он стал навеки нашей частью.
И в чистый дом его стихов
Влечет юнцов и стариков.
Как на молитву. Как за счастьем.

И мы поедem в этот дом
Из самых дальних поселений.
И Музу траурную в нём
Мы повстречаем. И замрём,
В молчании преклонив колени.

* * *

В предназначении высоком,
В родильных схватках бытия

Европой, Азией, Востоком
Ты стала, Родина моя.

Они тебя, как три удава,
Смертельной хваткой оплели,

Не ведая, что честь и славу
Тебе в конце концов несли.

Ты умудрилась, исхитрилась
Вобратъ их силу и напор.

И не сдаваться им на милость.
(И не сдаёшься до сих пор).

По всем параметрам — слабее,
По всем понятиям — рабы,

Но каждый раз твои плебен
Прок извлекали из борьбы.

Когда же внешний враг сдавался
И намечался передых,

Народ российский принимался
С таким же пылом бить своих.

Вот так, где правдою, где ложью,
Где силою, где добротой,

Ты с именем творилась Божьим,
Чтобы сегодня стать такой.

Такой, как есть. Всегда в экстазе,
Спешешь ты подковать блоху.

С ногами в первобытной грязи.
И сверхкультурой наверху.

Какие песни, танцы, битвы!
Какой ареопаг мужей!

Какие чистые молитвы
После кровавых кутежей!

И красота, и безобразие
В тебе сплелись в тугую клубок,

Полу-Европа, полу-Азия,
Полу-Рязань, полу-Восток.

ХУДОЖНИК

В природе осень — истинный художник.
Он весь в своей работе, он творит.
Сегодня вся земля — его заложник.
Сегодня живописью всё горит.
Вот просто жёлтый цвет, а вот зелёный...
А вместе это жизнь из двух цветов.
Тепло глядят малиновые клёны
из-за зелёно-розовых кустов.
Сюда мазок. И здесь коснулся кистью.
Где чуть поярче, где — наоборот.
Пылают целый день,
а ночью тлеют листья —
но нет подобных на холсте работ.
Потом художник соберёт работы.
Уйдёт...
Нам без него немного пусто.
Но вовремя уйти, оставив что-то —
пожалуй, ещё большее искусство!

* * *

Мы с тобою, может, и не грешники,
Просто нынче места нет тоске.
Юные снежинки, как подснежники,
В потеплевшей держишь ты руке.

Хочется от синих искр зажмуриться
И упасть в объятия земли.
Мы с тобой идём по жизни улице
Вьюжною околицей зимы.

Кажется, что мы на этом шарике
Вместе ходим много-много лет.
Я ловлю пушистые хрусталики,
Чтоб тебе преподнести букет.

Алла МИТРОФАНОВА

* * *

Я иду по Млечному пути,
Звёзды с рукавов своих роняя...
У дороги нет конца и края...
Сколько жизней мне ещё пройти?

Я иду по Млечному пути.
Только сердце в страхе замирает,
Если ветер лепестки срывает
С тех цветов, что мне дано спасти.

Я иду по Млечному пути.
Где ты, моя вечная обитель?
У ворот — души моей хранитель
Ждёт. И дальше вместе нам идти.
Я лечу по Млечному пути...

ЦВЕТЫ ИЗ СЕРДЦА

Давно остался в детстве,
За маревом годов
В сплошном удушье лета
Уснувший городок.

Военной голодухи
Парадный марш в кишках...
Мы тянем у старухи
Баранки из мешка.

А после, беззаботно
Злой голод притупив,
Мальчишки – мы охотно
Бродили по степи.

Степных цветов охапки
Мы рвали там, в глуши,
Чтоб позже в пухлой папке
На память засушить.

И вот застрявший в книжке
Степной цветок сухой
Напомнил, как парнишкой
Я жил в степи глухой.

Хоть я там, всеми брошен,
Влачил за днями дни,
Но только лишь хорошим
Мне помнятся они.

Так и у нас, родная,
Ведь жизнь — не рай с небес,
И не всегда бывает
Со мной легко тебе.

Но стих возьми мой снова —
И прошлое близкó,
Как от цветка степного,
Что в книге меж листков.

Тебе я вспомнюсь, сверюсь,
Хороший и родной.
Стихи — цветы из сердца,
Засушенные мной.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

С порыжевших фото в мамином альбоме
Сходят к нам виденья прошлых лет...
Есть такие фото в каждом доме.
Вы в своём смотрели? Или нет?

Вот с усатым дядей мама по соседству,
Положив головку на его плечо.
Кто он? Может быть, товарищ детства
Или, может, кто-нибудь ещё?

И встаёт из детских впечатлений каши
То, что мне казалось пустяком:
Шутки в нашем доме о каком-то Саше,
Что с моею мамой был знаком...

А тогда, наверное, было очень жарко:
Папины упреки — кто да что?
Оправдания мамы — мертвому припарки...
Всё это давным-давно прошло.

Вот и мы, бывает, ссоримся, ревнуем,
Друг за другом ходим по следам,
Счёт ведём налево сданным поцелуям
И на фото смотрим: с кем ты там?

Мучимся, волнуемся... Ну а детям
Всё это покажется — звук пустой,
С кем, в конечном счете — с Ваней или Петей
Целовалась мама их под кустом.

Скажут дети: только и всего-то?
И для них источники наших бед
Станут просто фото, порыжевшим фото,
Призрачным виденьем давних лет.

СЫНУ

*родившемуся на Аландских
островах (в Финляндии)*

Сынок! Далеко от Москвы родился ты,
И сказано в метрике в ясных словах,
Что был ты советским ребенком десятым,
Родившимся там, на чужих островах.

Я знаю, я просто уверен, чего там,
Что, как миллионы советских детей,

Ты вырастешь нашей страны патриотом
И русским до самого мозга костей.

Но помни, что люди иного народа,
С чужим языком, из ненашей земли,
Без слов помогли твоей маме при родах,
На свет появиться тебе помогли.

И знай, что простые поляки, румыны,
Вьетнамцы, французы и негров семья,
Датчане, и шведы, и «прочие финны»
Тебе — друзья.

1954

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ
(современное прочтение)

*К предстоящему 1100-летию
гибели киевского князя Олега,
воспетого А.С. Пушкиным*

Заполонили все базары
В России ушлые хазары.
Но им потом за эти вещи
Отмстил Олег, правитель вещей.

Его дружины, севши в струги,
Ходили под Царьград и к Риге.
Тряслись варяги и ворюги,
Тряслись раззявы и расстриги.

Не знал он, что посмертно кобра
Коварная его укусит...
Да, был Олег мужик не добрый,
Но очень крепко правил Русью.

2003

Виталий НОВЛЯНКИН

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ МЕРКЕ

Скажу о нём без лишних слов:
В гостях он — явный Хлестаков.
А на работе или дома
Он, без сомнения, Обломов.

РАЗГОВОР РОДИТЕЛЕЙ

— Прочти письмо же, наконец!
Весть от сынка всегда отрада!
— А что читать, — вздохнул отец —
Раз пишет, значит,
денег надо.

В АВТОБУСЕ

— Не маленькая ты,
Почти невеста —
Бабусе надо уступить бы место!
Она в ответ, плечами пожимая:
— Так это бабушка моя, а не чужая!..

НЕ ЗАБЫВАЮТ

О дедушке не забывают внуки —
Приходят в гости
в день его полочки.

ВЫДОХЛИСЬ

Гнались за модой детки,
А выдохлись
их «предки».

ЦЕНИТЕЛЬ

Жену считал он идеалом,
Но только лишь
под одеялом.

НИ БУМ-БУМ

На вид-то парнишка лобастый,
А в деле своём ни бум-бум! —
Берётся за голову часто,
А надо бы браться за ум.

СКРОМНОСТЬ ОСЛА

Все восхищались скромностью его:
Зав, а кричит:
«И.О.!»,
«И.О.!»

ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАЛСЯ

Корпел над стихом месяцами Поэт,
Не знал ни минуты покоя,
Но критик изрёк: «Самобытности нет!
А рифмы — плохого покроя!»

Чтоб мысль подкрепить, он Сократа привлёк,
Цитировал Гейне и Блока.
Читатель поверил: Поэт не глубок,
В себе он ошибся жестоко.
Бедняга порвал опостылевший стих
И в критику двинулся смело:
Что делать, стрелять безопасней в других,
Чем быть самому под обстрелом!

ТРИ ВРАГА

Враги Свободы, Равенства и Братства
Лишь жажда власти, славы и богатства.

ХВАЛА НЕВЕРИЮ

Хоть в жизни я отнюдь не скептик
И не противник новых форм,
Скажу: неверье — антисептик
От всех сомнительных реформ.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Спросил Поэта конюх Влас:
— Скажи, как выглядит Пегас?
А что ответить мог Поэт,
Коль у него велосипед?

ПЕНЬ-МЕМУАРИСТ

Забыв покой,
                                презрев досуг и лень,
Он пишет мемуары целый день.
Чтоб рассказать
                                в подробностях
  потомкам,
Кто спотыкался о него в потёмках.

МЕСТА НЕТ

Плодовит Поэт на диво,
Хоть ему не мало лет! —
Посвятил он скромной иве
Шестьдесят один куплет.
В ход затем пошли берёзы
То поштучно, то гуртом,
Он подслушивал их грёзы
Возле дома над прудом.
Подарил сонеты вязу —
Лишь стихов о липе нет.
Не подумали бы сразу,
Что он липовый поэт.

ИТОГ

Раньше работали ради идеи,
Верили: мир станет лучше, добрее.
Ныне ишачим лишь ради валюты
И потому по-звериному люты.

РАМКА О ПОРТРЕТЕ

Допустим,
    прославили чей-то портрет.
Зигзаги судьбы — и портрета уж нет.
А я изменений в судьбе не боюсь.
Портреты меняют,
    а я — остаюсь!

ГЕРОСТРАТ

Слабак он явный. Ныне нам
Грек этот не пример! —
Угробил он всего лишь храм,
А Ельцин — СССР!

ОДА МОЕМУ НАЧАЛЬНИКУ

Его всей душою люблю я!
Не много таких на Руси! —
Подпишет он справку любую,
Лишь только ему...
    поднеси!

МОСЬКА

А мне,
    представьте,
        нравится она!
Припомните известную картинку:
Открыто Моська лает на Слона,
Хотя могла бы тиснуть анонимку.

ХОД КОНЁМ

Хлебнув, как водится, с устатку,
Он всенародно бросил клич:
– Пора поставить крест на взятке!
Другое дело...
                    магарыч.

И ТАК БЫВАЕТ

Всегда стоит на правильном пути,
А надо не стоять –
                    идти!

«ПОТРУДИЛСЯ»

Баран, вздыхая,
                    вымолвил едва:
– Аж пухнет от работы голова!
И впрямь была не легкою «работа» –
Он бился лбом о новые ворота.

ПСЕВДОНИМ

Клоп-аноним
Придумал ловко:
Взял псевдоним
«Божья коровка!»

БАЛЛАСТ

Мой дядя самых честных правил
Одним АО недолго правил,
Хоть никогда не слыл он мотом,
Но за полгода стал банкротом.
Был дядя в честности горазд,
А честность ныне
лишь балласт.

ПОДЛАДИЛСЯ

Зав. птичником у нас,
как говорится,
В делах своих умён и тонок! —
При подчинённых петушится,
А при начальстве он — цыплёнок.

НЕ У ДЕЛ

Скворец на сцену без труда попал —
Он Соловью умело подражал.
А Соловей остался не у дел —
Он подражать,
бедняга,
не умел!

ЮЛА

Упорно

учит

молодёжь:

«Пока юлишь,

не упадёшь!»

ГРОШ ЦЕНА

Грош цена свободе,

Когда она —

дань моде.

В СОТНИ РАЗ

Уверяют век от века:

Деньги портят человека.

Но безденежье подчас

Портит больше в сотни раз.

ПЕСНЬ О ПОЭТЕ

Говорят, у Пушкина
не было прописки.
Уж ему могли бы дать,
всё ж таки — поэт!
Видно, служба занесла
Сашу в группу риска
Или, может быть, Кавказ
свой оставил след.
Если так, то — что терять?
Путался с графией.
Недовольство выражал
в пламенных стихах.
И хотя потом к царю
приходил с повинной,
Был всю жизнь невыездной,
так вот и зачах.

День Свободы наступил —
чем хотим, тем дышим,
Поезжай хоть в Голливуд:
вон — велосипед!
Больше нет у нас царей,
сталинистских вышек,
И, конечно, Пушкиных почему-то нет!

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Лишь теперь доходит до сознания,
Почему распался общий дом.
Знали мы «Марксизм в языкознании»,
Но не овладели языком.
Ах, какими были мы нехватками,
Как же власть
                                такое прозевала?
Мы всю жизнь
                                «боролись с недостатками» —
То есть с тем, чего не доставало!
Видно, что-то в голове погасло —
На кого мы, собственно, пеняли?
Был, допустим, недостаток масла,
Так его ещё искореняли!

ТЕЛЕКВОЧКА

Что ни вечер, Н. Сквернидзе
Топчет призрак коммунизма,
Хоть известно всем вокруг,
Что Сквернидзе — не петух!

УВЫ!

Хоть рождён
                        Не в царстве тридевятом
И гонял разбитый самосвал,

Никогда я
    Не ругался матом
И позором это не считал.
Но теперь,
    Попав в круги элиты,
На высоком пике бытия
Что ни день
    Я всем твержу: иди ты...
Дрянь элита —
    И, конечно, я.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Украли поезд с ведома «Семьи».
Но на суде пустуют все скамьи.
И прокурор докладывает браво:
— Нет преступления, поскольку...
    нет состава!

ОПЯТЬ?

Снова все — «за»
    по традиции,
Словно забыли мы вдруг,
Что легче всего
    заблудиться
В лесу
    из поднятых
    рук.

СКАЖИ

Человек, лишённый веры,
В чём, ответствуй, жизни суть?
Если вышел из пещеры,
То скажи хоть что-нибудь!

КАК БЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

Я шепнул тебе:
    Колетта!
Что ж услышал
    я в ответ?
— Ах, месье,
    но в Ваши лета
Вреден Вам
    такой обед!
...Десять лет прошло
    и что же?
Ты шепнула мне:
    Жанно!
Я, вздохнув, ответил:
— Боже!
Мне в мои года негоже
Пить прокисшее вино!

КАК БЫ С АНГЛИЙСКОГО

Мимо наших ворот
Проходил бутерброд —
Этот наглый гуляка и мот.
Я сказал:
Без забот
        можешь
                прыгнуть мне в рот.

Он ответил:
        Заткнись, идиот!..
Вот вам грустный пример
Современных манер.
Ну, сказал бы — мол, некогда, сэр.
Извините, мол, сэр, —
Так всегда, например,
Говорит мне красотка Эстер!

НА ВУЛКАНЕ

Наша жизнь —
Сплошной вулкан —
Всюду жди подвоха...
Вот поднялся в Сэ-Ше-А
Уровень воды.
А один американ —
По прозванию Лёха
Предложил перекачать
Всю её сюды.
Это значит — всё на нас.
И мороз, и стужу.

Рыжий света не даёт —
Всюду беспредел...
Так теперь они, браток,
Нас посадят в лужу.
Вот и будешь ты хлебать
В ней на опохмел.
Слава богу, президент
Свой, братишка, в доску.
Он, слышали, выступал
В Сочи на пляжу:
— Мол, за водку не скажу,
А пива будет вдосталь,
Олигархов прикручу,
А бомзам — маржу!

* * *

Слабость — сила, сила — слабость,
Ипостаси бытия.
Ты сильнее была сегодня,
Завтра сильным буду я.
Я с тобой, как на качелях:
Небо — вверх, а вниз — земля.
Сила — слабость, слабость — сила,
Ипостаси бытия...

* * *

Остынут страсти, стихнет боль и льдом затянет реки,
А мы уйдём — как и другие — в бесконечность, в никуда.
Но чувства предков вечные, что снами смежили им
веки,
В сердцах потомков доживут до дня Последнего суда.
И будет тот оправдан, свято верю в это,
Кто без надежды, что в ответ откроются уста,
Богам своей любви так отдавался беззаветно
И верил, что не зря им жизни сожжены года...

* * *

Не рань, прошу тебя, не рань
Прикосновением случайным,
Я заплатил за безрассудство дань
И вот молчу, свои скрывая тайны.

Я виноват: в тот миг истёрлась грань
Меж миром истинным и нереальным,
Но воля высшая свою простерла длань,
Рассыпав жизнь колодой карт игральных.

Но живо всё, чем я существовал,
Чем бредил, от чего я задышался.
Не рань, прошу тебя, не рань,
Обман любви со мной ещё остался...

* * *

Тайны маленькая жилка
Бьётся слева у виска,
Паутинкою морщинки —
Набегает вдруг тоска.

Что-то мнится, что-то ждётся,
Грудь тревогой стеснена,
И толчками сердце бьётся —
Вдаль душа унесена.

Что-то будет, что-то станет,
Нет ответа, нет следа,
Маленькая жилка тайны
Бьётся слева у виска...

СМЕРТЬ МУЗЫ

Убийство состоялось. Вот оно:
Труп молодой красавицы, ещё и не остывший,
Лежит, безжизненный. Изломана рука,
В последней судороге сжались пальцы,
Тень смерти на челе. Удивлена,
Глядит потусторонним взором
На мир, который только что оставила она.
Шелка измяты; призрачным узором
По ним струится свет Луны, что только что взошла.
Да, это так, отравлена она, и яд проник ей в сердце —
Его остановив и мукой исказив черты её лица.
Но у убийцы ничего в душе не шелохнулось.
Стоит над жертвой, прах её поправ,
Рукой свободной поправляя пряди,
Что пали вдруг на лоб. Спокойна, холодна,
Невозмутимостью своей
Мир полуночный поражает
И сходством с той, что
Жертвою лежит у ног её...

МОСКВА ВЕСЕННЯЯ

Луч света, солнцем брошенный,
Пророчит мне загар.
Под толстыми подошвами
Хрустит Тверской бульвар.

Балконов вязь чугунная
Сквозь кружево ветвей
И воркотня бездумная
Ленивых голубей.

Гранитый куб недвижимо
Поставлен на ребре
И строки, словно выжжены,
Что «в память о борьбе...»

И, как линкор у пристани,
Стоит аристократ –
Массивный и изысканный
Огромный новый МХАТ.

Коляски, мамы, бабушки,
Прохожих череда.
У водосливов камушки
Ворочает вода.

Столица многоликая!
Люблю твоё лицо,
Спокойное и тихое
Бульварное кольцо.

ТИШИНА

Ночью за окном метель, метель,
Белый беспокойный снег.
Ты живёшь за тридевять земель,
Ты не вспоминаешь обо мне.
Знаю я — ни строчки не придёт,
Память больше не нужна.
По большому городу бредёт
Тишина...

Ты меня не ждёшь давным-давно,
Нет к тебе путей-дорог.
Счастье у людей всего одно,
Только я его не уберёг.
Ночью мне покоя не даёт
Горькая моя вина.
Ночью за окном звенит, поёт
Тишина...

Только б мне тебя найти, найти,
Отыскать в любом краю,
Только бы сказать тебе «прости»,
Руку взять любимую твою,
Рассказать, как ночи напролёт,
Летом и зимой, без сна,
Здесь тебя со мною вместе ждёт
Тишина...

Знала б ты, как ночи напролёт,
Летом и зимой, без сна,
Здесь тебя со мною вместе ждёт
Тишина...

НАПИШИ О ВОЙНЕ...

(в ответ редактору газеты «Международник»)

Вы сказали: «Пиши о войне.
Приближаются майские снова.
Нам поведай о памятном дне
И пусть к праздникам будет готово».

Но одно Вы забыли сказать,
Одного от Вас я не узнала,
Как смогу я о том написать,
Что в душе своей не испытала.

Как же мне, окруженной любовью,
Избалованной жизнью, судьбой,
Описать сердце, сжатое болью,
Слёзы с кровью и яростный бой.

Я могла бы для Вас притвориться:
Бросить парочку пафосных фраз
И в банальном «спасибо» излиться
Тем, кто жизнь свою отдал за нас.

Не поможет сухое «спасибо»,
Даже если его прокричать,
Боль в нём выразить мы не смогли бы.
О войне можно только молчать.

Помолчим о задорном мальчишке,
Что остался расти без отца,
О судьбе — недочитанной книжке,
Об истерзанных женских сердцах.

Помолчим о росе цвета крови
Истекающих соком берёз.
И пусть мы задыхаемся болью,
Мы не плачем — у горя нет слёз.

Пусть молчание будет признанием
Тем, кто умер, кто выжил за нас.
Пусть простят, что о них вспоминаем
Мы в году лишь один только раз.

И пусть мы избалованы жизнью
И не помним о годах войны.
Для того и служили Отчизне
Ей отдавшие жизни сыны.

Вот и всё, погрузив, помолчали.
И одно лишь хочу пожелать,
Чтобы люди вкус жизни познали,
Чтобы им не пришлось умирать.

Ты живи, ты достойна, я знаю,
И светись ярким светом, Страна.
И дай Бог, чтоб ни каплей, ни краем
Не коснулась нас больше война.

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ СЛУШАТЕЛЯМ

Какое безумное счастье
До строчки, до капли, сквозь душу,
Поддавшись безудержной страсти,
Пролить своё сердце наружу.

И вылиться всей без остатка,
Без капли кривлянья и лжи
Проникнуть к вам в сердце и хватко
Устраивать там мятежи.

Заставить вас вместе со мною
Прожить каждый слог, каждый звук,
Накрывшись пьянящей волною,
Уйти каждой клеточкой в слух.

Спасибо всем тем, кто владеет
Талантом нелёгким одним,
Кто искренне слушать умеет,
Вникая всем сердцем своим.

AGM*

Ехидны колкий бок в кустах жасмина.
Тень саламандры в пламени камина.
И сфинкса след среди песчаных дюн.
И вещей клёкот птицы гамаюн.
Вся в выбоинах узкая дорога
От дерзостных копыт единорога.
Кентавров ржанье, сеющее страх.
И Феникс, обратившийся во прах.
Дракона коготь и русалки хвост.
Упырь, в ночи бредущий на погост.
Бумажный тигр, коварен и жесток.
И папоротник — огненный цветок.
Сатир, и фавн, и прочий мелкий бес.
Чудовище из озера Лох-Несс...
Пустого суеверия созданья,
Свет чёрных дыр больного подсознанья,
Ползучие преданья старины
Встречают полнолуние весны.
Рев труб иерихонских, звон цимбал —
Сегодня Сатана там правит бал.

К ОТКРЫТКЕ: ДЕВОЧКА,
УСНУВШАЯ В ЦВЕТАХ

Души оцепененье сну сродни.
И, книгу обронив на полуслове,
В тот мир, где только праздничные дни,
Где всё не так, заманчиво и внове,
Она глядит — пока издалека,

---

* AGM – Annual General Meeting, т.е. общее собрание акционеров.

Пугливым взглядом внутреннего ока
И молча провожает облака
Своей мечты, поднявшейся высоко.
Дыханье ветра. Звонкий щебет птиц.
И шелест недочитанных страниц.

РЫНОК В ТРОПИКАХ

Морским прибоем кровь стучит в висок.
Под солнцем тихо плавится песок.
Тягучею смолою воздух льётся,
А на базаре манго продаётся.
Лукавый луч ложится на лоток,
Лимонный ломтик, лавровый листок
Небрежно, как набросок натюрморта,
Оконтурив, в обычной для офорта
Манере темный фон заштриховав.
Арбуза зев, бунтующе-кравав,
Искрится свежей мякотью зернистой.
Торчит торгаш под пальмою тенистой,
Смущая публику горою апельсин.
Но цены, цены! Ах он, сукин сын!
Расплылся чёрной кляксой рваный зонт.
Нечёсан и угрюм, как мастодонт,
Под ним сидит колдун — лишь позови, —
Он от неразделённых мук любви,
От сглаза, геморроя и похмелья
Предложит чудодейственного зелья.
От запахов кружится голова.
Распухшие и вязкие слова
Застряли в недрах высохшей гортани.
Канистра кваса — вот предел мечтаний.

Галопом сердце мчит — пошло вразнос.
А нож уже врезается в кокос
И губы щедро орошает влага.
Глоток — и вновь проснулась к жизни тяга.
Бананов гроздь, хвостатый ананас
Торчат из сумки. Что ж, на этот раз
Достаточно. Чревоугодые — грех.
Я в нём и так повинен больше всех.
А если вам он до сих пор не ведом,
Прочтите этот стих перед обедом.

Ассам, 1988

ПИСЬМО В ДЕРЕВНЮ

Мой старый друг! Спасаясь от тоски,
на редкость сильной в это время года,
пишу тебе в деревню, на природу,
отвыкшему от сплетен городских.
Какая новость для тебя нова
в твоей богоспасаемой деревне?
У нас дурак женился на царевне,
династию тем самым основав
себе подобных. Корень привился,
самодержавьем увенчав народность.
(Ничто — не пустота, но однородность,
отсутствие различий всех и вся).
...Когда-нибудь в романе опиши
утративших подобие и сходство;
как медленно, но верно лень души
в доселе ближнем порождает скотство —
не зверство кровожадное, не месть
за непокорный взгляд и гневный возглас —
пустую равнодушную безмозглость,
способность больше вытоптать, чем съесть.
(И то сказать — ничем не остудить
желание вместить весь мир в кармане.
Все — люди, все стремятся жить нормально —
кто может их за это осудить?
А я бреду меж ними, как во мгле,
рассеянно. И утешеньем слабым
осталась мне сомнительная слава
последнего поэта на земле.)
Вот так живи — по лестнице спускаясь,
запахивай пристойное пальто,

грядущему пристойно улыбаясь,
садись в своё пристойное авто,
по кольцевой описывай дугу:
налево — лес, направо — город старый
вращается во внутреннем кругу
несмазанного колеса Сансары.
Кругом темно. Уже теряю нить,
от многого из сказанного — вчуже.
Всё кончено. И некого винить.
И некого любить. А это хуже.

Из цикла «ВОЗРАСТЫ ЛЮБВИ»

ЮНОША

Я секрета не открою:
Как из мыльницы пузырь,
Для меня резон порою —
Сердце, вот мой поводырь.
Я великий греховодник
(Ты мне в этом помогла).
Входим мы в многоугольник,
Как тупые два угла.
Я у глупой страсти — служка,
Верховодит мною плоть,
И поэтому, старушка,
Мною ты не верховодь!
В этом мире оголтелом
Каждый вор и всяк судья.
Если я и грешен телом,
То душой ребёнок я.
Вся душа моя открыта
И легко её прочесть:
Крылья — вот, а вот — копыта,
Принимай таким, как есть.
Я бы сам многоугольник
Разломал бы, если б мог,
Только я его невольник.
Я и раб его, и бог.

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Сегодня в ночь сомнений
Тоска — мой строгий вождь —
Без всяких сожалений
Меня ведёт под дождь.
И, шлёпая по лужам,
Упершись взглядом вдаль,
Я намертво погружен
В крошечную печаль.
Замешивая круче
Мазут вечерней мглы,
Дома цепляют тучи
За трубы и углы,
Тяжёлые, как плиты,
Плывут над головой,
Но светом ламп облиты
Дома вдоль мостовой.
И в каждом окна, окна,
Оранжевый уют.
На то, что я промокну,
Там попросту плюют.
Да и тебе нет дела,
Что я уже давно,
Промокший до предела,
Гляжу в твоё окно.
Туманят твои окна,
Ручьями бороздя,
Жемчужные волокна
Весеннего дождя.

РОМАНС

Позвольте мне сегодня
Вас называть на Вы.
Постель — плохая сводня
И повод для молвы.

Нет сладостней отравы,
Чем жар влюбленных тел,
Вы совершенно правы:
Я этого хотел.

Но этого мне мало.
Снимите же запор
С того, что в Вас дремало
И дремлет до сих пор.

Вы лучшая из женщин,
В Вас чувство бьёт ключом,
И нежный ландыш скрещен
В Вас с солнечным лучом.

Зачем же за словами
Мне холодность видна
И между мной и Вами
Стеклянная стена?

ЛЮБОВЬ

Прозрачна и звонка ты, как апрель,
А нравом схожа с майскою погодой —
Ты, словно солнечная акварель,
Написанная матушкой-природой.

Улыбка, взгляд, звук голоса и жест —
Вся эта нить разрозненных мгновений —
Мой тяжкий и счастливый крест
И музыка моих стихотворений.

Когда уйдёшь, умрёт моя печаль,
И радость греть меня уже не станет,
И ярких дней моих блестящая эмаль
Потрескается и увянет.

НАДЕЖДА

В чаду забот и суеты
Твой милый образ растворился,
Но снова позвонила ты,
И он явился,

Ворвался в мир мой непростой,
Такой лукавый и влекущий,
Дразня неяркой красотой,
Тебе присущей.

И вновь в дурманящей волне
Любви нелегкой я потерян,
В твоей беде, в своей вине
Я не уверен.

Но, как асфальта кожуру,
Взрывает стебля неизбежность,
Опять сомнений мишуру
Развеет нежность.

Пусть наши судьбы не сложить...
До дна свою любовь потрачу
И буду вечно ворожить
Тебе удачу.

МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ

Снежинки, словно чайки над Арбатом,
И гул с Садовой, как морской прибой...
По переулкам узким и горбатым
Среди цветков гуляем мы с тобой.

В неверном свете ламп мерцает иней
На звонких крыльях Крымского моста,
А мы с тобой давно в краю глициний,
Что под созвездьем Южного Креста.

Вдвоём нам не страшны зимы замашки
И этой выюги белогривый конь.
Нет, не снежинки — лепестки ромашки,
Кружась, ложатся на твою ладонь.

Я утонула в мареве созвездий
Твоих весёлых и влюблённых глаз,
И если хочешь, поцелуй в подъезде,
Уж коли нет и шалаша у нас.

И там во мраке на исходе суток,
Прижавшись тесно к твоему плечу,
Увижу я букет из незабудок
И кем-то вдруг зажжённую свечу.

Поверь, мой милый, дело не в кокетстве,
А в том, что если рядом я и ты,
То для меня, как в добром раннем детстве,
И на снегу разбросаны цветы.

Но это ощущение очень хрупко
И кратко, как бенгальские огни —
Ни словом, ни поспешностью поступка,
Пожалуйста, его ты не спугни.

Поверь, любимый, в эти парадоксы,
Взгляни: стоят, тепло весны храня,
В снегу по пояс пенистые флоксы...
Увидишь — значит, полюбил меня.

ВИНОГРАДНОЕ ШАБЛИ (служебный роман)

Будни. Жарко. Краски лета
За проёмом пыльных штор.
Шесть часов. Услышав это,
Все стрелой из арбалета
Вылетают из контор.
Из служебного острога
На вокзал. Перрон. Гудок.
И недалёкая дорога

До желанного порога
В подмосковный городок.
Вот и дачный околоток.
Пруд, заросший камышом,
Переливы птичьих глоток,
Стук уключин, тени лодок
И купанье гольшом.
Вечереет. Скоро ужин.
В море розовых лучей
Праздний дачный мир погружен.
Воздух росами остужен.
Звуки четче и звончей.
Дом. Веранда. Стол. Салфетки.
Дымка сумерек светла.
Две ольхи, как две кокетки,
По-шпионски клонят ветки
За квадратами стекла.
Двое. Свечи. Два бокала.
Виноградное Шабли
Опьяняло. Привлекало
Юбки узкое лекало,
Женский шёпот — ну, пошли.
Летний дождь, оставив лужи,
Прошумел и канул прочь.
Полоса заката уже,
Всё темней, темней снаружи.
Звёзды выступили. Ночь.

Расставания и встречи,
Поезда и корабли...
Осень. Снова дачный вечер.
Двое. Два бокала. Свечи.
Виноградное Шабли.

* * *

Ты тёплая и добрая, как лето,
Умеешь видеть солнце в рое туч.
В твоей любви есть сила амулета,
Поэтому, наверно, я везуч.

Когда беда жестокая, бывало,
Вдогонку мне дышала горячо,
Ты мне советов глупых не давала,
А подставляла верное плечо.

Когда же вновь звезда моя сияла
И начинала радости сулить,
Ты мой успех со мною разделяла,
Но не спешила пополам делить.

Земная и простая, точно святцы,
С деревьями и со зверьём на ты,
Меня ты научила поклоняться
Добру в друзьях и чувству простоты.

С тобою рядом всё предельно ясно,
Земля не уплывает из-под ног,
И мир хорош, и эта жизнь прекрасна,
И есть на свете старый добрый Бог.

Хочу я губы целовать всё те же,
Твою любовь на много лет продлив,
А ты, как прежде, вспоминай пореже
Те дни, когда я был несправедлив.

* * *

Мне холод скручивает жилы:
Я безнадежно влюблена.
Когда останусь я одна,
Меня не будет больше, милый.

Меня не станет. Не перечь!
Я эту жизнь люблю с тобою!
Тихонько на плече завою:
Меня уже не уберечь.

ЛАКРИМОЗА
(гренадин)

За упокой души моей
Поднимем полные бокалы!
Вам этих лет и этих дней
Покажется ничтожно мало?

Пустое! Пить и веселиться,
И помните, сказал поэт:
In vino veritas... Страницу
Переверните! На ответ

Не надо задавать вопросы,
Не надо слёз, не надо... Но:
Слепой дымок от папиросы
Спешит в открытое окно,

А значит, есть ещё Свобода!
С моей душой, такой живой,

«Нас примут радостно у входа»...
И кто-то закричит: «Постой!»

За упокой души моей
Поднимут полные бокалы...
Пусть кажется безумно мало
Мне этих лет и этих дней.
2001

* * *

От нежности — немеют руки.
От нежности — моя тоска.
От нежности и от разлуки...
Ни петь, ни спать — пишу пока.

От горечи — моя услада.
От горечи — мой тихий грех.
От горечи до шоколада
Один лишь вздох, один лишь смех.

От времени — бывает странно.
От времени — уходим мы.

Со временем ворвусь неожиданно
В твои младенческие сны.

ЛАКРИМОЗА (сандал)

Простите мне мои долги!
Боюсь, мне вас не пережить.
Теперь я знаю: нужно пить,
Чтоб не сойти с ума с тоски,

Тоски и боли... Где-то там
За чёрной ночью мне спасенье:
Простое Ангела виденье
Спешит в тумане к Небесам...

Простите! В этот день негоже,
Негоже плакаться чужим.
И пусть мороз бежит по коже:
«Я просто ветер, просто дым».

* * *

Всё тот же запах магистрали...
За протяженностью дорог
Мы никогда не понимали,
Как бесконечно одинок
Влюбленный странник! Удивленно
Я брови вскинула тогда:
На стёкла падала вода,
И ты назвал меня Алёной.

* * *

Птицей я буду, чтобы любить тебя:
Руки щипать тонким клювом,
Перья теряя, тебя раздевать
И не уметь говорить, чтоб вовеки
Лжи от меня не услышал...

* * *

О, вы, хмельные клавиши
Крылатого рояля,
Чьи пальцы вас вчера ещё
Бесстыдно целовали?

Настойчиво и ласково,
Легко и вдохновенно
Пронзали полночь майскую
Прелодии Шопена.

А я сидела, бледная,
И только в полумраке
Луна бросала медная
Таинственные знаки:

Изогнутые полосы,
Свечение и тени —
На клавиши, на волосы,
На руки, на колени...

БЕРЕЗА

Мне мила она тем, что белая,
Что чиста, легка и стройна
И что с детства легонько пела
Свои чудные песни она.

Хорошо было летом жарким
Под берёзой укрыться той
И смотреть за полётом жаворонка,
Вертолётной его игрой.

Видел разные я деревья,
Но увидеть нигде не пришлось
Мне деревьев нежней и добрее
Подмосковных наших берёз.

Если б ей оказаться в пустыне,
То тогда б после знойных дорог
Под ветвями её густыми
Освежиться бы путник мог.

Только ей чужеземные страны
Могут очень губительны быть...
Вне России берёза? Странно.
Ей нельзя без России жить.

ЖАВОРОНОК

Я столько раз его встречал
И всё не удивился.
Он, словно ручеёк, в лучах
Журчал и в небо лился.

Нет птицы веселей, чем он.
Нет смеха откровенней.
То ввинтит в небо перезвон,
А вот уж — приземленье.

Как колокольчик — динь-динь-дон.
Неутомимо. Шустро.
И было б в поле без него,
Наверно, просто пусто.

ГРОЗА МАЙСКОЙ НОЧЬЮ

Копились взрывные силы
Где-то вверху, в облаках.
Носили их тучи, носили
И не сдержали в руках.

Молний гигантские прутья,
Калённые добела,
В землю, желая проткнуть её,
Врезались. Исчезла мгла.

Дрожали в городе здания.
Небо трещало по швам.
В природе поднялось восстание —
Огненно-водный шквал.

Так в человеке страсти
Копятся до поры.
И вдруг раскроет настежь
Душу громовый взрыв.

Вырвутся страсти шквалом,
Силы души обнажив.
Красивы люди с накалом,
Без них застоялась бы жизнь.

ГРАЧ

Он прилетает раньше всех,
Едва весна проглянет.
Но вот уж выпал первый снег,
А он с отлётом тянет.

Рыдая, стаи журавлей
В чужие дали мчатся.
А грач — всё тут.
Грачу трудней
С Россией расставаться.

НЕЗАБУДКИ

Сажают люди розы чуткие,
Пионы, флоксы и табак.
Но что сажают незабудки,
Мне всё не верилось никак.

Но нет, ошибки всё же не было:
Полоской узкой вдоль травы
Росли они, росинки неба
Необычайной синевы.

Сказал солдат: «Здоровы будьте!»
Ушёл. Остался на войне.
У дочки слёзы-незабудки
Блестят всё время по весне.

ЧИСТАЯ РЕЧКА

После той внезапной встречи
Не могу тебя забыть.
Ты подобна чистой речке,
Из которой пить и пить.

Мимо речки равнодушно
Никогда не проходил.
И когда мне было душно,
Все печали в ней топил.

И к тебе, как к чистой речке,
Не прийти я не могу.

Встречу — сердцу станет легче,
Словно там, на берегу.

БЕРЁЗЫ В БЕРЛИНЕ

В Берлине дальнем, в Трентов-парке
Уже который год подряд
Убитые в сраженьях жарких
Солдаты русские лежат.
А рядом, рядом, словно ивы
Над Волгой-матушкой рекой,
Берёзки головы склонили,
Шурша зелёною листвою.
И кажется, солдаты просто
В военном госпитале спят
И, как заботливые сёстры,
Берёзки ходят вдоль палат.
Но нет, бойцам не пробудиться
И не прийти домой назад.
И вместе с ними за границей
Берёзки русские грустят.

1972

Александр РЫТОВ

КАРДИОГРАММА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

Кардиограмма дальних странствий
Мой тихий дом пересечёт,
И пульс в непознанном пространстве
Продолжит новый свой отсчёт.

Вдруг мрак июльский разойдётся,
И осветят уснувший сад
Огни бродячих крестоносцев
И заблудившихся армад.

Под крики сов, под вздохи выши
Зажжётся новая звезда...
И мой сосед решит, что выпил
Сегодня больше, чем всегда.

ЧУГУННАЯ ЛУНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Осыпалась на стенах штукатурка,
Чернила разлились по всей тетради.
Чугунная Луна Санкт-Петербурга
Продавливает стёкла и кровати.

Дрожит моя скрипучая конурка,
Вся в мебели немислимой и хламе,
Чугунная Луна Санкт-Петербурга
Гремит своими чёрными цепями.

То кратером к окну она прижмётся
Как ухом, чтобы слышать откровенья,
То, сильно раскачавшись, пронесётся
За чьей-то неразгаданною тенью.

Её гипноз под утро не слабеет,
Лучи её, как порванные струны...
И кажется, что сердце каменеет,
А, может быть, становится чугунным.

На вешалке пятном из тёмных точек
Висит моя столетняя тужурка.
В окне висит, подвешенная к ночи,
Чугунная Луна Санкт-Петербурга.

СОРЕВНОВАНИЕ В НОЧНОМ НИИ

В тихом холле, в час полночный —
Пирамида из камней.
Отражая свет песочный,
Пальма высится над ней.
Кто-то ночью мирно спит,
Ну а я, надежд не строя,
Соревнуюсь с тишиною —
Кто кого перемолчит.

Безнадежная затея
На осколках февраля!
День становится длиннее
Незаметно для меня.

Тень моя едва дрожит...
У окна ночного стоя,
Соревнуемся с Луною —
Кто кого переглядит.

Я с фатальностью не свыкся,
Рюмку с ночью разобью —
Пусть Харон грустит у Стикса,
Ожидая тень мою.

И опять, за годом год,
Соревнуюсь так беспечно
С глыбой под названьем вечность —
Кто кого переживёт.

1990

МАРШ НЕИЗВЕСТНЫХ

Ветер в пейзаже февральской пурги
Ткани полотнищ цветных раздувает,
Колья ограды, как струны, цепляет
И налетает на сосен штыки...

Бей, барабан, эхом вечных разлук.
Пусть барабанщики будят округу...
Громче гремите, друзья, пока выюга
Палочки ваши не вырвет из рук.

Эй, трубачи, в ваш последний ночлег
Громче трубите и радуйте души
Вплоть до минуты, пока не заглушат
Медь обречённую ветер и снег.

Тянутся тени к холодной Луне,
Песни героев навеки умолкли,
Снегом засыпаны их треуголки,
Ранец навеки прижат к их спине...

Только наивное их «не забудь!»
Смех вызывает у стражей небесных,
Ночь. Продолжается марш неизвестных,
И никому неизвестен их путь...

ПО ТАЙНЫМ ТРОПАМ ЧЕ ГЕВАРЫ

Большой отряд, а может, банда
Или подобие отары,
Плетётся шумным караваном
По тайным тропам Че Гевары.

Под голос дудочек и бубнов
В них мрак обугленный смеётся,
Блестят глаза, сверкают зубы
В воспоминаниях о Троцком.

На вертикальных андских склонах
Сменяют радость боль и траур.
Им всем со смертных медальонов
Свою улыбку дарит Мао.

Они бредут в просторных пончо
И смотрят сверху на селенья,
Где, вероятно, поздней ночью
Родился в муках новый гений.

А я иду за ними следом,
Делю все беды с их отрядом,
Я созерцатель их победы,
Хотя в душе не самарада.

И у костра сижу поодаль,
Считая искры и знаменья,
Меня притягивает мода
Всех экзотических учений...

И я пишу свои романы
Для беспокойных территорий.
Пусть исполняют их повстанцы
В глуши ночных высокогорий!

АУРА АУСТЕРЛИЦА

На небе дальние зарницы
Рисуют странные узоры.
Над полем мёртвых гренадёров
Поёт печальная цевница.

И аура Аустерлица
Всё ищет свой последний берег,
Влетая ночью в чьи-то двери,
Чтоб вновь кому-нибудь присниться

Цветами войск в бою жестоком,
Стеной дымов, обрывком карты
И тёмной точкой Бонапарта
На возвышении далёком.

СТОКГОЛЬМ – АЛЕКСАНДРИЯ

Когда подумаешь о странном,
О мире, смертном и печальном,
В просторной мгле веков уснувших
Тебя коснутся чьи-то души.

В лучах барокко улыбаясь,
Они, как ангелы, наивны,
Их нрав спокоен и беспечен,
Их век земной был скоротечен...

И снова мысль о невозвратном,
И сны о будущем смешные...
Вот объявляется посадка
На рейс Стокгольм – Александрия.

Ветра шумят во мраке диком,
И самолёт в ночной стихии,
Там юный швед читает книгу
О днях последних Византии.

Он пролетит над Критом сонным,
Над кораблём в лимане спящим,
Он между будущим и прошлым,
В неуловимом настоящем.

В ХОЛЛЕ «ВИКТОРИЯ»

Вечер осенний в софийской гостинице,
Город открыт, как цветная шкатулка.
Нынче ветра пишут вновь на кириллице
Буквы заглавные вдоль переулка.

Дремлют Балканы, а в холле «Виктория»
Звук фортепиано, раздумий туннели,
Верит студентка консерватории,
Что её любит хозяин отеля.

Нежное чадо Болгарии солнечной...
Всех переносит в другое пространство
Пьесой с названием «Перед полночью»
Нам неизвестного американца.

На галерею ночных посетителей
Смотрит с картины седой полководец...
Прадед хозяина нашей обители
Был генералом в болгарской пехоте.

Музыка тихо летит над высотами,
Где замерзала в сугробах разведка.
Правнук свечу зажигает над нотами
И под портретом бесстрашного предка.

И словно ожили души отпетые
В царстве заснеженных перевалов,
Эхом далеким и гулом приветствуя
Призрак любимого генерала.

Знают солдаты — в ночной акватории
Стихнет их голос мерцающим глянецом,
Только закончится в холле «Виктория»
Чудная музыка американца.

Тает на склонах надежда наивная,
Свет от луны, как дрожащее веко.
Дремлют Балканы под музыку дивную...
Скоро опять окончание века.

София, 1994

СОЛНЦЕ НАД РЖАВЫМИ РЕЛЬСАМИ

Там ржавые рельсы под старой горой,
Там песни о быстро растаявшем годе...
И нежен восход, если солнце восходит
Из чёрных туннелей, заросших травой.

И, шторы раздвинув усталой рукой
Под дальнего грома глухие раскаты,
Поэты считают восхода караты
Довольные музой своей и судьбой.

ЛЕТО ВДРУГ ОБЕРНУЛОСЬ СНОМ

Лето вдруг обернулось сном,
Осень вновь развела руками...
Ветер хлестнул по лицу песком,
Ветки осыпали муравьями.

Скоро кончится звездопад,
И луна на твоей подушке
Успокоится и назад
Поплётётся к лесной опушке.

Ох, сентябрь, — густой закат,
В окнах тёмных пейзажей — ели...
Светит звёздами мой халат
По ночам у твоей постели.

СРЕДЬ СТРАННЫХ СИЛ

Когда звезда взойдёт на небе,
Её заждавшийся песок
Вдруг станет светлым, словно север,
И станет тёплым, как восток.

Накроет ночь тяжёлым драпом
Уснувшей лодки полукруг,
Магнит морей притянет запад,
Магнит пустынь притянет юг...

И в этом хаосе туманном,
Средь странных сил во мгле ночной
Луна пройдет над океаном,
Как акробат над мостовой.

АПОСТРОФ

О рыцарь, прекрасен апостроф,
Твое украшающий имя.
Тоскуют красавицы-сёстры,
Висит неизвестность над ними.
Ты там, средь военных мелодий,
Где смерть смелых ратников косит,
А, может быть, в долгом походе
Встречаешь холодную осень.
Ты лёгок, как птица. Кольчуга
Звенит перезвоном беспечным.
Ты пишешь сонеты. Разлука
Идёт по следам твоим вечно.
Туманы расцвечены утром
Пурпурными пятнами мака.
Затишья растают минуты,
И снова начнется атака.
И если копьё катафракта
В горячее сердце вонзится,
Пурпурными пятнами мака
Расцвечены будут страницы
Сонетов. Природа застонет,
Кольчуга расколется блюдцем,
Без всадников белые кони
В стада, обезумев, собьются...
Твердыни разрушенный остов
Ласкают ночные светила.
И месяц – печальный апостроф –
Взойдёт над безвестной могилой...

АВГУСТ – ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ МЕСЯЦ

Если в травы упасть,
опрокинуться, руки раскинув,
Покачнётся земля.
Поплывёт.
Горизонты раздвинет.
Солнце в августе спеет,
наливаются жаром бока.
Голубые плывут
над землёй облака,
Голубые плывут,
тенью трав не примнут.
Неизвестно куда,
но тревожат-зовут.
Август – месяц бедовый,
познакомил меня
с той, что лучше джигита
седлала коня.
Август – месяц медовый.
Ах, тот август!..
Бегом
я спускался к реке.
Допоздна мы бродили
рука в руке.
Бабым летом в горах
так нежны вечера!
Бабым летом...
Но всё это было вчера.
Вспоминаю, грущу.
За окном фонарями
расцвечена ночь.

Я прошу, Ала-Тоо,
береги свою дочь.
Я люблю твою дочь.

* * *

Настежь окна. Вздудло занавески.
Ветер листья в комнату намёл.
Пусто в доме. Может быть, невеста
в дом нужна, чтоб стало людно в нём?
Во дворе джигит коня седлает.
В серебре и бархате седло.
Ночью за соседнее село
он поскачет. За селом его
с вечера девчонка ожидает.
Будет свадьба, разольётся той
по долине, и в саду весеннем
встретит гостя долгое веселье...
Мне ж грустить на празднике на том.
Знают лишь невеста и жених,
кто однажды познакомил их.
Знают лишь они вдвоём да я,
кто отбил девчонку у меня.

* * *

За лазурными горами
жёлтый лес, осенний дол.
За лугами, за полями
На оранжевой поляне —
Белый дом.

В доме том твои улыбки.
В доме том твои напевы.
Голос твой — и грусть, и смех —
горизонт качает зыбкий.
Скоро ляжет белый-белый
на твои поляны снег.

* * *

Юная, нежная, светлая, милая.
Белое платье, как солнце в снегу.
В брызгах шампанского, очень счастливая —
Глядя на всех, тебя видел одну.

Солнце взойдёт или звёзды рассыплотся,
Месяц пройдёт по крышам домов,
Листья с берёз, как монетки, осыплотся,
Ляжет на землю осенний покров.

Дни пролетят колесницею звонкою.
Видно, когда-нибудь нужно понять —
Чтобы увидеться с той же девчонкою,
Жизнь свою нужно сначала начать.

* * *

Опять глотаем километры,
Опять страдаем от невзгод.
Саднят натруженные нервы,
А впереди уж Новый год.

Опять зима забила в муке
И запорошила поля.
Мы ж пробиваемся сквозь вьюги
И не хотим прожить зазя.

Мы всё стремимся и стремимся,
И лишь в стремлении своём
В душе легонько улыбнёмся,
Но забываем, что живём.

Ты улыбнешься из вагона
Через холодное стекло,
А там ответят, но с платформы,
Улыбкой, что обдаст теплом.

А боль не знает передыха,
Душа болит и всё больней.
Казалось бы, давно привыкнуть
Пора, отбросить поскорей.

Но нет, не можем по-другому,
Переживая всё до дна,
И бьём заранее тревогу,
Когда беда не подошла.

Не прячь слезу и дай же волю
Своей издёрганной душе.
Посмейся над своей же болью,
Лишь солнца луч зажми в руке.

Устав кивать на непогоду,
Но, ощутив себя во мгле,
Не зная броду, лезем в воду,
Наперекор идя судьбе.

А Новый год пусть новым станет
И свежим ветром нас бодрит,
Но новизною не замажет,
Наш «статус кво» нам сохранит.

*В поезде «Лилль-Париж»,
1995*

* * *

Акации цветут,
акации —
пышным веером вдоль плетня,
а мне кажется,
мне всё кажется:
люди в белом хоронят меня.

Всё — как надо:
невычурно, просто —
вдоль околицы,
дальше,
чуть влево,
через чёрную речку к погосту —
вереница в траурах белых.

Неужели всё это со мною?
За окном расцветают сады...
Тяжело умирать.
Весною.
Непокаявшимся.
Молодым.

1977

* * *

Губы жаркие кусаешь,
Край косынки тебея.
Ты сама себя не знаешь
Так, как знаю я тебя.

Приласкаешь, приголубишь,
Нежно-сдержанно обняв.

Ты сама себя не любишь
Так, как я люблю тебя.

Вместе мы откроем двери
Шире прошеной судьбе.
Ты сама себе не веришь
Так, как верю я тебе.

1984

* * *

Жар смущённого востока,
белизна туманных рек,
шёпот флоксов жёлтооких,
васильков задорный смех,
золотое — от гречихи,
и зелёное — от трав,
улыбающихся, тихих
разросиненных митав,
голубая мягкость пруда
и тропинки серый тон
вдоль дубравы, ждущей чуда,
красных маков перезвон,
вздых оранжевой соломы,
чёрный бархат камышей,
не проснувшегося дома
тишь малиновых дверей —

вся палитра ранних красок
на овин взлетела пеклом
летним, ранним, светлым часом
и... закукарекала.

1973

* * *

Настежь, настежь окна!
Мир сомнений зыбок.
День мой светлый соткан
Из твоих улыбок.
Серым будням тесно.
Мой день — лучезарен,
Он, как сон небесный,
Мне тобой подарен.
За окном — ненастье:
Дождь напропалую.
В нашем доме — счастье:
Я тебя целую.

2001

* * *

Ночь. У речки чёрный камень.
В речке чёрная вода...
Безвозвратно, навсегда
Все мы, все мы в вечность канем.

Предначертано давно:
Что бы ни случилось с нами,
Рано ль, поздно ль — всё равно
Все мы, все мы в вечность канем.

Небо, звёзды, лунный рог —
В этом странном мирозданье
Лишь у жизней наших срок.
Все мы, все мы в вечность канем.

К жилке на твоём плече
Прикасаюсь я устами —
Поживём же, прежде чем...

Утро. Раскрываю ставни.

2002

* * *

Покосившаяся ограда,
из трубы хлебом пахнувший дым,
тайна разом расцветшего сада
под дурманящий дух резеды —
здравствуй, вольность неповторимая!
Милый, кланяющийся овин,
Здравствуй!
Здравствуй, Россия, любимая!
Это я, твой счастливый сын!
Я иду по твоим дорогам,
исцеляюсь покоем твоим.

Ну а коли опять тревога,
коли вновь загремят бои,
коли вспорют опять снаряды
плоть беременных житом полей,
я со всей чужеземной армадой
выйду в бой.
Ты меня пожалей,
коль погибну, — над речкой, на склоне
приюти меня в тайне садов,
да не бойся — пришельцев прогонят
миллионы твоих сынов.

Русь! Душистая буйность сада!
Из трубы хлебом пахнувший дым!
За тебя я умру, если надо.
Если надо —
  останусь живым
и приду и поправлю ограду...

1975

* * *

Река стекает с гор
На вольную равнину,
На солнечный простор —
Стремительно, но чинно.

И слышится реке
На солнечном просторе,
Как где-то вдалеке
Шумит большое море.

К нему река спешит,
Бежит легко и споро.
Но течь ей надлежит
По солнечным просторам!

Тут берега — песок,
Тут русло — словно вата.
Жесток реки той рок,
Судьба коротковата.

Мелея, речка, замедляет бег
И вот уж не течёт — сочится,

Уходит в землю талый снег,
Мечтавший с шумным морем слиться...

...Родился я, живу, дышу,
работаю, пишу и спорю,
и слышится мне всюду сладкий шум
огромного взволнованного моря.

Нежна твоя надёжная рука,
Любимая, и я уверен,
Что жизнь — не та пустынная река
И ты — не тот песчаный берег.

1981

* * *

Скитаемся по жизни,
не ведая дорог,
куда кривая вывезет —
на трон или в острог.

Развилки, переправы.
Извилист и тернист
наш путь —
то вверх и вправо,
то влево вдруг и вниз;

вздохнём на перевале
и — вниз, и...
и так далее.

Согласно высшей воле —
скитальцы мы.
Не более.

Но нам в движенье трудном
никто не запретит
свободно выбрать друга
и спутника в пути.

Как повезло мне в этом —
и вправду: «Всё путём!» —
что мы с Тобой по свету
скитаемся вдвоём.

2002

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

В груди — от сердца чуточку повыше —
Я ощущаю жаром Вечного Огня —
Осколок, не меня в бою сразивший,
И пулю, что убила не меня.

Я вижу: чёрные на красном поле маки,
Я слышу: дед мой умирает у реки —
И, словно за секунду до атаки,
До крови стискиваю кулаки.

1995

---

* * *

Четверг доверчивого лета
Над ширью спелых берегов
Прошел неслышно, незаметно,
Как будто не было его.

Луна, огромная, как память,
Смеётся в мутный, тихий плёс,
И тенью стелется за нами
То, что четверг с собой унёс.

В твоих глазах — испуг раскаянья,
Мой взгляд, влюблённый в твой испуг,
Берёз упругое молчанье
И бесконечный мягкий дуг.

Уходит ночь, уходит лето,
Уходит дрожь горячих губ,
В ночи не встретивших ответа, —
Всё исчезает поутру.

Пока ж куражится над нами
В бездонной бездне тишины
Луна, огромная, как память.
Уходит всё. Уйдём и мы.

Но с нами вечно будет тайна,
Та, что четверг нам подарил.
В глазах твоих — испуг раскаянья
И юный свет иной зари.

1980

ШТИЛЬ

На море смолк волнений шквал,
И в тишине мне показалось:
Что жизнь нечаянно прошла
Или ещё не начиналась,
Что вижу свет в последний раз
Иль самое его начало —
Пустынный берег и баркас,
Баркас и берег одичалый.

Безмолвие. Ни ветра. Ни души.
Восторженно, легко, нетерпеливо
Сжимаю вёсла — значит, жив! —
И радуюсь, и жду прилива.

1979

* * *

Наш мир жесток,
изменчив
и обманчив,
но непрерывна генетическая нить.
Да здравствует весенний одуванчик,
асфальт взорвавший
жаждой жить!

2003

МНЕ СНИТСЯ ДЕТСТВО

Мне что-то стало часто детство сниться:
Дорога дальняя, вечерняя звезда
И времени шальная колесница
Уносит в прошлое последние года.

Во сне я вижу утренние росы,
Луга прибрежные в цвету,
И тихие речные плёсы —
До боли близкую родного края красоту.

Во сне я слышу детства голоса.
И в этом душу бередящем хоре
Сливаются и радости, и грусть, и горе,
И жжёт глаза горячая слеза.

Я брожу до утра закоулками сонными
Той далёкой и юной, невозвратной поры,
Там, где гулкое эхо переливными звонами
Всё гуляет по весям босой детворы.

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ И БОЛЬЮ

*Не небесам чужой отчизны,
Я песни Родине слагал...
А.Н. Некрасов*

Чужой отчизны небеса
Мне могут душу оживить.
Но никакая их краса
Не обладает тою силой,

Чтобы хоть как-то изменить
Мою любовь и преданность России.

Россия – Родина моя святая!
Ты вновь у бездны на краю.
И сердце кровью истекает,
Когда гляжу я на судьбу твою,
И вижу, сколь коварна сила злая,
Что на тебя обрушилась и хищно, не щадя, терзает.

Но верю я, что этой силе
Найдет управу Мать-Россия.

О ВЕЧНОСТИ

Мы все у вечности в плену.
И нам не ведомы пути
Её глухую пелену
Насквозь когда-нибудь пройти.

У ней нет края и конца,
И только мудрая природа,
Меняя дни, сезоны, годы,
Законы ведает Творца.

Венцу природы, человеку,
Как видно, не дано от веку
Судьбой своей распорядиться,
Но с этим можно ли смириться?

Не потому ль он так беспечен,
Что кажется ему, что вечен?
Вопрос вопросов: «быть или не быть?»
И как искать ответ, чтоб вечно жить?

Ваше Могущество, Грозная Вечность!
Людам откройте глаза наконец,
Где ожидает природы венец
Горькая участь расплаты его за беспечность?

Варвара ТАРАСОВА

* * *

Весна. Окутали туманы
Застывший в нетерпенье лес,
И веет мартовским дурманом
С нависших над землёй небес.

Поля таят своё дыханье.
Боюсь и я за их покой.
Но дарит первые мечтанья
Сквозь тучи лучик золотой.

И в этом общем ожиданье
Лесов угрюмых и полей
Храню несмелое желанье
Оснеженной души моей.

Его открыть я не решаюсь
Ни роще сонной, ни ветрам
И только робко улыбаюсь
Летящим где-то журавлям.

МУЗЫКАНТ

В полумраке перехода,
В безнадежности людской
Растворилась непогода
Зимней снежной мостовой.

Шаг за шагом всё слышнее
Скрипки нежная душа.

Сердце бьётся всё сильнее,
За мелодией спеша.

В тусклом свете подземелья
На коленях у стены
Он стоит, дрожа с похмелья,
Весь в отливах седины.

Шляпа с мелочью блестящей,
Старый пыльный половик
И безумца взгляд, ловящий
Средь толпы девичий лик.

Жилы старческие ходят,
Словно волны по воде,
А рука так плавно водит,
Что не верится беде...

Всё прожито в этой жизни,
Им испито всё до дна.
Места нету укоризне,
Где бутылъ ещё полна.

Здесь под топот безразличья
Век окончить суждено,
Отдавая струн величье
За вчерашнее вино...

Так ли дорого оно?

МОЛОДАЯ МОНАХИНЯ

Душа терзалась, я терпела.
Дорога дальняя была.
Когда ж вошла, дышать не смела —
Во Храм тревога привела.
И там, среди людей, убогих,
Икон великих и лампад,
Служительниц смиренно-строгих,
Мне встретился покорный взгляд.
Лицом она ещё ребёнок.
Одежды чёрные до пят.
И голосок, небесно-звонок,
Поёт о том, что Бог распят.
Курносая. Белёсы брови,
Веснушки у зелёных глаз.
И мы стоим с тобою вровень,
Но разделяет пропасть нас.
Вот ты зажгла свечу неспешно.
Девичьи пальцы, кости цвет.
Невинна, скорбна и безгрешна
Монахиня в семнадцать лет.
Не испытать судьбы жестокой
И сына к лету не родить.
Гореть свечою одинокой,
Уйдя из мира, мир любить.
Поклон глубокий, вновь молиться...
Что ведаешь — не мне дано.
Я прихожу сюда смириться,
Постичь, что знаешь ты давно.

ПОД СТУК КОЛЁС

Даль моя, ширь моя
Необъятная.
И под рёв турбин — кроны у рябин.
И под стук колёс — серьги у берёз.
Даль моя, ширь моя
Бесприютная.
Сколь легло костями — и не счесть людьми.
А могил найти — сотни вёрст пройти.
Безымянный крест. Никого в окрест.
Даль моя, ширь моя
Беззаветная.
Под кнутом лихим — присмирившая,
При хозяине — хорошевшая,
В безвремения — залихвацкая,
И всегда беда, что кабацкая.
Даль моя, ширь моя,
Ты — любовь моя, ты — и боль моя.
От врагов спасти, пожалеть, простить
И уж сил-то нет, чтобы дать ответ,
Но уловит слух и захватит дух,
Как в тайге шумит — сердце защемит,
Как в степи поёт — за душу берёт,
Как в Москве звонят —
без греха распят
лишь тот, кто свят...

СКВОЗНЯК

Сквозняк в душе, открыты двери,
Их некому закрыть в ночи.
И тень моя, себе не веря,
Трепещет в пламени свечи.

Выходят, входят, остаются,
Всё настежь, нет замков, ключей.
А между тем надежды бьются
На сквозняке пустых речей.

Холод жгучий ощущая,
Как неразумное дитя,
Я в темноту шепчу, прощаясь:
«Дверь закрывайте, уходя!»

* * *

Таинственна в ночных огнях Севилья.
Гвадалквивир змеею лёг у ног.
И кажутся не вымыслом, а былью
Кармен, Хосе, и страсть, и страх, и рок.

Мерещатся на древних стенах тени.
Часы на кафедрале полночь бьют.
И, просыпаясь от полднейной лени,
Другого века идола встают...

И ветра жаркого порыв — Хосе дыханье.
— Кармен, ты здесь? — Я не твоя Кармен.

Холодный взгляд — жестокое признание
В страстнейшей из всех земных измен.

— Вернись, Кармен! — И смех её взамен.
Блеснул кинжал: «Теперь моя Кармен...»

НА 25-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ МГИМО

Пронеслось двадцать пять удивительных лет —
Изменились и люди, и лица.
Я не знаю, мгимовский где мой студбилет —
Может, где-то в архиве пылится.
Я давно позабыл, как сдаётся зачёт,
И экзамена сдать не сумею,
Но при слове «МГИМО» сердце сладко замрёт
И чуть-чуть на душе потеплеет.

Уж давно перебрался родной институт
С Крымской площади в стены иные,
Но к знакомому зданию ноги несут,
Где всё те же стоят часовые.
Четверть века прошло, время дальше идёт,
Но всё те же Кирилл и Мефодий,
Загрустив, что МГИМО больше здесь не живёт,
Нас всё так же встречают на входе.

В коридорах высоких меняется власть,
Гонит нас от надежды к надежде.
Как бы наша держава теперь ни звалась,
Ей мгимовцы верны, как и прежде.
Мы не служим режимам, мы служим стране,
Что бы недруги там ни твердили.
В трудный час в нашу Родину верим вдвойне —
Нас в МГИМО верить так научили.

Развела нас судьба по десяткам дорог
Всей планеты от края до края,
Но незримый мгимовский в душе огонёк
Никогда не погаснет, я знаю.

Сколько б лет ни прошло, где б ни встретиться нам
На изгибах судьбы бесконечных,
Мы – студенты МГИМО, мы – команда одна!
Наше братство мгимовское вечно!

1999

* * *

А. Горелику

Перемены, перемены...
Океан нам – по колено!
Вот опять, взревев, моторы
    Нас уносят в дальний путь.
Самолёт на запад мчится,
Притаилась заграница...
Мы ещё себя покажем!
    И ветрам открыта грудь.

Перемены, перемены...
Да, себе мы знаем цену.
Ведь огонь с водой прошли мы
    Под гуденье медных труб –
Через ямы и капканы,
То чуть грустны, то чуть пьяны,
Но всегда с улыбкой, скрытой
    За оградой сжатых губ.

Перемены, перемены...
Мы прорвёмся несомненно!
И на покорённых кручах
    Заполочется наш флаг.

Но не взятые вершины
Поманят, ведь мы — мужчины,
И раз кровь играет в жилах,
Значит, дело — не табак!

Перемены, перемены...
Посильней, чем дома стены,
Выручает нас в сраженьях
Старой дружбы талисман.
Мы за стол привычно сядем
И, в глаза друг другу глядя,
Под извечное «С приездом!»
Выпьем, чокнувшись, стакан.

* * *

А. Бугрову

Вновь года пронеслись чередою,
Как по небу весной облака.
За столом юбилейным с тобою
Нам с друзьями быть не привыкать.
Чем мы старше, тем годы короче —
Как же верен старинный романс!
Закусив удила что есть мочи,
Время гонит судьбы дилижанс.

Снова утро, дымится дорога,
Кони ржут в ожидании шпор.
Достаёт куража, слава Богу!
Значит, мчатся во весь нам опор.

Застучат всё быстрее копыта
В унисон вместе с сердцем почти,
И поскачем мы, солнцем политы,
Пусть удача нам светит в пути.

Верен путь или чудится это?
Нету времени время постичь —
Всё быстрее кружится планета,
Расплетая судеб наших нить.
Что в финале — позор или слава?
Поединки с годами всё злей.
Чем труднее судьба у державы,
Тем дороже поддержка друзей.

Всё опасней и уже дорога,
А с обочины тянутся к нам
Ложь, предательство, духа убогость,
Мы брезгливо их бьём по рукам.
Не стремясь ни к чинам, ни к наградам,
Не даём нашим душам остыть.
Водку пьём мы не с теми, с кем надо,
А лишь с теми, с кем весело пить.

И в походе том нету привалов
Ни в семнадцать и ни в сорок пять.
Нам всегда по-хорошему мало
И всегда будет нам не хватать.
В миг, когда наши юные души
Вновь слились, обуздав гонку дней,
За Бугрова бокалы осушим
И в галоп снова пустим коней!

1997

* * *

Чтобы понять, как это хорошо —
Дождь за окном, а ты сидишь на печке,
На Вашем месте, я б в поход пошёл
С товарищами по Катунь-речке.

Чтоб осознать, что репеллент нельзя
Не брать с собой, когда идёшь в походы,
Советую его разок не взять —
И Вам урок запомнится на годы.

И если ресторанное меню
Вдруг исподволь наскучит Вам немножко,
Отведайте бегущее по пню
Пюре из концентратовой картошки.

Чтоб вспомнить, важен как надёжный дом
С запорами хорошими без фальши,
Оставьте свой бумажник с рюкзаком
В палатке на ночь от костра подальше.

И если к холодам утрачен страх,
А Вам о них чуть-чуть напомнить надо,
Проснувшись, обнаружьте, что в горах
Неподалёку были снегопады.

И вспомнив городские те места,
Где Ваша жизнь проходит неумело,
Вам станет ясно — что за красота:
Река Катунь и горы в шапках белых.

И сгинут суета и ерунда,
И осенит без позы и без шума —
Когда четыре градуса вода,
Друзья куда важней гидрокостюма.

И в миг, когда высокий смысл тот
Откроется Вам, как бутон у розы,
Закончится опять, увы, поход,
И из поэзии пора Вам в прозу.

1999

* * *

Хочу успеть. Успеть устать
Мечтать, надеяться, искать,
Устать от мыслей и тревог,
От тех, кого забыть не смог.
Хочу успеть устать любить,
Устать с друзьями говорить,
Устать смотреть на звездопад
И на прибой, и на закат.
И на огонь хочу успеть
Когда-нибудь устать смотреть.
Я вовсе не спешу туда,
Где не считаются года.
Всему настанет свой черёд,
День предначертанный придёт.
И в миг, когда погаснет свет,
Поставив точку в книге лет,
Последним проблеском души,
Всем всё простив и разрешив,

Хотел бы очень осознать,
Что я успел, успел устать...
Но в том-то радость и беда,
Что не устану никогда.

1998

* * *

Ю. Исакову

...А юбилей — это лишь предлог
Согреть сердца в беседе и в стакане,
И убедиться, что магнит дорог
Не заржавел и нас всё так же манит.
Они бывают разные — пути.
То напролом, то меж камней петляя...
Не все маршруты суждено пройти,
Но основным идём, не пригибаясь.
Ни власть, ни ложь, ни золотой телец
Команду нашу одолеть не смогут.
И крепость рук, и искренность сердец
Уже не раз проверила дорога.
Нас не тревожит ветер перемен,
Наоборот — ему мы даже рады.
Тепло друзей сильнее домашних стен
Нам помогает превозмочь преграды.
Нам не нужны высокие слова,
Друг с другом мы молчать умеем просто.
И тост такой короткий «Ну, давай!»
Порой дорожке самых длинных тостов.
Всему придёт и свой черёд, и срок,
С фортуной торговаться мы не станем...

А юбилей — это лишь предлог
Согреть сердца в беседе и в стакане.

2003

* * *

А. Денисову

Я сегодня прощаюсь с Москвой,
По Арбату иду вперевалку.
Не скажу, что исполнен тоской,
Но чего-то, поверьте мне, жалко.

Было время — трамвайный звонок
Здесь звенел, плыли шины по лужам,
А теперь пешеходов поток
Мостовую прилежно утюжит.

Вон девчонки с ногами из плеч
В совершенно убийственных мини,
И от вздоха себя не сберечь
На глазах у матрёшек в витрине.

Новый русский орёт в телефон,
Демонстрируя бизнеса силу.
И позирует грустный питон
На плечах у блондинки уныло.

Мальчик. Скрипка. Потёртый футляр.
В нём доход за нестройные звуки.
Вдалеке переборы гитар,
На углу старой нищенки руки.

Вон идёт милицейский дуэт,
Озирая сограждан сердито,
Но не видит, как все, пистолет
В двух шагах под ремнём у бандита.

Вон коня придержал верховой
Для глядящего в «Nikon» японца...
И над этою всей пестротой
Полыхает московское солнце.

Город мой изменился опять,
Засверкали фронтоны, фасады.
Нелегко мне за ним попевать,
Но другого, простите, не надо.

До свидания, город родной!
Через год лишь увидеться сможем.
Никогда мне не станет другой
Город ближе, милей и дороже.

1996

* * *

Веточки сложила
Белая берёза,
В честь небесной силы
Проливая слёзы.

И молилась небу,
Матери небесной,
И святую веру
Восхваляла песней.

Веточки склоняла,
Но пока молилась,
В сетку вдруг попала,
В сетке закрутилась.

То охотник сетку
На животных ставил,
И сломалась ветка
От жестоких правил.

Но берёза снова
Потянулась к небу —
Петь про мир суровый
И святую веру.

Звери ж не подходят
К той коварной сетке —
Жизнь им охраняет
Сломанная ветка.

ЖИЗНЬ

Жене с утра сказав «бон джорно»
И от стрельбы в коленке взыв,
Бегу хромой рысцой к уборной
Гасить естественный порыв.

Лениво обреваю морду,
И мысль гнетёт, что новый день
Бюрократических рекордов
Убьёт прельстительную лень.

Как истукан стою под душем,
Течёт вода по телесам,
И мрачно истязает душу
Виденье кучи телеграмм.

Вот начал растекаться кофе
По сети кровеносных жил,
И мысль приходит вдруг: Иоффе
Здесь тоже был и кофе пил.

А дальше ждёт тебя работа,
В предутренней начавшись мгле:
Непроходимое болото
На опостылевшем столе.

Приёмы... Слухи уши лизгут.
Про Дэна шепчет старожил:
«Ему не то чтоб в рот — пониже
Я палец бы не положил».

Иль чередой идут собрания,
Иль заседания бюро,
Всех убивая бормотаньем,
Как нож под пятое ребро.

Домой вползаешь лишь под вечер,
И сам не зная для чего.
Глаза жены горят, как свечи,
Но ты не видишь ничего.

Ночами вместо сновидений
Терзает мозг бессонный бред,
И, переполненный мученьем,
Встаёшь, едва встаёт рассвет.

Плывёт враскось ладья житухи,
И дни летят куда-то в ночь,
Как испарения сивухи,
Ударив в нос, несутся прочь.

А той порой все краски мира,
Дыханье прелести земной:
Помпеи, Парфенон, Пальмира,
Мороз зимы и летний зной,

Леса России и Сахара,
Гаваев океанский вал,
Луара, Лена, Ниагара,
И Титикака, и Байкал,

Маркс, Аристотель и Спиноза,
Концертных залов торжество,

Озон лугов и запах розы,
И Мельпомены волшебство,

Девицы, женщины и бабы,
Хемингуэй и Хризостом,
Берёзы, липы, баобабы —
Всё остается за бортом.

Конечно, я dum spiro — spero,
Химерам верен человек,
Но от любви, надежды, веры
Всё больше остается дрек.

Нависла надо мной стихия
Небытия... Не-бы-тия!
И в муках корчится Россия,
Шальная родина моя.

Жизнь давит, колет, режет, душит
И убивает зов естеств,
И не отмыть от грязи душу —
Ведь нету моющих веществ.

Китай, 1988

* * *

Марине Т.

Она боялась сквозняков
И уставала от прихожей,
Где шапок, шуб и чудаков
Мелькали дружеские рожи.

И небласканно дрожа,
Глядела худенькою птицей,
Как с пьедестала этажа
Стекали временные лица,

И закрывалась молча дверь,
И удалялся топот грубый,
И тишины лохматый зверь
Теплел на вешалке, как шуба,

И было всё наоборот
В судьбе нелёгкой и упрямой,
А над кроватью, желторот,
Дремал шелкунчик Мандельштама.

ДОМ

Старый дом, а рядом поезд,
Перестук колёс.
Ах, в созвездие какое
Он меня увёз!

На озябший подоконник
Забралась луна.
Тени, тихие, как кони,
Бродят у окна.
Все заботы невесомы,
Под ногою — твердь,
Без такого — где-то! — дома,
Можно умереть,
Можно выжить, вспоминая
Далеко, давно:
Снег и листья заметают
Прежнее окно.
А вернёшься, не вернёшься —
Всё на сердце — высь!
Ветер, давший и унесший,
Дому поклонись.

* * *

О что мне круги ада?
Что по воде круги,
Когда мне только надо
Чуть-чуть твоей руки...
Одно прикосновенье
На долгие года...
Одно стихотворенье
До Страшного суда.

---

* * *

Приметно в тишине лесной,
Как хрустнет сломанная ветка,
Как нежно солнце под сосной
Теней раскидывает сетку,
Как лыжи скорые скользят,
В овраг всё ниже погружаясь,
Как мысли о тебе спешат
Промчаться, сердца не касаясь.

СИНИЕ ГЛОКСИНИИ

У меня на окне
Распустились гloxинии,
И глядят на меня
Их глаза темно-синие.
А на дне лепестков
Белизна разливается,
Словно в инее дно,
И цветы улыбаются.
Отвечаю я им
С добродушной улыбкою,
Что я очень люблю
Их головешки гибкие.
И тогда тот цветок,
Что милей и дороже мне,
Наклонился вперед,
Лепестки его сложены
И дрожат на ветру.
Я беру его бережно,
Прижимаю к себе —
Синеглазого, нежного —
И целую его
Лепесточки из бархата,
И люблюсь на шёлк
Переливчато-матовый.
А за ним мальши,
Жаждой жизни объаты,
Тянут мордочки вверх,
Как слепые котята.

1982

ВЕСНА В ДЕКАБРЕ

Воздух не воздух и небо не небо.
Что это — лето, зима или осень?
Чёрные глыбы осевшего снега
Плачут с досады и холода просят.

Мрачные тучи закрыли весь город.
Изредка выглянет блеклое солнце.
Где же наш русский некрасовский холод?
Где же узоры на светлом оконце?

Что-то случилось, наверно, с природой.
Дождь в декабре — вы такое слышали?
Дождь за неделю до Нового года!
Разве об этом мы нынче мечтали?

Разве возможно, чтоб ели снегами
Не были к празднику нежно укрыты,
Чтоб вместо снега плыла под ногами
Мутная каша из льдинок разбитых?

Мне бы хотелось, чтоб стало, как прежде:
Снег серебрился и звёзды блистали,
Чтобы исполнились наши надежды,
Чтобы дожди, наконец, перестали.

1982

ПАМЯТЬ ЗДАНИЙ

Зданию на Метростроевской

Пообтёрлись, истрепались
Зимним снегом с чёрной пылью,
Духотою летних будней,
Бесконечной мглой осенней.
В этих стенах даже старость
Кажется живущей былью.
Потревожил их раздумье
Гром шоссе́нный.

Кабинеты, коридоры,
Лифт громоздкий, окна, двери,
Полустёртые ступени, —
Как не просто их оставить.
Через согласия и споры,
Через веру и неверье
С ними связана навеки
Наша память.

Память камня недоступна
Языку стихов и прозы,
Мы привыкли к чисто внешним
Измененьям очертаний.
В жизни всё сиеминутно,
Но и радости, и слёзы
Составляют неизбежно
Память зданий.

1984

ВЕЧНА

А на углу Хмельницкого
Торгуют апельсинами,
Оранжево-задорными,
С заветным чёрным ромбиком.
А на углу Хмельницкого
Пахнуло во все стороны
Цветами тополиными
И нежно-жёлтым донником.
Пусть грязью заскорузлою
Витрины перемазаны,
Но в рыжих лужах хлопает
Вода со смесью льдин,
И продавщица грузная
Кому-то в сумку бухает
Три сетки крепко связанных
Заморских апельсинов.
И хочется до вечера
В людской разногласии
Без цели, без намеренья
Бродить по мостовой.
Ах, до чего ж стремительно
Апрельское безвременье.
Бежит, летит, уносится
Мой мячик озорной.

1984

БЕЛЫМИ НОЧАМИ

Белыми ночами
Тянет вышивать
Да под крики чаек
Тихо напевать.
Сяду у окошка
В пуховом платке,
Чтоб смотреть на баржи
На Двине-реке,
Радуясь уюту
Ниток и канвы
Да порывам ветра
С сумрачной Двины.

1984

* * *

Осенью ничто не умирает.
Посмотрите — листья на земле
Разве мёртвые? Ведь в них весна и лето.
Мудрость в них, и мудрой силой этой
Мягко светит солнце в октябре,
Ласково с лицом твоим играет.

Осенью мгновенья замирают...
Разве это смерть? Они полней,
Чем апрельские часы и сутки.
Листьями опавшими, как губкой,
Осень впитывает нас, людей.
Осенью ничто не умирает.

1984

---

* * *

Иду, и снежинки рассеянно
Садятся на щёки, на плечи.
Как будто во мне их спасение,
А не содроганье увечий.

На варежку с вышитой бабочкой
Неровной, помятой дугою
Горошинки, звёздочки, галочки
Ложатся одна за другою.

Так строят из холода зимнего
Снежинки свой домик горбатый.
Я с ним, а вокруг и внутри него —
Уютно, хотя тесновато.

Теснее, чем думалось ранее,
Хоть с ветром была заодно я.
А может, стряхнуть это здание
Нечаянное и чудное?

Не надо, не надо! Но что это?
Порыв, упоенье, круженье —
И сброшено, сломано, пролито
Создание воображенья.

Лишь несколько крошек на варежке,
Как в хлебнице после обеда.
Не стало домишки-сараяшки...
Не стало... Потеря? Победа?

О случай, вдруг ставший единственным!
О ветер, на крайности падкий!
Вы так ощутимо таинственны
На пряди волос из-под шапки.

1986

УЙТИ СПОКОЙНО

Дай бог уйти спокойно, без обид.
Друг другу на сердце не выплеснуть печали,
Чтобы пролёты лестниц не кричали
И ритм сердец надрывом не был сбит...
Зачем вторгаться в души и в дела?
Вести коня, чтобы разрушить Троию?
Дай бог сначала справиться с собою...
К чему натягивать чужие удила?
Мы, в наших душах душу истребя —
Бесценный дар любви и созиданья,
Обманываем чьи-то ожидания
И лжём себе, и любим лишь себя.

ПРИСТАНЬ

Вдруг надоели застолья,
Тянет душу к посту.
То ли старею, то ли
Просто ещё расту.
Всё вперекос... И что же
Сделать, чтоб стать умней?!
Взять бы и стать сторожем
В грустном Саду Камней.
Что за работа, право!
Сам себе бог и царь.
Слева булыжник, справа...
Сядешь и созерцай.
Или сбежать поближе,
Чтоб отойти душой?

Столько времени вижу
Берег мой небольшой.
И никуда не деться!
Что ж оставлять на «потом»?
Надо вернуться в детство,
Словно в забытый дом.
В дом, где река в ста метрах,
Где золотые шары
Тихо звенят от ветра,
Маются от жары,
Где занавешены шторы,
Чтобы полдень унять...
Надо вернуться. Чтобы
Легче себя понять!
Чтобы услышать снова
Запах и плеск реки.
Там ни единым словом
Не попрекнут за грехи.
Там вдруг услышит ухо,
Как с уроков бегу...
Здравствуй, моё Кожухово!
Пристань на том берегу!

СТОРОНА МОЯ СТЕПНАЯ

Сторона моя степная!
Позабить тебя возможно ль?
Ни конца тебе, ни края —
Ветры, вёрсты, бездорожье!
Шелест ласковый ковыльный,
Чей-то шёпот в отдаленье...
Предо мной — курган могильный,
Вдалеке дымки — селенье.
По кургану — ветры бродят,
На кургане травы пляшут,
Хороводы будто водят
И руками в танце машут.
Захотелось сердцу песен.
Строчки вырваться готовы.
Мир мне стал сегодня тесен.
Подпевай, бродяга-ветер!
Я сегодня юн и весел.
Я сегодня счастлив снова.
Подпевай мне слово в слово!
Я пою, а где-то в сопках
Вторит эхо, песне внемля:
То подтягивает робко,
То припев подхватит громко...
И стократно славят сопки
Солнце, степи, эту землю.
Сторона моя степная!
Позабить тебя возможно ль?
Ни конца тебе, ни края —
Ветры, вёрсты, бездорожье...

ОБ АВТОРАХ

АЛИМОВ Юрий Иванович. Окончил МГИМО в 1951 г. Был советником МИД СССР/России. Кандидат исторических наук.

АНДРЮХИНА Ольга Сергеевна. Студентка факультета международных экономических отношений с 2000 г. (поэтический клуб МГИМО).

АНУФРИЕВ Александр Фёдорович. Преподаватель кафедры английского языка. В МГИМО с 1974 г.

АРДАТОВСКИЙ Вадим Порфирьевич (1926–1983). Окончил МГИМО в 1948 г. Работал в Гостелерадио, АПН, в газетах «Советская Россия» и «Известия».

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович. Окончил МГИМО в 1989 г. Начальник отдела I-го Департамента Азии МИД России.

БЕЛОВА Галерия Антониновна. Доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока. Кандидат исторических наук. В МГИМО с 1995 г. Член Союза писателей России.

БЕЛОВОЛ Олег Николаевич. Окончил МГИМО в 1995 г. Второй секретарь Департамента кадров МИД России.

БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович. Окончил МГИМО в 1957 г. Министр иностранных дел СССР (1991). Президент Всемирной ассоциации бывших министров иностранных дел. Президент Внешнеполитической ассоциации.

БРАТЧЕНКО Екатерина Владимировна. Окончила МГИМО в 1991 г. Второй секретарь Департамента консульской службы МИД России.

БРУХНОВ Марат Акимович. Участник ВОВ. Окончил МГИМО в 1953 г. Детский писатель. Редактор книг серии «Жизнь замечательных людей».

БРЫКСА Виктория Викторовна. Окончила МГИМО в 2004 г. (поэтический клуб МГИМО).

БУЛИН Дмитрий Николаевич. Студент факультета международной журналистики с 2001 г.

ВИТЮК Виктор Владимирович. Окончил МГИМО в 1948 г. Литератор. Доктор философских наук. Главный научный сотрудник Института социологических наук РАН.

ВОЛЧЕНКО Надежда Яковлевна. Окончила МГИМО в 1952 г. Заведовала международным отделом Союза кинематографистов СССР.

ГЛАГОЛЕВ Александр Владимирович (1962–1990). Окончил МГИМО в 1985 г. Работал в области авторского и патентного права.

ГЛАДКОВ Александр Евгеньевич. Начальник отдела международных связей МГИМО (1993–2000). Вице-консул в Мюнхене (2000–2004).

ГОРЛЕНКО Наталья Викторовна. Окончила МГИМО в 1977 г.

ГРЕЧУХИНА Екатерина Михайловна. Окончила МГИМО в 2004 г. (поэтический клуб МГИМО).

ДАВЫДОВ Алексей Алексеевич. Окончил МГИМО в 1975 г.

ДЪЯКОНОВ Игорь Дмитриевич. Окончил МГИМО в 1972 г. Посол в Никарагуа, по совместительству в Гондурасе и Сальвадоре.

ЕФИМОВ Роберт Владимирович. Окончил МГИМО в 1957 г. Полковник. Профессор. Кандидат филологических наук.

ЗАХАРОВ Василий Демидович. Окончил МГИМО в 1954 г. Работал в МИД СССР.

ЗОНОВА Станислава Викторовна. Аспирантка кафедры философии МГИМО.

ЗУБРИЦКИЙ Юрий Александрович. Участник ВОВ. Окончил МГИМО в 1951 г. Научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

ИВАНОВА Юлия Сергеевна. Окончила ИВЭС МГИМО в 1998 г.

ИСАЕВА Ксения Николаевна. Студентка магистратуры факультета международных отношений с 2003 г.

КАЗИМИРОВ Владимир Николаевич. Окончил МГИМО в 1953 г. Был посолом в Коста-Рике, Венесуэле, Тринидаде и Тобаго, Анголе, Гватемале. Глава посреднической миссии по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе (1992–1996).

КАРАГОД Юлия Александровна. Окончила МГИМО в 2003 г.

КАШЛЕВ Юрий Борисович. Окончил МГИМО в 1957 г. Был послом в Польше и ректором Дипакадемии МИД России. Профессор. Доктор исторических наук.

КЛИМОВСКИЙ Константин Вячеславович. Окончил МГИМО в 1989 г. Начальник секретариата заместителя министра иностранных дел России.

КОВАЛЁВ Анатолий Гаврилович (1923–2002). Окончил МГИМО в 1948 г. Первый заместитель министра иностранных дел. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Лауреат государственной премии.

КОЗЛОВ Анатолий Лаврович (1927–1960). Окончил МГИМО в 1951 г. Литературный сотрудник газеты «Советская культура».

КОЛОСОВА Ирина Валерьевна. Окончила МГИМО в 2001 г. Атташе посольства в Нидерландах.

КОНОНЕНКО Максим Сергеевич. Окончил МГИМО в 2003 г.

КУЗНЕЦОВА Наталия Дмитриевна. Доцент кафедры английского языка. В МГИМО с 1968 г.

КУМАРИТОВ Пётр Михайлович. Студент ИВЭС с 2001 г. (поэтический клуб МГИМО).

КУЩЕВ Евгений Иванович. Окончил МГИМО в 1953 г. Работал в МИД СССР/России.

ЛАВРОВ Сергей Викторович. Окончил МГИМО в 1972 г. Министр иностранных дел России, ранее – представитель при ООН (1994–2004).

ЛАЙДИНЕН Наталья Валерьевна. Окончила МГИМО в 1998 г. Кандидат социологических наук.

ЛОМЕЙКО Владимир Борисович. Окончил МГИМО в 1960 г. Работал в Комитете молодёжных организаций и МИД СССР/России, а также в ЮНЕСКО. Был представителем при ЮНЕСКО. Посол.

ЛЯПУСТИН Евгений Александрович. Окончил МГИМО в 1987 г. Советник Посольства России в Молдавии.

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич. Окончил МГИМО в 1966 г. Доктор юридических наук. Профессор кафедры международного права МГИМО.

МАМАЕВ Михаил Алексеевич. Окончил МГИМО в 1988 г.

МАТЮХИН Павел Юрьевич. Окончил МГИМО в 1986 г.

МИТРОФАНОВА Алла Сергеевна. Окончила МГИМО в 2003 г.

МОЖАЕВ Всеволод Евгеньевич. Окончил МГИМО в 1953 г. Был советником МИД СССР, заведующим международным отделом ВЦСПС.

НОВЛЯНКИН Виталий Сергеевич (1925–2003). Участник ВОВ. Окончил МГИМО в 1953 г. Член Союза писателей СССР. Прозаик и поэт.

ОБМИНСКИЙ Эрнест Евгеньевич. Окончил МГИМО в 1953 г. Был заместителем министра иностранных дел. Посол. Член-корреспондент РАН.

ОЗЕРОВ Олег Борисович. Окончил МГИМО в 1981 г. Начальник отдела Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России.

ОКУЛОВ Евгений Ростиславович. Окончил МГИМО в 1975 г.

ОРЛОВ Виктор Венедиктович (1929–1972). Окончил МГИМО в 1950 г. Работал в газетах «Известия» и «Советская культура», в журнале «Крокодил».

ПАНИЧКИНА Анна Николаевна. Студентка ИВЭС с 2001 г., сотрудник деканата МБДА (поэтический клуб МГИМО).

ПАНОВ Анатолий Юрьевич. Окончил МГИМО в 1989 г. Был референтом-секретарем посольства в Индии.

ПОЛТЕВА Ксения Александровна. Окончила МГИМО в 2003 г. Аспирантка по кафедре философии.

ПОТЕХИН Сергей Иванович. Окончил МГИМО в 1965 г. Был советником МИД России.

РАННИХ Елена Васильевна. Окончила МГИМО в 2001 г. Атташе Департамента по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИД России.

РЕШЕТОВА Ольга Михайловна. Окончила МГИМО в 2004 г.

РУСАКОВ Юрий Сергеевич. Окончил МГИМО в 1954 г. Работал в МИД СССР и органах печати. Член Союза журналистов.

РЫТОВ Александр Григорьевич. Окончил МГИМО в 1986 г. Занимается преподавательской деятельностью. Ведёт проекты современного искусства.

САРЫГУЛОВ Баян. Окончил МГИМО в 1976 г.

СОЙКИН Илья Евгеньевич. Преподаватель военной кафедры МГИМО с 2002 г. Подполковник.

СОКОЛОВ Владимир Васильевич. Окончил МГИМО в 1972 г. Кандидат социологических наук. Доцент кафедры международной журналистики. Главный редактор газеты «Международник».

СОРОКИН Валерий Евгеньевич. Окончил МГИМО в 1978 г. Заместитель директора Департамента общеазиатских проблем МИД России.

СТРИЖОВ Юрий Иванович. Окончил МГИМО в 1966 г. Был советником МИД России.

ТАРАСОВА Варвара Викторовна. Окончила МГИМО в 1998 г. Преподаватель испанского языка. Кандидат экономических наук. Член Союза писателей России.

ТЕРЕХОВ Андрей Дмитриевич. Окончил МГИМО в 1974 г. Сотрудник Секретариата ООН.

ТЕРИНА Виктория Валерьевна. Студентка факультета международной журналистики с 2002 г.

ФЕДОТОВ Владимир Павлович. Окончил МГИМО в 1953 г. Был посолом в Лаосе. Кандидат исторических наук. Член-корреспондент РАЕН.

ФРАНЦЕВА Инесса Семеновна. Окончила МГИМО в 1973 г. Кандидат экономических наук. Доцент кафедры французского языка.

ХАРИТОНОВ Владимир Гаврилович (1920–1981). Участник ВОВ. Советский поэт-песенник, автор текстов многих широко известных в народе песен, в том числе «День Победы». Учился в МГИМО с 1945 по 1947 г. В.С. Сидорин, директор Литературного института имени Горького, преподававший также в МГИМО, познакомившись со стихами Харитонова, порекомендовал ему перейти в Литинститут, где тот и завершил высшее образование.

ЧЕРНАКОВА Галина Николаевна. Окончила МГИМО в 1986 г.

ШИРОКОВА Наталья Юрьевна. Работала в МГИМО в 1972–1993 гг.

ЯКОВЛЕВ Сергей Яковлевич. Окончил МГИМО в 1971 г. Посол в Объединённых Арабских Эмиратах.

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий ТОРКУНОВ К читателю	3
Владимир ХАРИТОНОВ День Победы	6
«Гимны МГИМО»	
Вадим АРДАТОВСКИЙ	7
Виктор ОРЛОВ	10
Юрий КАШЛЕВ.	12
Сергей ЛАВРОВ.	13
Юрий АЛИМОВ.	15
Ольга АНДРЮХИНА	25
Александр АНУФРИЕВ.	28
Кирилл БАРСКИЙ	32
Галерия БЕЛОВА	42
Олег БЕЛОВОЛ	48
Александр БЕССМЕРТНЫХ	53
Екатерина БРАТЧЕНКО	59
Марат БРУХНОВ	62
Виктория БРЫКСА	65
Дмитрий БУЛИН	67
Виктор ВИТЮК.	70
Надежда ВОЛЧЕНКО	87

Александр ГЛАГОЛЕВ	94
Александр ГЛАДКОВ	97
Наталья ГОРЛЕНКО	103
Екатерина ГРЕЧУХИНА	107
Алексей ДАВЫДОВ	109
Игорь ДЪЯКОНОВ	112
Роберт ЕФИМОВ	117
Василий ЗАХАРОВ	126
Станислава ЗОНОВА	132
Юрий ЗУБРИЦКИЙ	136
Юлия ИВАНОВА	144
Ксения ИСАЕВА	145
Владимир КАЗИМИРОВ	147
Юлия КАРАГОД	162
Константин КЛИМОВСКИЙ	163
Анатолий КОВАЛЁВ	167
Анатолий КОЗЛОВ	174
Ирина КОЛОСОВА	175
Максим КОНОНЕНКО	176
Наталья КУЗНЕЦОВА	178
Пётр КУМАРИТОВ	183
Евгений КУЩЕВ	185
Сергей ЛАВРОВ	188
Наталья ЛАЙДИНЕН	205
Владимир ЛОМЕЙКО	210

Евгений ЛЯПУСТИН	213
Юрий МАЛЕЕВ	217
Михаил МАМАЕВ	224
Павел МАТЮХИН	225
Алла МИТРОФАНОВА	226
Всеволод МОЖАЕВ	227
Виталий НОВЛЯНКИН	232
Эрнест ОБМИНСКИЙ	240
Олег ОЗЕРОВ	246
Евгений ОКУЛОВ	249
Виктор ОРЛОВ	250
Анна ПАНИЧКИНА	251
Анатолий ПАНОВ	254
Ксения ПОЛТЕВА	257
Сергей ПОТЕХИН	259
Елена РАННИХ	267
Ольга РЕШЕТОВА	270
Юрий РУСАКОВ	271
Александр РЫТОВ	276
Баян САРЫГУЛОВ	286
Илья СОЙКИН	289
Владимир СОКОЛОВ	290
Валерий СОРОКИН	292
Юрий СТРИЖОВ	301
Варвара ТАРАСОВА	304

Андрей ТЕРЕХОВ	310
Виктория ТЕРИНА	319
Владимир ФЕДОТОВ	320
Инесса ФРАНЦЕВА	323
Галина ЧЕРНАКОВА	326
Наталья ШИРОКОВА.	333
Сергей ЯКОВЛЕВ	335
Об авторах.	336

НАШ ДОМ

Поэтический сборник

Составители

Казимиров Владимир Николаевич

Кузнецова Наталия Дмитриевна

Издательские и полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Генеральный директор *С.М. Линович*

Ответственный за выпуск *О.Л. Слуцкий*

Редактор *Н.Д. Кузнецова*

Художник *М.Н. Шестопал*

Компьютерная верстка *О.Л. Анисимова*

Корректоры *Т.В. Емельянова, И.А. Теплова*

Издательская лицензия ИД № 02938

от 3.09.2000 г.

Подписано в печать 6. 08. 2004.

Формат 70 x 90/32. Бумага офсетная.

Гарнитура «Vodoni». Печать офсетная. Печ. л. 11,0.

Тираж 2000 экз. Заказ 5309.

ОАО «Московские учебники и Картолитография»

125252, Москва, ул. Зорге, 15.

Тел.: (095) 195-86-47. Факс: (095) 195-89-01